

38—
450

65 9/3
Художникъ В. В. Верещагинъ.

38 450

1812.

—
Пожаръ Москвы. — Казаки. — Великая армія. —
Маршалы. — Наполеонъ I.

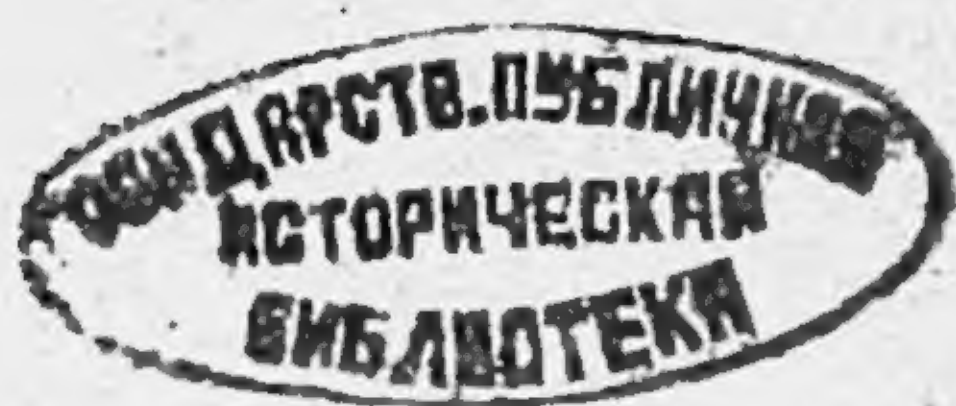

МОСКВА.

Типо-лит. Выс. утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о,
Пименовская ул., собств. домъ.

1895.

М 1086532 ✓

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я не задавался цѣлью писать въ строгомъ смыслѣ „исторію“ кратковременныхъ завоеваній Великой арміи въ Россіи. Имѣя надобность ознакомиться, для моихъ картинъ, съ личностью и образомъ дѣйствій Наполеона, въ 1812 году, я выписалъ изъ свидѣтельствъ очевидцевъ и современниковъ то, что показалось мнѣ наиболее характернымъ, въ увѣренности, что эти замѣтки будутъ небезъинтересными и для общества.

Прилагаю имена авторовъ, сочиненіями которыхъ я болѣе или менѣе пользовался.

В. Верещагинъ.

Анштедтъ.
 A. F. de B.
 Барклай.
 Бернадотъ.
 Богдановъ.
 Богдановичъ.
 Bulletins.
 Бутурлинъ.
 Bourgeois.
 Bourgogne.
 Булгаковъ.
 Wilson.
 Глинка.
 Граббе.
 Gourgaud.
 Daumery.
 Давыдовъ.
 Данилевскій.
 Dénée.
 Dumas, general.
 Durdent.
 Duverger.

Journal, pendant
 la compagnie de 12
 d'Ysnar, chevalier.
 Constant.
 Кербелецкій.
 Кутузовъ.
 Кичеевъ.
 Корнетъ, записки.
 Labaume.
 Lettres sur la guer-
 re de 1812.
 L. G. L. D.
 Marbot.
 Moniteur.
 Marin de la garde.
 Муравьевъ.
 Officier de la jeune
 garde.
 Оленинъ.
 Поповъ.
 Pradt, l'Abbé.
 Porter.

Roos.
 Ростопчинъ.
 Rapp.
 Ségur.
 Soltyk.
 Saint Brice, A.
 Терконель, лордъ.
 Толычева.
 Fain.
 Fezensac.
 Fusil, m-me.
 Феофилактъ.
 De la Flûse.
 Феньшау.
 Чернышевъ.
 Chambray.
 Chaptal.
 Шаховской.
 C-sse Choiseil
 Gouffier.
 Шишковъ.

1812.

I.

Пожаръ Москвы.

Наполеонъ шелъ въ Россію съ намѣреніемъ возстановить Польшу, а если Императоръ Александръ не смирится, то и освободить крестьянъ—эта послѣдняя мѣра должна была, впрочемъ, только служить однимъ изъ средствъ обуздать противника, такъ какъ завоеватель далеко не имѣлъ сантиментальной любви къ свободѣ вообще.

Онъ полагалъ найти въ Россіи народъ готовый сбросить рабство и если до нѣкоторой степени не ошибся, въ томъ смыслѣ, что о волѣ народъ дѣйствительно толковалъ, ждалъ её, то не понималъ, что средства для приведенія этой мысли въ исполненіе должны были быть радикально противоположны средствамъ, пущеннымъ имъ въ ходъ.

Несправедливо было бы сказать, что при движеніи Наполеона внутрь Россіи вовсе не было смуты и измѣны—онѣ были, только сравнительно не-

велики и вскорѣ покрылись общимъ единодушнымъ негодованіемъ, которому не мало способствовало варварское поведеніе французскихъ и особенно союзныхъ имъ войскъ.

Внушенія непріятеля жителямъ о томъ, что во всѣхъ занятыхъ мѣстностяхъ русскія власти, чиновники и помѣщики не будутъ болѣе допущены—настолько поколебало умы, что мѣстами крестьяне помогали непріятелю отыскивать фуражъ и скрытое имущество, а то такъ даже и пускались на открытый грабежъ господскихъ домовъ. Тутъ и тамъ крестьяне отказывались давать лошадей подъ господъ: «какъ же, станемъ мы лошадей готовить про господское добро; придетъ Бонапартъ, намъ волю дастъ,—мы господъ знать не хотимъ!» говорили мѣстами.

Что касается самихъ господъ, если съ одной стороны Энгельгардъ поступилъ какъ истинный патріотъ—остался въ деревнѣ и навредилъ сколько могъ французамъ, а когда на него донесли, не оправдываясь, безстрашно принялъ смерть—то съ другой, видѣли какъ князь Багратіонъ сорвалъ крестъ съ шеи одного чиновника и объявилъ его измѣнникомъ, недостойнымъ служить своему Государю. Въ захваченной коляскѣ французскаго генерала Монбрюна, между другими бумагами, найдена была записка, сообщавшая о планѣ предположенной русскими атаки, выданномъ очевидно кѣмъ-либо изъ офицеровъ русской главной квартиры.

Особенно непонятно поведеніе Могилевского и Ви-

тебскаго духовенствъ, настолько повѣрившихъ разсказамъ о непринадлежности болѣе завоеванныхъ губерній къ Россіи, что епископъ Варлаамъ и самъ принесъ присягу на вѣрность Наполеону, и разослалъ черезъ консисторію указъ всѣмъ священникамъ своей паствы: принявши ту же присягу, поминать въ церквахъ, вмѣсто императора Александра, Наполеона *).

За архіереемъ, священникъ Добровольскій и многіе другіе, отправляя литургію и молебны, вовсе не упоминали никого изъ фамиліи Императорскаго Русскаго Дома, а молились «о здравіи французскаго императора и италійскаго короля, великаго Наполеона».

По отступленіи французовъ не мало было дѣлъ о смутѣ между духовными и гражданскими властями и архіепископъ Феофилактъ, посланный для водворенія духовнаго порядка въ краѣ, писалъ министру: «по гражданской части всѣ слѣды измѣны закрыты и гражданскій губернаторъ графъ Толстой, зная совершенно кто былъ измѣнникомъ, поневолѣ продолжаетъ служить съ ними»...

Интересно, что маршалъ Даву, герцогъ Экмюльскій, лично вступилъ въ догматическій споръ съ Могилевскимъ архіепископомъ и предложилъ, признавъ совершившійся фактъ, поминать на эктеніяхъ импера-

*) „Я, нижеподписавшійся, клявусь Всемогущимъ Богомъ въ томъ, что установленному правительству, отъ его Императорскаго Величества французскаго Императора и италійскаго Короля Наполеона, имѣю быть вѣрнымъ и всѣ повелѣнія его исполнять и дабы исполнены были—стараться буду“.

тора Наполеона, при чемъ оперся на слова Евангелія «воздайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу».—Именно этого я и держусь, отвѣтилъ архіерей, поминая своего государя...—«Но вѣдь Кесарь въ этихъ словахъ означаетъ наиболѣе сильнаго, побѣдителя», объяснилъ маршалъ...

«Въ народѣ безспорно было недовольство, говоритъ А. F. de-V., бывшій офицеръ русской службы, и чѣмъ далѣе шелъ непріятель, тѣмъ оно сказывалось сильнѣе. Расположеніе умовъ было очень и очень сомнительное, но Наполеонъ, или вѣрнѣе войска его, сами позаботились о томъ, чтобы вырвать изъ среды крестьянъ слабые зачатки вѣры въ его освободительныя намѣренія. Скоро стали расходиться въ народѣ слухи, что непріятель грабитъ и обращаетъ церкви въ конюшни, св. иконы топчетъ, рубить на дрова, не щадить жителей, ни женъ ихъ, ни дѣвицъ, ни даже дѣтей, все добро крестьянское забираетъ, а воли объявлять и не думаетъ... Тогда крестьяне стали поголовно уходить въ лѣса со своимъ добромъ и жечь то, чего нельзя было спрятать».

Извѣстно, какія обиды терпѣли обыкновенно жители странъ, подвергавшихся французскому нашествію, но никогда, вѣроятно, они не доходили до такой степени неистовства, какъ въ эту кампанію. О раззореніяхъ и грабежахъ по дорогѣ многіе безпристрастные очевидцы французы даютъ интересныя подробности. Лабауте приводитъ нѣсколько случаевъ самаго варварскаго обращенія войскъ съ частною собственностью: «Мы

вошли, говоритъ онъ, въ большое помѣстье Введенское—прелестное мѣсто, съ прекрасно отдѣланнымъ внутри и снаружи домомъ; въ нѣсколько минутъ все было разбито и разнесено, такъ что даже не успѣли ничѣмъ воспользоваться...» Другой разъ: «мы остановились въ богатомъ домѣ, съ чудеснымъ садомъ. Видимо, помѣщеніе только недавно было отдѣлано, но уже раззорено самымъ ужаснымъ образомъ: вездѣ по дорожкамъ валялась разбитая мебель, обломки дорогого фарфора и многоцѣнныхъ гравюръ, вырванныхъ изъ рамъ и разбросанныхъ по вѣтру»...

Bourgeois говоритъ, что «жители, выгоняемые изъ домовъ пожаромъ, бросались куда попало. Иногда они искали спасенія у безчеловѣчныхъ солдатъ, которые ихъ дочиста грабили.... Всѣ женщины хватились и подвергались послѣднимъ оскорбленіямъ.... Даже разрывали могилы, ища спрятанныхъ сокровищъ. Послѣ этого стало понятно, почему французы встрѣчали одни пылающіе города, стало понятно, что русскіе хотѣли заставить ихъ идти по пустынямъ безъ жилья, безъ пищи, даже безъ воды: передъ тѣмъ какъ жечь дома, жители засоряли колодцы нечистотами и падалью, жгли запасные магазины, гумна и стоги сѣна—словомъ, не щадили ничего».

Извѣстно, какъ отвѣтили москвичи на призывъ императора Александра. Много ратниковъ предложено было дворянами, много денегъ купцами. Хотя часть ратниковъ была доставлена поздно, а часть денегъ вносилась силкомъ еще въ 1814 году—нѣтъ сомнѣнія,

что народъ московскій, не допуская и мысли о какой-либо уступкѣ Наполеону, рѣшился воевать съ нимъ до крайности. Нашлось, правда, нѣсколько дворянъ и не мало купцовъ, согласившихся поступить на службу въ наполеоновскую администрацію, но эти отдѣльные случаи не измѣняютъ общаго патріотическаго характера отношеній Москвы къ завоевателю.

Какъ могло случиться, что въ Москвѣ осталось столько невывезеннаго добра? Дѣло просто: Наполеонъ выигралъ Бородинскую битву и столица очутилась въ его власти, такъ какъ удобнаго поля для новаго сраженія не было, да къ тому же результатъ второй битвы былъ бы, пожалуй, тотъ же, что и подъ Бородинымъ, гдѣ французская армія получила тяжелый нравственный ударъ, но матеріально осталась побѣдительницей, отбросила русскую армію, осмѣливаясь преградить ей путь. Врядъ ли можно было надѣяться, что вторая большая битва подъ Москвою была бы удачнѣе первой, только потому, что солдатъ одушевляло бы желаніе, во что бы то ни стало, спасти матушку-старушку: во-первыхъ, войска русскія понимали и подъ Бородинымъ, что они служатъ послѣднею защитой святому городу; во-вторыхъ, и французы, со своей стороны, удвоили бы усилія, такъ какъ имъ предстояло бы тогда или занять хорошія квартиры, отдохнуть, заключить миръ и проч., или, отступивъ, бѣжать до границы, и они тоже, во что бы то ни стало, должны были бы еще разъ, если не разбить, то столкнуть русскихъ со своей дороги. Москву не только

оставили безъ боя, а просто бросили, такъ какъ извѣстно, что москвичи не успѣли вывезти ни своихъ сокровищъ, ни церковной утвари, ни домашней обстановки, ни товаровъ, ни хлѣба. Даже арсеналь оказался невывезеннымъ!

Объясненіе этому — въ несогласіи высшаго начальства города и арміи, Ростопчина и Кутузова. Оба умные, настойчивые и при всѣхъ другихъ качествахъ капризные, не нашли ничего лучшаго, какъ пикироваться и недовѣрять другъ другу въ то время, когда городъ ждалъ или защиты, или откровеннаго совѣта выѣзжать. Кутузовъ, болѣе опытный и по лѣтамъ, и по долгой боевой службѣ, Кутузовъ — который, по словамъ Рѣпина, доступенъ всякому, но котораго сердце недоступно никому — конечно много, не менѣе Ростопчина, выстрадалъ между Бородинымъ и Москвою, и если рѣшилъ сдать городъ непріятелю, то потому, что другого исхода ему не представлялось. Всѣ демонстративные споры Бенигсена и выходки Ермолова въ противоположномъ смыслѣ звучали фальшиво и онъ справедливо не обратилъ на нихъ вниманія. Еще Барклай говорилъ въ дни своей отвѣтственности, что, «когда дѣло идетъ о спасеніи Россіи, то Москва то же, что и всякій другой русскій городъ», и умный, прозорливый Кутузовъ, котораго, по словамъ Суворова, «и Рибасъ не смогъ бы обмануть» — держался того же мнѣнія.

«Если нужно, почтите видомъ сраженія древнія стѣны Москвы», писалъ онъ Милорадовичу, изрекая

этимъ конфиденціальнымъ приказомъ старому боевому товарищу и ближайшему помощнику окончательный приговоръ столицѣ; Ростопчину же, бывшему временщику, болтуну и остряку, онъ совсѣмъ не сообщилъ своихъ намѣреній, забывая, что этотъ болтунъ и острякъ—довѣренное лицо Государя по охраненію жизни и имущества жителей столицы.

Если главнокомандующій арміи поступилъ недоувѣрчиво и лукаво съ не военнымъ генераломъ Ростопчинымъ, то и главнокомандующій Москвы слишкомъ надменно требовалъ «объясненій» отъ «старой кривой бабы», какъ онъ называлъ Кутузова.

«Обозъ нашъ грабитъ народъ», писалъ Ростопчинъ, *«извольте* мнѣ сказать, твердое ли вы намѣреніе имѣете удерживать ходъ непріятеля къ Москвѣ и защищать городъ сей. Посему я приму всѣ мѣры: или, вооружа всѣхъ, драться до послѣдней минуты, или, когда вы займетесь спасеніемъ арміи, я займусь спасеніемъ жителей и со всѣмъ, что есть военнаго, направлюсь къ вамъ на соединеніе. Вашъ отвѣтъ рѣшитъ меня, а я по смыслу его дѣйствовать буду: съ вами передъ Москвой или одинъ въ Москвѣ».

«Кривая баба», прямо говорившая «своимъ», что надобно «или спасти армію, или спасти Москву», требуя отъ московскаго главнокомандующаго провіанта и фуража, отнеслась только снисходительно къ великодушному, но непрактичному намѣренію идти къ нему на помощь со всякимъ, чѣмъ попало

вооруженнымъ, московскимъ сбродомъ и вовсе не отвѣтила о своихъ намѣреніяхъ касательно Москвы. Когда на совѣтѣ въ Филяхъ, куда Ростопчинъ даже не былъ приглашенъ, рѣшили отступить—спасать что-либо было уже поздно.

«Если непріятель и займетъ Москву, то расплывется въ ней какъ гѣбка въ водѣ, а я буду свободенъ дѣйствовать какъ захочу»—совершенно справедливо говорилъ Кутузовъ, но Ростопчину отъ этого было не легче: онъ былъ прямо обманутъ Кутузовымъ, клявшимся своими сѣдинами, что «скорѣе умретъ, чѣмъ сдастъ Москву». «Когда паны дерутся», говоритъ пословица, «у хлопцевъ чубы болятъ» —за недоразумѣніе между главнокомандующими заплатили жители Москвы. Застигнутый врасплохъ, графъ Ростопчинъ принужденъ былъ «faire bonne mine au mauvais jeu» и, въ противность прежнимъ увѣреніямъ и похвальбамъ, успѣлъ только наскоро озаботиться раздачею народу оружія изъ арсенала—лишь бы оно не досталось непріятелю—выливаніемъ на улицы водки изъ бочекъ и т. п., да выѣздомъ близкихъ лицъ и своей собственной особы. Последнее оказалось не легко исполнимымъ, какъ показалъ вызванный этимъ отъѣздомъ случай убійства купеческаго сына Верещагина.

Эта исторія теперь хорошо разъяснена: полиція увѣдомила главнокомандующаго Москвы о томъ, что народъ, освѣдомленный объ его приготовленіи къ отъѣзду изъ города, толпами валить къ его дому и

хочетъ требовать объясненія по поводу его прежнихъ обѣщаній—вести ихъ противъ непріятеля, и что, пожалуй, сбродъ этотъ силой воспрепятствуетъ его выѣзду.—Народу только что роздано было оружіе изъ арсенала и толпа явилась вооруженная винтовками безъ курковъ, ржавыми саблями и пиками—въ томъ самомъ вооруженіи, въ которомъ главнокомандующій Москвы хотѣлъ вести ихъ на Наполеона. Ростопчинъ, не имѣвшій въ своемъ распоряженіи достаточной военной силы и потому боявшійся оскорбленія достоинства своего высокаго сана, рѣшился на хитрость: какъ волкамъ, преслѣдующимъ путниковъ, бросаютъ что-либо могущее задержать ихъ и дать возможность людямъ спастись, такъ онъ вывелъ къ бушевавшей толпѣ осужденнаго за переводъ иностраннаго памфлета купеческаго сына Верещагина и, объявивъ его «измѣнникомъ, изъ-за котораго гибнетъ Москва и Россія», велѣлъ расправиться съ предателемъ своимъ судомъ; а когда толпа, не видѣвшая связи причины съ дѣйствіемъ, т. е. измѣны молодого человѣка съ отѣздомъ главнокомандующаго, не рѣшалась «бить»—приказалъ драгуну рубить юношу палашомъ....

Еще трепещущій трупъ Верещагина былъ привязанъ за ноги къ лошадиному хвосту и чернь, глумясь и ругаясь, бѣжала за нимъ по улицамъ. Волоча трупъ, толпа спустилась внизъ по Кузнецкому Мосту, повернула направо на Петровку, потомъ по Столешникову переулку на Тверскую, оттуда на рынокъ (Охотный рядъ) и наконецъ тѣло приво-

локли на Софійку, гдѣ оно было брошено за ограду небольшой церкви, позади Кузнецкаго Моста и въ послѣдствіи похоронено *).

Графъ Ростопчинъ тѣмъ временемъ сѣлъ въ экипажъ, поданный къ заднему крыльцу, и выѣхалъ изъ города.

* * *

Извѣстно, что покойный императоръ Александръ I не благоволилъ къ Кутузову со времени Аустерлицкаго сраженія, на которое Кутузовъ не соглашался, а былъ только исполнителемъ плана австрійскаго генераль-квартирмейстера Вейнротера, того несчастнаго плана, который былъ вполнѣ одобренъ императорами Русскимъ и Австрійскимъ. Тогда вина австрійца была приписана Кутузову. Въ послѣдствіи государь, вспоминая объ Аустерлицкомъ сраженіи, сказалъ: «я былъ молодъ и неопытенъ, Кутузовъ мнѣ говорилъ, что надобно дѣйствовать иначе, но ему слѣдовало быть въ своихъ мнѣніяхъ настойчивѣе». Императоръ называлъ Кутузова комедіантомъ и плаксою и, однако, несмотря на все это нерасположеніе, назначилъ стараго сподвижника Суворова, «комедіанта» и «плаксу», главнокомандующимъ всѣхъ армій, дѣйствовавшихъ противъ Наполеона, уступая въ этомъ случаѣ голосу общественнаго мнѣнія.

Говорятъ, что, отправляясь къ войскамъ, Кутузовъ

*) Когда проводили Софійку и церковь эта была снесена, тѣло Верещагина найдено вполнѣ сохранившимся: народъ умилился и многіе сочли этого несчастнаго мученикомъ, но его поскорѣе снова схоронили въ другомъ мѣстѣ.

ни себя, ни другихъ не обольщаль надеждою разбить Наполеона и высказываль надежду только обмануть его.

По прибытіи къ арміи, новый главнокомандующій, съ одной стороны, польстиль солдатамъ, громко сказавши, что съ такими молодцами нельзя отступать, а съ другой—подтянулъ офицерсвѣ, объявивши въ приказѣ, что, «въ самое короткое время, поймано разбредшихся до 2000 чиновъ и что такое непомѣрное число отлучившихся отъ своихъ командъ солдатъ, во избѣжаніе службы, доказываетъ необыкновенное ослабленіе надзора господъ полковыхъ начальниковъ». Нужно замѣтить, что къ назначенію Кутузова, встрѣченному радостно общественнымъ мнѣніемъ, многія, близко знавшія стараго генерала, лица отнеслись недовѣрчиво; такъ, пылкій Багратионъ, всячески порочившій прежде Барклая, называль теперь новаго главнокомандующаго «мошенникомъ, способнымъ измѣнить за деньги».

Послѣ рѣшеннаго на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ отступленія, русскія войска стали проходить черезъ городъ на Рязанскую дорогу. Глинка видѣль Кутузова за заставою, сидѣвшаго на дрожкахъ, погруженнаго въ глубокую думу. Полковникъ Толь подѣхаль къ нему и доложилъ о томъ, что французы уже вошли въ Москву.—«Слава Богу, отвѣтилъ Кутузовъ: это ихъ послѣднее торжество». Полки медленно проходили мимо генерала, сидѣвшаго неподвижно, облокотясь правою рукой о колѣно, какъ будто ничего не видя, ничего не слыша.

Войска отступали городомъ въ большомъ безпорядкѣ: обозы сталкивались, различныя команды отыскивали свои полки; отдѣльные солдаты порывались грабить. Народъ обступилъ транспорты съ ранеными—сердобольныя женщины бросали въ повозки деньги, не боясь зашибить больныхъ тяжелыми пятаками.

Если бы въ это время Наполеонъ догадался послать на отступавшихъ русскихъ нѣсколько полковъ своей кавалеріи, то, конечно, истребилъ бы весь нашъ арріергардъ.—Но Наполеону въ это время было не до того: онъ стоялъ за Дорогомиловскою заставой въ ожиданіи депутаціи города: требовалъ къ себѣ «негодяя» Ростопчина, коменданта, оберъ-полицеймейстера, городского голову — никто не являлся. Кутузовъ, введя его въ Москву, не оставивъ за собой слѣда, свернулъ въ сторону и надулъ противника: въ то время, какъ тотъ объявлялъ Европѣ, что русскіе бѣгутъ въ разстройство по Казанской дорогѣ, онъ, быстро повернувъ съ Рязанской дороги на Калужскую, сталъ въ заслонъ хлѣбородныхъ, не тронутыхъ нашествіемъ губерній. Чья собственно была эта мысль — до сихъ поръ точно не разъяснено, но мысль была счастливая, чреватая послѣдствіями, выгодными для русскихъ, гибельными для французовъ.

Въ Москвѣ въ это время была полная неурядица: изъ болѣе зажиточныхъ жителей остались только тѣ, которые повѣрили афишамъ Ростопчина и не вывезли своего добра, въ надеждѣ, что оно будетъ

защищено; нѣкоторые, впрочемъ, можетъ быть, надѣялись половить рыбки въ мутной водѣ; затѣмъ осталась голытьба и не мало преступниковъ; всего осталось тысячъ до пятнадцати человѣкъ. Подозрѣвавшійся въ вольныхъ мысляхъ почтъ-директоръ Ключаревъ высланъ; разные носители смуты: помянутый Верецагинъ казненъ, бывшій студентъ Урусовъ, доказывавшій, что приходъ Наполеона послужитъ къ общему благу—сначала былъ засаженъ, потомъ высланъ; наконецъ, портнымъ, намѣревавшимся бить иностранцевъ, была, для успокоенія, своевременно, по приказанію Растопчина, пущена кровь (!), а самые иностранцы удалены на баркѣ, въ Нижній-Новгородъ.

Какъ выше помянуто, передъ самымъ вступленіемъ непріятеля приказано было разбивать въ кабакахъ бочки съ виномъ—народъ на нихъ накинудся и перепился; вино текло по улицамъ и люди припадали къ мостовой, чтобы сосать его, при чемъ, разумѣется, были крикъ и драки.

«Отецъ былъ упорный человѣкъ», вспоминаетъ одна мѣщанка, «ни за что, говорить, не пойду, нечего французамъ бояться, мы его шапками закидаемъ... Раздавали оружіе въ Кремлѣ, и онъ себѣ досталъ ружье безъ курка: хоть оно, говорить, и не въ исправности, а все же пригодится, можетъ придется французамъ пострадать..... Дошли мы до Каменнаго моста, тутъ столпилось человѣкъ сто нашихъ, а по мосту проходили непріятельскіе полки. Отецъ вздумалъ погрозиться на нихъ своимъ ружьемъ: одинъ изъ нихъ

разсердился, выхватилъ у него ружье и ударилъ бѣднаго прикладомъ по затылку—кровь брызнула изъ раны».....

«Разъ сижу я подъ окномъ, рассказываетъ жена священника, и чулокъ вяжу. Вдругъ подбѣжала дьячиха: матушка, говоритъ, ребята сказываютъ, что Бонопарте вошелъ въ Дорогомиловскую да Калужскую заставу.—У меня чулокъ изъ рукъ выпалъ, я такъ и крикнула: Дмитрій Власычъ, слышишь?—А мужъ сидѣлъ въ другой комнатѣ и писалъ. Онъ спрашиваетъ: что тамъ случилось?—А то, говорю, случилось, что Бонопарте пришелъ, дьячиха рассказываетъ.—Онъ разсмѣялся: экъ ты, говоритъ, дура баба, дьячпхѣ вѣришь, а генералъ-губернатору не вѣришь. Вотъ она графская-то афишка, вѣдь я ее тебѣ читалъ—поди-ка лучше да вели самоварчикъ поставить».

«Отправили мы въ ряды кухарку за провизіей, продолжаетъ дальше та же рассказчица, да позвала она съ собой моего двоюроднаго брата, Сидоромъ Карпычемъ его звали. А онъ захватилъ съ собою кувшинчикъ да деревянную ложку: медку, говоритъ, очень захотѣлось, а тамъ стоятъ цѣлыя кадки, такъ я себѣ и положу.—Пришли, ряды пусты, кое-гдѣ промелькнетъ кто изъ непріятелей или изъ нашихъ, забираютъ себѣ что подъ руку попадетъ. Аксинья пошла за чаемъ, за сахаромъ, а онъ за медомъ и говоритъ ей: заберемъ, что надо, и жди меня, я живо покончу. Насыпала она чаю въ салфетку и сахару битаго захватила и ждетъ Сидора Карпыча, а его нѣтъ какъ нѣтъ; ужъ она думала, не случилось ли

чего съ нимъ. Пошла бы къ нему да боится запутаться въ рядахъ; сижу, говорить, въ лавкѣ да молитву творю! Вдругъ слышитъ, онъ ее выкликаетъ: Аксиныюшка, голубушка, гдѣ ты? Она вышла изъ лавки да такъ и обмерла: весь рядъ пустой, идетъ къ ней человѣкъ не человѣкъ, а чучело какое-то, она сперва не разобрала что такое. Какъ они поровнялись, такъ дѣвка померла со смѣху: весь онъ съ ногъ до головы въ меду обмазанъ, на головѣ-то шапка медовая, а лицо и не разглядишь.—И рассказалъ онъ ей, что сталъ въ кувшинъ меду класть, а пришли трое какихъ-то и говорятъ: отдай кувшинъ, а онъ не даетъ: зачѣмъ, говорить, вы шли съ пустыми руками. — Дай, говорятъ, кувшинъ!—Сидоръ Карпычъ схватилъ кувшинъ, да хотѣлъ съ нимъ бѣжать. Они его догнали, отняли кувшинъ, схватили его, озорники этакіе, да бултыхъ въ медовую бочку головой!—Я, говорить, свѣта не взвѣдѣлъ, совсѣмъ задыхаюсь. Сталъ барахтаться, кое-какъ голову высвободилъ, а ноги такъ и вязнуть; носъ, ротъ, глаза и все залѣпило. Хочу рукой лицо обчистить, а руки-то всѣ въ меду. Такой густой проклятый медъ, точно въ смолу въ него увязъ. Ужъ не знаю долго ли я тутъ промучился, а чувствую, что у меня въ головѣ помутилось. Собрался я съ послѣдними силами, схватился за край кадки и вылѣзъ вонъ. Сталъ на ноги и ничего не вижу, не соображу куда идти»...

«Мы послѣ объ этомъ много лѣтъ спустя безъ смѣху вспомнить не могли. Особенно дьячиха, шутница та-

кая, какъ его увидить: не угостить ли, говорить, тебя, Сидоръ Карпычъ, медкомъ? вѣдь ты охотникъ!»

Французы-тѣмъ временемъ входили въ городъ и, по выраженію Кутузова, расплывались въ немъ какъ губка въ водѣ; нѣкоторые только проходили улицами и становились бивуаками по окрестнымъ селамъ за городомъ, другіе, какъ гвардія, помѣщались въ самомъ Кремлѣ.

«Мы были поражены чуднымъ видомъ Москвы и авангардъ съ восторгомъ привѣтствовалъ городъ крикомъ: Москва! Москва! говоритъ Лабауте. Всѣ бросились на высоту и наперерывъ одинъ предъ другимъ открывали и указывали другъ другу новыя красоты. Дома, выкрашенные разными красками, купола, крытые желѣзомъ, серебромъ и золотомъ, удивительно разнообразили видъ; балконы и террасы дворцовъ, памятники и особенно колокольни давали намъ въ общемъ картину одного изъ тѣхъ знаменитыхъ городовъ Азіи, которые до тѣхъ поръ мы считали существовавшими только въ воображеніи арабскихъ поэтовъ».

Милорадовичъ, командовавшій арріергардомъ, предложилъ Мюрату не слишкомъ напирать и дать русскимъ войскамъ спокойно отойти, угрожая въ противномъ случаѣ зажечь за собою городъ, и король Неаполитанскій, съ дозволенія Наполеона, согласился. Передовыя французскія войска смѣшались съ казаками, шедшими въ тылу русской арміи, и Мюратъ имѣлъ случай блеснуть между «варварами»

роскошью своего наряда. Онъ выпросилъ бурку у одного изъ старшихъ казацкихъ офицеровъ и отплатилъ за нее дорогими золотыми часами, взятыми у одного изъ своихъ офицеровъ.

По мѣрѣ того, какъ французы занимали громад-
ный городъ, они все болѣе и болѣе поражались
его мертвеннымъ покоемъ и пустышностью — пол-
ная тишина кругомъ невольно заставляла и ихъ
соблюдать молчаніе, нервно прислушиваться къ гул-
ко раздававшемуся стуку лошадиныхъ копытъ о
мостовую. Самымъ храбрымъ было не по себѣ отъ этой
пустоты — при длинѣ улицъ не было возможности
съ одного конца различать людей на другомъ и
трудно было разобрать кто тамъ впереди двигался,
другъ или врагъ! Случалось, что, охваченные безот-
четнымъ страхомъ, однѣ части войска бѣжали передъ
другими, своими же....

Солдаты Bourgogne наивно выражаютъ свое уди-
вленіе пустому виду города: «мы были очень удивлены,
не видя никого, хотя бы какая-нибудь дамочка по-
слушала нашу полковую музыку, наигрывавшую мотивъ
«побѣда наша!» Мы не знали рѣшительно чему при-
писать эту полную тишину: этакій славный городъ
и вдругъ молчаливый, угрюмый, пустой! Слышенъ
былъ только шумъ нашихъ шаговъ, барабановъ и
музыки — конечно, и съ нашей стороны было не очень-
то много разговоровъ! Мы только посматривали другъ
на друга и про себя, признаться, думали, что жите-
ли, не смѣя показаться на улицахъ, смотрятъ на насъ

въ щелки ставней — оттуда вѣдь легко было смотреть, такъ что самихъ ихъ не было видно. Ну какъ же, въ самомъ дѣлѣ: можно ли было подумать, чтобы такіе богатѣйшіе дворцы, такія красивыя богатая постройки были брошены владѣльцами.... Черезъ часъ, примѣрно, послѣ нашего прихода, начались пожары; конечно, полагали мы, какіе-нибудь грабители изъ нашихъ же заронили по нечаянности огонь.... Ужъ никакъ не могли и думать, чтобы народъ этотъ былъ такой варваръ—рѣшился бы сжечь свою собственность и уничтожить одинъ изъ лучшихъ городовъ въ свѣтѣ».

«Во всѣхъ этихъ богатыхъ домахъ и дворцахъ, рассказываетъ Лабауте, мы находили только дѣтей, стариковъ, да русскихъ офицеровъ, раненыхъ въ предыдущихъ битвахъ. Въ церквахъ престолы были убраны, какъ для праздника; по множеству зажженныхъ свѣчей и лампадъ передъ образами святыхъ видно было, что до самаго ухода набожные москвичи молились. Эти разительныя картины народной набожности и приверженности къ религіи возвышали въ нашихъ глазахъ побѣжденный народъ и наводили стыдъ на насъ за сдѣланную ему несправедливость.... Иногда, подъ невольнымъ впечатлѣніемъ страха, мы чутко прислушивались: воображеніе, перво настроенное среди громаднаго покореннаго города, заставляло насъ ждать вездѣ засадъ и слышать то шумъ и бряцаніе оружія, то будто крики дерущихся».....

«Простой офицеръ очутился квартирантомъ превосходно меблированныхъ помѣщеній, въ которыхъ могъ считать себя полнымъ хозяиномъ, такъ какъ не впадѣлъ никого, кромѣ покорнаго, униженнаго дворника, дрожащею рукой представлявшаго ключи ото всего»...

«Я оставила свою квартиру 25 августа (6 сентября), рассказываетъ г-жа Фюзиль, актриса московскаго французскаго театра. Проходя городомъ, я была поражена трогательнымъ зрѣлищемъ: улицы были пусты, кое-гдѣ только встрѣчался прохожій изъ простого народа. Вдругъ я услышала вдали какое-то жалостное пѣніе—подойдя, увидѣла громадную толпу мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ образами, въ предшествіи священниковъ, поющихъ священные гимны; нельзя было безъ слезъ смотрѣть на эту картину населенія, покидающаго городъ со своими священными предметами... Вдругъ меня позвали: придите пожалуйста взглянуть на явленіе на небѣ, это удивительная вещь—точно огненный мечъ—вѣрно быть бѣдѣ! И въ самомъ дѣлѣ я увидѣла нѣчто совершенно необыкновенное, настоящее знаменіе...»

По разнымъ указаніямъ можно считать приблизительно во сто двадцать тысячъ число вошедшихъ въ Москву войскъ; но, исключая гвардіи, французскія войска на другой же день вышли изъ нея и расположились по окрестностямъ; гвардія какъ выше замѣчено заняла Кремль. Въ Москвѣ помѣстились испанцы, португальцы, швейцарцы, ба-

варскій корпусъ, виртембергскій и саксонцы. Этимъ постояннымъ пребываніемъ въ городѣ «союзнаго элемента» и надобно, вѣроятно, объяснить необычайность совершенныхъ въ Москвѣ жестокостей.

По улицамъ встрѣчалось множество отставшихъ отъ своихъ частей русскихъ солдатъ. Fezensac говоритъ, что онъ одинъ остановилъ человѣкъ 50 ихъ и отослалъ въ главный штабъ. «Генераль, которому я передалъ объ этомъ, выразилъ сожалѣніе зачѣмъ я не разстрѣлялъ ихъ всѣхъ и сказалъ, что на будущее время онъ самымъ положительнымъ образомъ рекомендуетъ мнѣ такъ раздѣливаться съ ними».

Тѣмъ временемъ пожары не только не прекраща-
лись, а все болѣе разгорались. ✓

«Страшно было», рассказываетъ оставшаяся въ Москвѣ молодая дѣвушка изъ купеческаго семейства. «Наши жгли Москву!» — «Говорили, что свои жгутъ Москву», рассказываетъ другой, «чтобы Бонапарте изъ нея выгнать. Правда или нѣтъ, того я не знаю; но что нашъ домъ подожгли, то это вѣрно!»

Видѣли, наприм., что изъ одного дома (Куракина) вышелъ управляющій съ четырьмя лакеями, которые палками гнали передъ собою пьянаго человѣка, въ бѣломъ армякѣ, радостно кричавшаго: «какъ хорошо горить!» Люди Куракина объяснили, что онъ только что поджегъ домъ и они ведутъ его къ французамъ. Его немедленно разстрѣляли.

Судя по этимъ и многимъ другимъ свидѣтельствамъ, можно заключить, что Москва была сожжена исключп-

тельно самими русскими; однако, вѣриѣ, кажется, принять, что городъ сожженъ не по обдуманному заранѣе на-
мѣренію, а просто, во-первыхъ, потому, что былъ напо-
ловину деревянный, а, во-вторыхъ — достался въ руки
непріятеля. Сначала пожаръ приписывали Ростопчи-
ну, который писалъ, между прочимъ, Багратіону, что
въ крайнемъ случаѣ рѣшился, «слѣдую русскому
правилу «не доставайся злодѣю!» обратить городъ въ
пепель!» Къ тому же заключенію приводило и то
обстоятельство, что онъ позаботился вывезти всѣ
пожарные инструменты. Но послѣ, по разслѣдова-
нію, дѣло поджоговъ оказалось болѣе случайнымъ,
что удостоверилъ и самъ Ростопчинъ: «Главная чер-
та русскаго характера», говоритъ онъ въ своемъ
объясненіи, «скорѣе уничтожить, чѣмъ сдать врагу,
пусть никому не достается». «Когда Наполеоновская
армія заняла городъ, многіе изъ генераловъ и офи-
церовъ отправились въ Каретный рядъ, гдѣ бы-
ли главные магазины экипажей, выбрали и отмѣ-
тили своими именами то, что каждому понравилось.
Владѣльцы лавокъ, съ общаго согласія, чтобъ не
быть поставщиками своихъ враговъ, зажгли мага-
зины». Это объясненіе весьма правдоподобно и ка-
жется можетъ быть принято.

Французы сначала приписывали дѣло неосторож-
ности своихъ и не мало казнились этимъ. «Много офи-
церовъ прибѣжало укрыться во дворцѣ» — говоритъ
✓ Segur. | «Начальство, самъ маршалъ Мортъе, три-
дцать шесть часовъ уже боровшійся съ пожаромъ,

просто падали отъ изнеможенія!... Всѣ молчали, всѣ мы обвиняли себя. Всѣмъ казалось, что пьянство и отсутствіе дисциплины французскихъ солдатъ началъ бѣду, а буря раздула, разнесла ее... Намъ просто противно было смотрѣть другъ на друга... Что скажетъ объ насъ Европа?! Заговаривали нерѣшительно, потупивши взоры, въ отчаяніи отъ такого страшнаго бѣдствія, омрачавшаго нашу славу, вырывавшаго у насъ плоды ея, угрожавшаго, наконецъ, нашей жизни—мы были арміею преступниковъ, которыхъ провидѣніе должно было покарать, такъ же, какъ и цивилизованный міръ... Эти досадныя мысли стали разсѣиваться только извѣстіями о томъ, что жгутъ сами русскіе! Офицеры, являвшіеся съ разныхъ сторонъ, согласно показывали одно и то же, сомнѣваться было нельзя!»...

«Въ среду утромъ, рассказываютъ французы, поднялся ураганъ и огонь началъ свирѣпствовать съ невѣроятною силой. Въ одинъ часъ онъ разнесся въ десять различныхъ мѣстъ, такъ что все огромное пространство, по ту сторону рѣки, превратилось въ море пламени, волны котораго бушевали въ воздухѣ, разнося опустошеніе и ужасъ. Вся полоса воздуха надъ городомъ превратилась въ огненную массу, которая изрыгала горящія головешки, и, вслѣдствіе расширенія воздуха отъ теплоты, буря еще болѣе усиливалась; никогда Господь Богъ въ гнѣвѣ своемъ не являлъ людямъ зрѣлища ужаснѣе этого: огонь рѣшительно повсюду, грабители преслѣдуютъ своихъ

жертвъ, а бѣжать некуда! Церкви горятъ и дома горятъ. Просто адъ кипитъ и со всѣхъ сторонъ все рушится... Бревна горятъ и катаются по улицамъ, головни такъ и сыплются; листовое желѣзо летитъ съ крышъ, жара такая, что не продохнешь, а мостовая раскалилась, жжетъ ноги. Колокольни въ огнѣ, колокола срываються, падаютъ»...

«Пожаръ продолжалъ распространяться, говоритъ Лабауше, и скоро захватилъ лучшіе кварталы города. Въ минуту всѣ чудесныя зданія, которыми мы восхищались, были охвачены и уничтожены пламенемъ. Ихъ превосходные фронтоны, украшенные барельефами и статуями, съ шумомъ и трескомъ летѣли на остатки колоннъ. Церкви, хоть и крытыя желѣзомъ, тоже рушились, а съ ними и чудесныя колокольни, сіявшія серебромъ и золотомъ, которыми наканунѣ еще мы любовались. Госпитали, со множествомъ раненыхъ, загорались также, и сцены, въ нихъ происходившія, раздирали душу. Почти всѣ эти несчастные погибли, а немногіе, еще державшіеся на ногахъ и дышавшіе, полуобгорѣлые, выползали изъ-подъ грудъ обломковъ и пепла; многіе, придавленные грудями труповъ, старались освободиться на свѣтъ Божій...»

Легко представить себѣ какимъ печальнымъ размышленіямъ долженъ былъ предаваться Наполеонъ, бывшій это время въ Петровскомъ дворцѣ; по всей вѣроятности онъ не смыкалъ глазъ, какъ и всѣ несчастныя жертвы этой ночи, потому что около 6

часовъ утра одинъ изъ его адъютантовъ отправился въ ближній лагерь и попросилъ г-жу О., спасавшуюся тамъ, явиться къ его величеству. У воротъ дворца встрѣтилъ ихъ маршалъ Мортъе и провелъ до большого зала, гдѣ, въ амбразурѣ окна, ждалъ ее Наполеонъ. — «Вы очень несчастливы, сударыня, какъ я слышалъ?» спросилъ Наполеонъ, и затѣмъ въ продолженіе часа разспрашивалъ ее объ разныхъ предметахъ...

Велики же должны были быть затрудненія завоевателя, если онъ обращался къ этой дамѣ за совѣтами политики и администраціи. Наполеонъ спрашивалъ, между прочимъ, что она думаетъ объ идеѣ освободить крестьянъ. «Я думаю, ваше величество, отвѣтила она, что они не поймутъ, что вы хотите сказать этимъ».

Не слѣдуетъ думать, что одна эта дама удостоилась такой чести, къ нему приводили не мало умниковъ, нисколько не затруднявшихся давать совѣты, такъ какъ онъ на нихъ напрашивался, а имъ совѣты ничего не стоили.

«Какъ описать все происходившее въ городѣ, отданномъ на грабежъ, говоритъ очевидецъ: солдаты, маркитанты, преступники изъ тюремъ и публичныя женщины бѣгали по улицамъ, врывались въ покинутые дома и выхватывали оттуда все, что могло имъ приглянуться. Одни накутывали на себя шелковые съ золотомъ одежды, другіе взваливали на плечи, сколько могли, безъ разбора, всякихъ мѣховъ; тамъ одѣвались въ женскія и дѣтскія шубки, солдаты и

всякая уличная сволочь разодѣвались въ придворныя одежды. Толпы бросались къ погребамъ, выбивали двери и, перепившись, шатаясь, уносили награбленное. Это безобразіе не ограничивалось только покинутыми домами: солдаты врывались во всѣ жилыя квартиры и насильовали всѣхъ попадавшихся женщинъ. Когда генералы получили приказаніе выѣхать изъ Москвы, распущенность достигла крайняго предѣла: солдаты, не сдерживаемые присутствіемъ начальства, дошли до чудовищнаго безобразія, не жалѣли ничьихъ убѣжищъ, не щадили ни церковныхъ, никакихъ другихъ украшеній и богатствъ».

«Ничто такъ не разожгло алчности грабителей, какъ Архангельскій соборъ въ Кремлѣ съ гробницами царей, въ которыхъ ожидали найти громадныя сокровища. Въ этомъ чаяніи гренадеры спустились съ факелами въ подземелье и взрыли, перебударажили самыя гробы и кости почившихъ...»

«Мы надѣялись, что хоть ночь скроетъ отъ насъ эти ужасы, но пожаръ сдѣлался еще ужаснѣе въ темнотѣ: пламя, разстилавшееся съ сѣвера на югъ, упиралось въ небо, закрытое густымъ дымомъ. Просто леденѣла кровь отъ усилившихся еще съ темнотою криковъ несчастныхъ, которыхъ мучили и убивали, воплей дѣвушекъ, искавшихъ спасенія у своихъ матерей и только еще болѣе разжигавшихъ этимъ ярость палачей. Къ этимъ воплямъ присоединялся вой собакъ, по московскому обычаю, прикованныхъ на цѣпяхъ у воротъ домовъ и сгоравшихъ вмѣстѣ съ ними...»

«Сквозь густой дымъ, виднѣлись вереницы экипажей, нагруженныхъ добычею и поминутно останавливавшихся; слышались крики возчиковъ, боявшихся сгорѣть, погонявшихъ лошадей, протискивавшихся впередъ со всевозможными ругательствами...»

«Мы встрѣтили еврея, рассказываетъ Bourgogne, который рвалъ на себѣ бороду и пейсы при видѣ горѣвшей синагоги, которой онъ былъ раввиномъ. Такъ какъ онъ болталъ немного по-нѣмецки, то мы поняли, что вмѣстѣ со многими другими своими одновѣрцами онъ снесъ въ храмъ все, что имѣлъ наиболѣе цѣннаго... Не могу себѣ представить, говорить этотъ очевидецъ, что бѣдный еврей, среди такихъ бѣдствій, не утерпѣлъ, чтобы не спросить насъ, нѣтъ ли у насъ чего-нибудь для продажи или промѣна... Онъ принужденъ былъ, несмотря на все отвращеніе, поѣсть съ нами окорока... Стрѣлки, набравшіе на монетномъ дворѣ слитковъ серебра, обѣщали ему промѣнять ихъ».

«Когда мы вошли съ нимъ въ самый еврейскій кварталъ, оказалось, что въ немъ все выгорѣло до тла—пріятель нашъ, при видѣ этого, вскрикнулъ и упалъ безъ чувствъ. Черезъ минуту онъ открылъ, однако, глаза и мы, давши ему оправиться, стали спрашивать, чего онъ такъ испугался: онъ далъ понять, что домъ его сгорѣлъ, а съ нимъ, вѣроятно, и вся семья. Сказавши это, онъ снова впалъ въ безпамятство»...

«Вездѣ вооруженные солдаты, уходя, разбивали две-

ри, будто боясь оставить домъ неграбленнымъ, и если новыя вещи были или казались лучше прежде захваченныхъ, они бросали старыя, хватали новыя, и когда повозки не могли болѣе вмѣстить, уносили цѣлыя горы на себѣ. Пожаръ часто преграждалъ имъ дорогу; тогда они возвращались назадъ и бродили по незнакому городу изъ улицы въ улицу, ища выхода изъ лабиринта огня. Несмотря на крайнюю опасность, жадность грабителей толкала ихъ лѣзть прямо въ огонь: въ крови по трупамъ пробирались они туда, гдѣ рассчитывали что-нибудь найти, несмотря на то, что угелья и горящія головни падали имъ на головы и на руки. Конечно, они погибали бы тамъ, если бы невыносимый жаръ не выгонялъ ихъ наконецъ и не заставлялъ убѣгать въ лагерь».

Земля была до такой степени нагрѣта, что нельзя было приложить къ ней руки—жгло. Ноги прожигало черезъ подошвы обуви. Растопленная мѣдь и другіе металлы, смѣшиваясь въ одну струю, текли по улицамъ, какъ увѣряють свидѣтели.

Иностранцы дивились тому, какъ русскіе жители, повидимому, хладнокровно смотрѣли на свои горящіе дома, должно быть вѣра поддерживала ихъ, потому что, не крича, не ломая рукъ и не бѣснуясь, они выносили изъ домовъ образа, ставили ихъ передъ дверями и, крестясь, уходили.

«Собрались мы, рассказываетъ одна мѣщанка, рѣшившаяся вмѣстѣ съ другими бѣжать изъ города—

къ старушкѣ Поляковой; она стоитъ у кіота и лампаду передъ иконами зажигаетъ, а сама нарядилась, словно на праздникъ собралась: вся въ бѣломъ и на голсвѣ бѣлый платокъ. Что это вы, бабушка, или не знаете, что домъ загорѣлся? заберемъ скорѣе ваши вещи, да и уйдемъ съ Богомъ: мы за вами пришли. А она говоритъ: «спасибо вамъ, мои голубчики, что не забыли меня, а я свой вѣкъ въ этомъ домѣ прожила и не выйду изъ него живая. Какъ онъ загорѣлся, я надѣла свою подвѣнечную рубашку и нарядилась какъ покойница. Стану на молитву и за молитвой застанетъ меня смерть, я готова». Начали мы представлять резоны, что зачѣмъ, молъ, вамъ идти на мученическую смерть, когда Господь вамъ помогаетъ спастися?—«Я, говоритъ, не сгорю, я задохнусь, пока огонь до меня не дойдетъ; ступайте, пора, ужъ и сюда дымъ пробирается, а мнѣ еще помолиться надо—простимся, и уходите съ Богомъ». Обняли мы ее, а сами рыдаемъ. Она насъ всѣхъ благословила и слезы у нея на глазахъ навернулись. «Простите меня, говоритъ, грѣшную, если въ чемъ передъ вами провинилась, а монаховъ увидите,—передайте имъ мой послѣдній поклонъ». Мы ей поклонились въ ноги, какъ покойницѣ. Въ комнатѣ стоялъ уже густой дымъ»...

Скромное имущество монахинь Алексѣевского монастыря, спрятанное въ кладовую, было разграблено; солдаты нарядились въ монашескія ряски... Нѣсколько человѣкъ поселились въ кельѣ игуменьи, гдѣ пировали двое сутокъ и приглашали къ себѣ

молодыхъ монахинь—одна добровольно пошла на позоръ, осталось извѣстно и имя ея. «До смерти хотѣлось намъ, не многимъ оставшимся молодымъ монашенкамъ, рассказываетъ одна, узнать, что тамъ дѣлается; мы всѣ забились въ одну комнату, отворили дверь, да и стали выходить помаленьку; а подбѣжала старушка монахиня: «куда? говорить, сейчасъ назадъ! Вы ужъ и рады на военныхъ-то глазѣтъ! срамницы этакія! Вишь какъ всѣ раскраснѣлись! путныя бы поблѣднѣли отъ страху»... Была у насъ одна монахиня, какъ ихъ, бывало, встрѣтитъ, такъ и выругаетъ—они ничего! Пошла она разъ къ колодцу воды накачать; французъ вѣжливо подскочилъ помочь ей ведра поднять—какъ она на него накинется! «Станемъ, говорить, мы послѣ твоихъ поганыхъ рукъ воду пить. Убирайся, окаянный, а не то я тебя оболую!» Другой бы, кажется, осерчалъ, а онъ засмѣялся и отошелъ».

«Въ Рождественскомъ монастырѣ придумали молоденькихъ монахинь сажей вымазать... Идутъ онѣ дворомъ, а навстрѣчу французы—тотчасъ ихъ окружили; старухи-то начали отплевываться и показывать, что клирошанки гадкія, черныя. Разсмѣялись французы. Стояла тутъ бочка съ водой, одинъ изъ нихъ налилъ воды въ ковшъ и показываетъ имъ, чтобы умылись. Онѣ сробѣли и хотѣли бѣжать. Французы ихъ догнали и начали ихъ умывать. Дѣвочки кричатъ, а старухи кричатъ, а французы помираютъ со смѣху. Какъ ихъ вымыли, начали говорить: жоли филь!»

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ, какъ и по словамъ многихъ очевидцевъ, сами французы, немилосердно разстрѣливая нашихъ, были, въ частномъ обращеніи, справедливыѣ и жалостливыѣ, чѣмъ ихъ союзники. Священникъ Казанской церкви, села Коломенскаго, близъ Москвы, рассказывалъ мнѣ, со словъ своего покойнаго тестя, что тотъ, будучи мальчикомъ, спрятался отъ французовъ въ печку и, когда вечеромъ, соскучившись и проголодавшись тамъ, началъ плакать, они его вытащили, обласкали и утѣшили сахаромъ.

Вся священная утварь этой церкви была похищена солдатами, но священникъ пошелъ къ Мюрату, остановившемуся невдалекѣ, и со слезами умолилъ возвратить вещи, нужныя для богослуженія—ихъ разыскали и отдали ему; надпись на одномъ изъ серебряныхъ сосудовъ свидѣтельствуешь объ этомъ.

Древній старичокъ деревни Новинокъ, помнящій стоявшаго у нихъ «француза», увѣрялъ меня, что непріятель не сдѣлалъ имъ большого зла—только кормился ихъ добромъ.

Непріатели не знали, что въ Кремлѣ находился пороховой складъ и непредусмотрительно помѣстили тамъ гвардейскій артиллерійскій паркъ, на открытомъ воздухѣ, такъ что достаточно было одной изъ головешекъ, носившихся въ воздухѣ, упасть на зарядный ящикъ—вся гвардія, все начальство, съ самимъ Наполеономъ, пропали бы. Въ продолженіе многихъ часовъ участь арміи зависѣла отъ всякой искры, рассыпаемой пожаромъ.

«Что же это ваши русскіе дѣлаютъ?—выговаривалъ русскому одинъ французскій генералъ,—видано ли когда-нибудь, чтобы такъ жгли свою столицу?»—«Я не знаю кто ее поджигаетъ, но послѣдствія этого для насъ самыя печальныя».—«Это вѣрно ваши казаки?»—«Полноте, гдѣ вы теперь увидите тутъ хоть одного казака?»...—«Чортъ возьми, они у воротъ города! Вчера только что на этой самой дорогѣ мы ихъ прогнали; могу васъ въ этомъ увѣрить, потому что я самъ командовалъ. Такъ не ведутъ войны!»

Другой французскій офицеръ говоритъ иначе: «хотя несчастныя послѣдствія московскаго пожара падали на насъ, тѣмъ не менѣе мы не могли не удивляться великодушному самопожертвованію жителей города, храбростью и настойчивостью поднявшихся до высокой степени славы, характеризующей великія націи».... Этотъ же писатель удивляется стойкости русскихъ, приговоренныхъ къ разстрѣліанію. «Передъ казнью каждый старался протискаться впередъ, чтобы первымъ принять ударъ. Съ видомъ полного спокойствія они крестились и падали подъ пулями солдатъ».

Одинъ изъ московскихъ католическихъ священниковъ, тоже очевидецъ, говоритъ: «солдаты не щадили ни стыдливости женскаго пола, ни дѣтской невинности, ни сѣдыхъ волосъ старухъ..... горемычные обитатели, спасаясь отъ огня, были принуждены укрываться на кладбищахъ».—«Церковная утварь, образа и всѣ священныя вещи вѣрующихъ,

говорить аббатъ, были пограблены или позорно выброшены на улицы. Священные мѣста были превращены въ казармы, бойни и конюшни; даже неприкосновенность гробницъ была нарушена. Никогда, конечно, города, даже взятые приступомъ, не подвергались бѣльшимъ поруганіямъ». Одинъ изъ французскихъ офицеровъ признавалъ, что со времени революціи не видано было такого безпорядка въ арміи.... «Всѣ улицы были полны человѣческими трупами, перемѣшанными съ падающею лошадями и другихъ животныхъ.... Здѣсь кричали караулы и голоса замирали, захлебываясь въ своей крови; тамъ жители выдерживали въ домахъ настоящую осаду, защищая свои очаги, уже ограбленные и переограбленные, противъ окончательнаго разоренія отъ пьянаго солдатства, доведеннаго до бѣшенства виномъ и этими попытками сопротивленія».

«Въ другихъ мѣстахъ тащили по улицѣ чуть не голыхъ мужчинъ и женщинъ и съ ножомъ у горла требовали открытія спрятанныхъ, будто бы, сокровищъ. Всѣ двери лавокъ были настежь открыты, продавцы въ бѣгахъ, товары разбросаны повсюду.... Не успѣвала одна шайка мародеровъ уйти изъ дома, какъ другая врывалась и не оставляла ни рубашки, ни какого-нибудь сапога».

На улицахъ эти дни жителямъ нельзя было показываться даже и съ конвоемъ, такъ какъ сама охрана грабила, а въ случаѣ крика или жалобъ была до полусмерти. Ограбленные одѣвались потомъ

во что попало, часто по-женски; грабители же почти всѣ щеголяли въ шляпахъ, украшенныхъ цвѣтами или перьями, въ кофтахъ, въ женскихъ башмакахъ. Даже французскіе офицеры принимали участіе въ этомъ смѣшномъ маскарадѣ. Начиналъ сказываться холодъ и атласныя мѣховыя шубки отлично служили для защиты отъ него, зато ихъ носили даже на лошади, поверхъ военной формы.

Мыслимо ли было скрыть что-нибудь отъ людей, воевавшихъ и грабившихъ во всѣхъ углахъ Европы? Разбивались и осматривались каминныя и печи; глубоко рылись въ землѣ, засовывали туда шпаги и штыки. Какъ сказано, разрывали кладбища, особенно свѣжія могилы, вскрывали гробы, сбрасывали больныхъ съ кроватей и рылись въ тюфякахъ. Лимонныя и апельсиныя деревья и горшки съ цвѣтами въ оранжереяхъ сбрасывались, обшаривались—не было ли въ горшкахъ запрятано что-нибудь. Даже когда проносили мертвое тѣло для погребенія, его останавливали и осматривали....

Однако одинъ жившій въ Москвѣ англичанинъ перехитрилъ таки французовъ. Онъ вырылъ глубокую яму, опустилъ на дно свои сундуки и засыпалъ землею. Потомъ, оставя до поверхности 2 аршина пустого мѣста, положилъ туда мертваго французскаго солдата. Непріятели, примѣтивъ, что земля тутъ вырыта, начали было копать, но, увидя своего мертваго собрата, оставили работу.

«Нельзя себѣ представить картину Москвы въ эти дни, говоритъ Перовскій: улицы покрыты выбро-

шенными изъ домовъ вещами и мебелью, всюду слышны пѣсни пьяныхъ солдатъ, крики грабящихъ, дерущихся между собою. Многіе французскіе офицеры весьма серьезно пеняли на то, что не могутъ найти ни сапожника, ни портного, чтобы исправить обувь или одежду — они какъ будто имѣли на то полное право и жаловались на насъ»....

Усатые разусатые гренадеры ходили въ священническихъ ризахъ, треугольныхъ шляпахъ, другіе въ женскомъ салопѣ съ эпитрахилью на шеѣ или въ женской мантильѣ, въ шароварахъ, съ каской, или въ бѣломъ плащѣ съ алымъ кокошникомъ на головѣ. Старый воинъ щеголялъ въ дьяконовскомъ стихарѣ. Тутъ всадникъ верхомъ въ монашеской рясѣ, съ краснымъ перомъ на шляпѣ, здѣсь куча солдатъ въ женскихъ юбкахъ, завязанныхъ около шеи.

Когда солдаты возвращались въ свой лагерь, переодѣтые такимъ образомъ въ самыя невѣроятныя одежды, ихъ можно было узнать только по оружію. Еще печальнѣе было то, что офицеры, подобно солдатамъ, начали ходить изъ дома въ домъ и грабить; другіе, болѣе совѣстливые, довольствовались грабежомъ въ своихъ квартирахъ. Даже генералы, подъ предлогомъ розысковъ по обязанностямъ службы, заставляли сносить отовсюду, гдѣ находили, вещи, которыя для нихъ годились.

«Мы пустили лошадей маршъ-маршемъ, рассказываетъ г-жа Фюзиль, и добрались до бульвара, но домъ, въ которомъ надѣялись укрыться, былъ весь въ огнѣ.

Мы ходили изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ: все было разорено.... Со вчерашняго дня мы ничего не ѣли. Вынесли изъ одного дома столъ и нѣсколько уцѣлѣвшихъ стульевъ, что можно было, — состряпали и обѣдали среди улицы... Пусть представляютъ себѣ этотъ обѣдъ среди домовъ въ огнѣ, нѣкоторыхъ представлявшихъ уже только дымившіяся развалины. Вѣтеръ несъ намъ въ глаза какую-то огненную пыль; тутъ же рядомъ разстрѣливали поджигателей; пьяные солдаты тащили по всѣмъ направленіямъ награбленное добро»....

И среди всѣхъ этихъ ужасовъ разыскивали по городу артистовъ; однимъ приказано было явиться для пѣнія въ концертахъ въ Кремлѣ, другимъ — играть въ нѣскоро устроенномъ театрѣ, въ домѣ Позднякова, гдѣ давали комедію. Репертуаръ былъ составленъ и залъ приведенъ въ порядокъ; занавѣсъ сшили изъ парчи священническихъ ризъ, которая пошла и на костюмы, благо солдаты охотно промѣнивали ее за кусокъ хлѣба. Партеръ освѣщала большая люстра, взятая изъ церкви; дорогая мебель набралась изъ домовъ частныхъ лицъ. Оркестръ былъ составленъ изъ полковыхъ музыкантовъ, но въ числѣ ихъ было, будто бы, нѣсколько русскихъ. Собранными по церквамъ восковыми свѣчами иллюминировали не только этотъ театръ, но и нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ домовъ, гдѣ давали балы. Французы, вальсируя другъ съ другомъ, приставали къ русскимъ: *ou sont Vos Barines? Ou sont Vos demoiselles?* и

высказывали наивное сожалѣніе, что не могутъ съ ними хорошенько поплясать.

Ни Наполеонъ, ни маршалы не посѣщали ново-устроеннаго театра, но многіе генералы и масса офицеровъ и солдатъ ежедневно наполняли залъ.

Временнаго веселья было не занимать стать тогда по Москвѣ между побѣдителями. «Такъ какъ можетъ быть пришлось бы пробыть здѣсь долго, говорить Bourgogne, то у насъ было кое-что припасено на зиму: семь большихъ ящиковъ игристаго шампанскаго и много порто; пятьсотъ бутылокъ ямайскаго рома и болѣе сотни головъ сахара—все это для шестерыхъ унтеръ-офицеровъ, одного повара и двухъ женщинъ. Говядины было мало, но у насъ была корова.... Много было также окороковъ, которыхъ мы отыскивали громадное количество. Прибавьте къ этому большой запасъ соленой рыбы, нѣсколько мѣшковъ муки, два боченка жиру, который мы приняли было за масло, также много пива. Мы спали въ бильярдной, на отличныхъ мѣхахъ соболей, куницъ, на тигровыхъ, медвѣжьихъ и лисьихъ шкурахъ; голову обвязывали тюрбаномъ изъ кашмировыхъ шалей».

«Отлучавшіеся возвращались нагруженными всѣмъ, что только можно себѣ представить чудеснаго и богатаго. Между замѣчательными вещами было нѣсколько серебряныхъ ризъ съ образовъ, съ прекрасными тисненными украшеніями; приносили также слитки серебра величиною въ кирпичъ; затѣмъ были

головныя украшенія, индѣйскія шали, ткани изъ шелка, затканныя серебромъ и золотомъ. Мы, унтеръ-офицеры, имѣли право брать себѣ отъ солдатъ двадцать процентовъ съ приносимаго ими.

Прежде всего мы позаботились нарядить нашихъ русскихъ женщинъ по-французски, маркизами, и, такъ какъ сами онѣ ничего въ этомъ не смыслили, то двое насъ, я и товарищъ мой Flaman, занялись ихъ туалетомъ. Наши двое русскихъ портныхъ были одѣты китайцами. Я — русскимъ бояриномъ; Flaman маркизомъ — словомъ, всякій изъ насъ одѣлся по своему вкусу. Наша маркитантша, тетушка Dubois, подошедшая на этотъ случай, одѣла богатое платье русской боярыни. Такъ какъ париковъ не было маркизамъ, то ротный цирюльникъ взялся ихъ причесать: намазалъ головы саломъ и посыпалъ мукой вмѣсто пудры; затянуты онѣ были отлично».

«И вотъ, когда все было готово, мы принялись танцовать. Надобно сказать, что во все время этихъ приготовленій къ балу мы пили пуншъ и что маркизы наши и маркитантша, хотя и крѣпкія на хмель, послѣ нѣсколькихъ большихъ стакановъ, были уже сильно выпивши. Оркестръ представляла флейта, на которой игралъ нашъ старшій сержантъ, ему вторилъ барабанъ. Начали съ мотива «зададимъ имъ жару», рамъ, рамъ, рамъ, тамъ, пламъ, тире, лиръ, ламъ, пламъ. Но только что раздались звуки флейты и барабана, въ ту самую минуту какъ тетушка Dubois стала выходить со своимъ vis - a - vis, наши маркизы, должно быть

.

подъ вліяніемъ удалой музыки, припались вдругъ выпрыгивать по-татарски, направо-налѣво: выкидываютъ погами, откидываютъ руками, сгибаются, разгибаются—просто самъ чортъ въ нихъ влѣзъ!»

«Если бы онѣ были одѣты по-русски, оно было бы не такъ смѣшно, но видѣть французскихъ маркизъ, какъ извѣстно, держащихъ себя чинно, такъ бѣшено прыгающими, было до того потѣшно, что мы треснули со смѣха, а флейта наша просто покатила и не могла продолжать—билъ одинъ барабанъ, и то... тревогу! А маркизы наши снова принялись за то же, пока, наконецъ, не попадали на полъ отъ усталости. Мы имъ давай аплодировать, подняли ихъ, опять стали пить и плясать, такъ до четырехъ часовъ утра»...

«На смотру, полковникъ, оглядѣвъ помѣщеніе солдатъ, спрашиваетъ: а унтеръ-офицеры хорошо помѣщены?—Очень хорошо, отвѣтилъ ему адъютантъ—ввелъ полковника въ нашу квартиру и давай отворять двери, показывать наши комнаты, да вдругъ и открылъ въ одной изъ нихъ нашихъ птичекъ—сейчасъ же онъ закрылъ дверь къ нимъ и ключъ спряталъ въ карманъ. Когда осмотръ кончился, онъ показалъ мнѣ ключъ и, смѣясь, сказалъ: «А, голубчики! у васъ дичинка въ клѣткѣ, а вы объ ней ни гугу! Что эти барышни у васъ тамъ дѣлаютъ, гдѣ вы ихъ отрыли, нигдѣ этого добра не видать, а вы раздобылись!»—Тогда я рассказалъ ему, какъ я ихъ нашелъ, и объяснилъ, что онѣ намъ моютъ бѣлье.—

«Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, дайте ихъ намъ на нѣсколько дней, пусть онѣ помоютъ и наши рубашки, очень грязныя—надѣюсь, какъ добрые товарищи, вы не откажете въ этомъ». Въ тотъ же вечеръ онъ ихъ увелъ и, надобно думать, что онѣ перемыли всѣ офицерскія рубашки, потому что воротились къ намъ черезъ недѣлю».

Не мало веселились и въ Кремлѣ. «При всѣхъ Кремлевскихъ воротахъ, говоритъ авторъ «Журнала» стояли на часахъ гвардейскіе гренадеры; они были одѣты въ русскія шубы, опоясаны кашмирскими палями. Подлѣ нихъ стояли хрустальныя вазы въ полсажени каждая, полныя самымъ деликатнымъ вареньемъ изъ разныхъ фруктовъ, съ большими деревянными суповыми ложками. Около этихъ вазъ было навалено множество всевозможной формы бутылокъ, которымъ, для быстроты, отбивали горлышки. Нѣкоторые солдаты снимали свои лохматые шапки и надѣли московскія и всѣ были болѣе или менѣе пьяны. Сложивши свое оружіе, они отбывали службу со своими суповыми ложками и не пропускали ни кого, кто отказывался пить съ ними, что требовали именемъ великаго могола, китайскаго императора и др.».

Грабежъ былъ, накопецъ, офиціально запрещенъ, но тѣмъ не менѣе онъ продолжался; несмотря на приказы, уходили цѣлыя роты, батальоны, съ которыми грабили сами офицеры. Запрещеніе отлучаться повторялось, но совершенно бесполезно. Тогда стали развѣшивать по городу строжайшіе

приказы съ угрозами и разстрѣливать ослушниковъ— это произвело свое дѣйствіе.

Жители стали понемногу выходить изъ своихъ подваловъ и не узнавали Москвы! Она превратилась въ огромныя пространства развалинъ, между которыми едва можно было различить прежнія улицы. Вездѣ на улицахъ и на дворахъ валялись трупы людей, большею частью изъ простонародья, мертвыя лошади, коровы, собаки; встрѣчалось не мало труповъ повѣшенныхъ: это были поджигатели или заподозренные таковыми; они были сначала разстрѣляны, потомъ повѣшены, и мимо всего этого солдаты проходили съ величайшимъ хладнокровіемъ.

До четырнадцати тысячъ домовъ были обращены въ пепель и въ числѣ ихъ множество настоящихъ дворцовъ, изъ которыхъ каждый, конечно, стоилъ отъ 100 до 200.000 рублей. Сгорѣло шесть тысячъ лавокъ малыхъ и большихъ, между послѣдними нѣкоторыя магазины громадной цѣны. Такъ какъ никто не ожидалъ, что городъ будетъ преданъ пламени, то можно только представить себѣ сколько богатства погибло.

Какъ уже сказано, несмотря на обиліе винъ, сахара и т. п., довольно трудно было достать хлѣба; говядины тоже было мало. Приходилось посылать сильныя партіи для фуражировки въ лѣса, куда скрылись со скотомъ крестьяне, но часто фуражиры возвращались вечеромъ ни съ чѣмъ—таково въ концѣ концовъ было изобиліе, доставленное грабежомъ. Между тѣмъ достоверный очевидецъ, аббатъ Sirugue, говоритъ, что

если бы власти правильно завладѣли всѣми запасами муки, водки и вина и учредили какой-нибудь порядокъ въ распредѣленіи всего этого, то найденное въ Москвѣ могло бы съ лихвою прокормить всю армію въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ. Теперь же вышло, что въ началѣ вино и водка выпускались изъ бочекъ, для развлеченія, прямо въ погреба, до того иногда переполненные, что, случалось, солдаты тонули въ нихъ; потомъ, при наступившихъ холодахъ, сталъ ощущаться недостатокъ въ этихъ предметахъ первой необходимости.

Подмосковные жители села Останкина пріѣхали было въ Москву на 30 подводахъ съ овсомъ и мукою—все было куплено и за все заплачено; ихъ отпустили назадъ и наказали непременно пріѣзжать опять. Но едва они выѣхали за городъ, какъ непріятельскіе отряды напали на нихъ, избили, отняли лошадей, а самихъ крестьянъ возвратили въ Москву и заставили работать. Еще два другіе крестьянина, изъ выискавшихся охотниковъ продавать французамъ сельскія произведенія, были ограблены. Послѣ этого, конечно, не оказалось желающихъ торговать съ непріателемъ и, несмотря на всѣ старанія и заманиванія Лессепса и его русскихъ помощниковъ, не удалось возстановить безопасности и свободного обмѣна.

Въ самой Москвѣ, впрочемъ, менѣе боязливые и болѣе чуткіе къ наживѣ жители стали подъ конецъ ближе сходиться съ непріателемъ, не такъ бояться его и происходили интересныя сцены съ объясненіями

языкомъ, кулакомъ и ружейными прикладами. Найденное на монетномъ дворѣ большое количество мѣди дало возможность платить французскимъ солдатамъ жалованье этою монетой. Какъ только императорская гвардія начала продавать свои мѣшки въ 25 рублей мѣдью, тотчасъ же стая хищныхъ птицъ изъ жителей направилась на Никольскую, гдѣ было главное мѣсто продажи; тамъ сначала по 50 коп., потомъ по рублю, можно было получить сколько угодно этихъ мѣшковъ съ мѣдью, и говорить, что тутъ было положено начало богатству нѣкоторыхъ первостепенныхъ купеческихъ домовъ въ Москвѣ. Трудно было, однако, унести ихъ по причинѣ ихъ тяжести, тѣсноты и давки, отъ толпы. Женщины жадно взваливали себѣ мѣшки на оба плеча, но не успѣвали сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ какой-нибудь силачъ отнималъ у нихъ добычу и убѣгалъ съ нею. Крики, брань, драка, все смѣшивалось.

«Мусью, мусью! подарите». — «Что даешь?» — «Але, Але!» — «Подарите, мусью», и затѣмъ градъ ударовъ обнаженною саблей, но на это не обращали вниманія, такъ какъ нажива была слишкомъ близка и велика.... На другой день нѣсколько солдатъ, помѣстившись подъ окнами присутственныхъ мѣстъ, устроили размѣнную кассу: они получали сначала деньги, слѣдующія за мѣшокъ, потомъ бросали его изъ окна — все толпилось и дралось, чтобы пробраться поближе къ продавцамъ. Несмотря на удары и даже ружейные выстрѣлы,

посылаемые иногда въ толпу для водворенія порядка, народъ не переставалъ напирать и бѣшено кидаться на выбрасываемые изъ окна мѣшки.

Въ Москвѣ въ это время было три кабака; деньги собирали французы, а приказчиками служили русскіе—и тутъ стояли толкотня, крики и драки.

Въ глухихъ мѣстахъ, подвалахъ и по окраинамъ города было перебито не мало непріятельскихъ солдатъ: по освобожденіи Москвы ихъ находили зарытыми въ садахъ, огородахъ и брошенными на дно колодцевъ. По разсказу одного воспитанника духовнаго училища, «онъ прислуживалъ въ домѣ на окраинѣ города, гдѣ жилъ отрядъ непріятельскихъ гусаръ. Разъ вечеромъ онъ замѣтилъ, что кто-то, то пригибаясь, то приподнимаясь, смотрѣлъ въ освѣщенныя окна. Онъ окликнулъ и спросилъ: что ты высматриваешь? Незнакомецъ отскочилъ отъ окна, подошелъ и, узнавъ объ горькой участи семьи малаго, отвелъ его въ глубь сада, гдѣ показалъ подъ сермягою казацкую форму. Онъ разспросилъ мальчика сколько именно живетъ въ домѣ гусаровъ, въ которой комнатѣ они спятъ, гдѣ хранятся ихъ оружіе, гдѣ стоятъ лошади и пригрозилъ не болтать. Черезъ день суматоха раннимъ утромъ разбудила мальчика—гусары были всѣ перебиты. Много было подобныхъ случаевъ,—французамъ не даромъ видѣлись вездѣ проклятые казаки».

Въ общемъ положеніе непріятеля въ городѣ стало принимать тревожный оборотъ. Прокламаціи къ

жителямъ съ восхваленіемъ мудрости, милосердія и великодушія Наполеона и приглашеніемъ, возвратившись въ свои дома, мирно предаться прежнимъ занятіямъ — не имѣли никакого дѣйствія: кто могъ бѣжать, скрывался изъ Москвы и въ послѣдніе дни. Вступить въ торговые сношенія съ окрестными жителями, какъ сказано, не удалось отчасти изъ-за недостатка дисциплины и безопасности въ городѣ, отчасти изъ-за того, что само общество крестьянъ стало очень строго относиться къ тѣмъ изъ нихъ, что пробовали завязывать эти сношенія — ихъ стали наказывать смертю, какъ измѣнниковъ родинѣ и царю.

Измѣны со стороны русскихъ въ Москвѣ было сравнительно не много, а отъ дворянъ совсѣмъ мало: кромѣ шталмейстера Загряжскаго, умышленно оставшагося въ городѣ, угождавшаго французамъ, особенно другу, будто бы, своему, Каленкуру и часто бывшаго въ своемъ шитомъ мундирѣ у Наполеона, можно назвать Самсонова, прислуживавшаго Даву, и еще развѣ очень немногихъ.

Духовенство столичное держало себя достойно — не было и подобія слабости, проявленной на западѣ. Нѣкоторые изъ оставшихся священниковъ пытались возобновлять Божественную службу, очищали, запирали свои церкви, но въ нихъ снова выламывали двери и замки, рвали церковныя книги и безчинствовали. Едва ли не одинъ священникъ Новинскаго монастыря Пылаевъ оказался слишкомъ уступчивымъ: вызвался потѣшить

Наполеона и отслужилъ въ Успенскомъ соборѣ литургію подъ архіерейскимъ облаченіемъ, такъ какъ французскій императоръ пожелалъ видѣть архіерейскую службу.

Были молодцы, изъ русскихъ и иностранцевъ, эксплуатировавшіе затруднительное положеніе непріятеля и самого Наполеона; такъ, явился въ Кремль полякъ, казавшійся человѣкомъ хорошаго общества, и объявилъ, что онъ подосланъ русскимъ главнокомандующимъ для развѣдокъ. Наполеонъ самъ продиктовалъ отвѣты на всѣ вопросы, будто бы заданные русскимъ генераломъ, вручилъ ихъ незнакомцу, хорошо наградивши его—и тотъ не возвращался.—Нѣкая красивая дама, музыкантша, назвавшаяся нѣмецкою баронессой, предложила тоже свои услуги, получила нѣсколько тысячъ франковъ и—тоже пропала.

Между купцами трехъ гильдій оказалось больше всего людей, согласившихся вступить на службу къ завоевателю; было нѣсколько чиновниковъ, лѣкарей, учителей и не мало разночинцевъ. Изъ зажиточныхъ, большинство вступили въ учрежденный «муниципалитетъ» подъ принужденіемъ и угрозами; члены этого муниципалитета носили на рукахъ перевязки изъ бѣлыхъ и красныхъ лентъ и въ случаѣ надобности могли требовать отъ французскаго начальства вооруженнаго вмѣшательства.

Купецъ Кольчугинъ, напр., объяснилъ невыѣздъ свой изъ города тремя причинами: 1) изъ-за ручатель-

ства главнокомандующаго черезъ афиши въ томъ, что Москва не будетъ добровольно сдана; 2) изъ-за того, что паспорта въ послѣднее время выдавались только женщинамъ и дѣтямъ; 3) изъ-за семейныхъ и торговыхъ соображеній. Большинство, конечно, могло бы привести тѣ же резоны. Всѣ они: купцы Коробовъ, Бакининъ, Лешаковъ, помянутый Кольчугинъ и, особенно, принявшій должность городского головы купецъ Находкинъ, увѣряли потомъ, будто объявили, что не намѣрены дѣлать ничего противнаго вѣрѣ и государю, на что французскій губернаторъ Лессепсъ будто поспѣшилъ отвѣтить, что «ссора между императоромъ Наполеономъ и императоромъ Александромъ до нихъ не касается и что единственною ихъ обязанностью будетъ смотрѣть за благосостояніемъ города».

Согласно этому послѣднему заявленію обязанности муниципалитета были раздѣлены на такія рубрики: «Спокойствіе и тишина», «Мостовыя», «Квартирмейстерская часть», «Закупки», «Правосудіе», «Надзоръ за богослуженіемъ», «Попеченіе и надзоръ за бѣдными», «Комиссары и помощники» (пристава).

Московскій купецъ Осиповъ поднесъ Наполеону кѣбъ соль на серебряномъ блюдѣ, за что домъ его не велѣли трогать и ему данъ подрядъ по продовольствію. Однако, когда, для исполненія этого порученія, онъ потребовалъ необходимое число подводъ, Наполеонъ велѣлъ ему сказать, что повѣситъ его, коли онъ станетъ разсуждать.

Городской голова Находкинъ былъ награжденъ за свои услуги 100.000 рублей фальшивыми бумажками, не принесшими ему пользы.

По уходѣ непріятеля, всѣ эти господа, съ ихъ шелковыми перевязями, по приказанію Ростопчина, сгребали подъ карауломъ снѣгъ на московскихъ улицахъ.

Иное было поведеніе купца Жданова. По внушенію помянутаго Самсонова, клеврета маршала Даву, ему было поручено этимъ послѣднимъ, идти въ Калугу, разсмотрѣть и разспросить сколько русской арміи, кто начальникъ ея, кто начальники частей, куда идетъ армія? укомплектованы ли полки послѣ Бородинскаго сраженія, подходятъ ли еще войска? Что говоритъ народъ о мирѣ? Разгласить, что въ Москвѣ хлѣбъ весь цѣль. Распустить слухъ, что хотятъ зимовать въ Москвѣ. Если російская армія идетъ на Смоленскую дорогу, то, не доходя до Калуги, возвратиться въ Москву какъ можно скорѣе. Возвратясь, ни въ чемъ не лгать, говорить только о томъ, что подлинно видѣлъ и слышалъ. Это предписаніе подъ великимъ опасеніемъ никому не открывать и даже женѣ не сказывать, куда идешь. Возвратясь назадъ, на первомъ французскомъ постѣ объявить о себѣ, для представленія князю Экмюльскому.—Въ случаѣ успѣшнаго возвращенія обѣщано 1000 червонцевъ награды и домъ въ Москвѣ; въ случаѣ измѣны должно было отвѣтить семейство, оставшееся въ залогѣ.

Ждановъ не задумался явиться къ Милорадови-

чу, открыть причину, по которой былъ выпущенъ изъ Москвы, и рассказать о порученіи, данномъ ему французами... Его успокоили, обласкали, вдобавокъ, какимъ-то чудомъ, семья его осталась цѣла.

Нельзя не сдѣлать упрека Ростопчину въ томъ, что, во время пребыванія французовъ въ Москвѣ, онъ проживалъ въ недалекомъ разстояніи отъ нея, въ сравнительной бездѣятельности; почему, какъ горячій патріотъ, не посвятилъ онъ себя дѣлу организациі партизанской войны? Деньги, средства и власть на то у него безспорно были. Тутъ Ростопчинъ оказался не на высотѣ обстоятельствъ, неудержимою волной смывшихъ всѣ его дѣтскія соображенія объ истребленіи непріятеля, съ высоты воздушнаго шара, и защитѣ столицы московскою голью, вооруженною чѣмъ попало, вмѣстѣ съ пышными фразами его всеподданнѣйшихъ донесеній и каламбурами знаменитыхъ «афишъ».

* * *

Французская армія вышла изъ Москвы и значить 303 орудія, втащенные на кремлевскія стѣны, оказались лишнею роскошью; но этотъ Кремль долженъ былъ быть наказанъ, хотя бы за то, что его нельзя было захватить съ собою, какъ захватили гигантскій крестъ съ Ивана Великаго и нѣкоторые другіе «трофеи»; всѣ стѣны, соборы и дворецъ приказано было взорвать... Жаль, такъ какъ если трехсаженный крестъ стоило везти до Парижскаго дома Инвалидовъ, куполь котораго онъ на-

значенъ былъ украшать, то не менѣе логично было бы перевезти хоть часть кремлевской стѣны, съ башнями, для обвода, напр., Тюльерійскаго сада—оба трофея послужили бы памятникомъ силы и превосходства европейской цивилизаціи надъ азіатскимъ варварствомъ.

Безъ панталонъ, безъ башмаковъ, въ лохмотьяхъ—вотъ каковы были выходившіе изъ Москвы солдаты арміи, не принадлежавшіе къ императорской гвардіи, одѣтой нѣсколько лучше. Шли и ѣхали вразсыпную, кто гдѣ случился, не такъ, какъ обыкновенно выходятъ полки изъ большихъ городовъ—стройно, въ порядкѣ.

«Французы шли настоящими нищими,—говоритъ одна купчиха,—не хуже насъ обносились. Всѣ въ лохмотьяхъ, обвернувшись во что попало: тутъ и зипуны, и женскія юбки, и поповскія ризы, стихари—чего хочешь, того и просишь».

Уцѣлѣвшіе отъ пожара дома оказались донельзя загажены: «въ домѣ *** французы пакостили на полу въ мраморной залѣ и войти туда не было возможности. Картины были вырваны изъ рамъ и увезены. Вырѣзывали и увозили даже переплеты съ большихъ книгъ! Въ домѣ князя Б. жилъ маршалъ Бессіеръ и величественная бібліотека и залъ—вѣроятно свитою маршала—обращены тоже въ безымянное мѣсто».

Маршалъ Мортъе былъ оставленъ въ Кремлѣ съ молодою гвардіей, съ приказомъ во всеуслышаніе объявлять невѣрными слухи о совершенномъ оставле-

ніи города, такъ какъ Наполеонъ, разбивши русскія войска, намѣренъ будто бы воротиться—но никто не вѣрилъ этому и всѣ скомпрометировавшіе себя, начиная отъ французскихъ торговцевъ, кончая русскими дѣвицами легкаго поведенія, послѣдовали за арміей.

Мины подъ Кремлемъ были расположены такимъ образомъ, что огонь долженъ былъ сообщиться имъ по выступленіи Мортъе съ послѣдними войсками и всѣми тяжестями, которыя возможно было увезти; остальные тяжести назначено было сжечь—таковыхъ оказалось много, считая въ томъ числѣ не малое количество провіанта, который отдѣльныя части, не въ силахъ будучи поднять своими средствами, безъ церемоніи бросали—еще одно изъ послѣдствій безпорядочнаго, не организованнаго грабежа.

Ночь взрыва была очень темная. Въ полночь огонь подошелъ къ минамъ, подложеннымъ подъ арсеналомъ, и раздался первый ударъ, за которымъ черезъ короткіе промежутки послѣдовали шесть другихъ. Дѣйствіе взрыва было просто ужасно—огромные камни были отброшены на пятьсотъ шаговъ, чуть не всѣ оставшіеся еще въ Москвѣ оконныя рамы и двери были выбиты и, конечно, не осталось цѣльныхъ стеколъ—осколки ихъ врѣзывались въ сосѣднія стѣны, камни влетали въ комнаты. Упали 2 башни, также часть стѣны и арсенала, дворецъ и пристройки къ колокольнѣ Ивана Великаго; самая колокольня пошатнулась, дала трещину, но устояла.

Въ общемъ, результатъ, сравнительно съ тѣмъ, что было предположено, былъ ничтоженъ: задумано было взорвать всѣ стѣны, со всѣми башнями и всѣ кремлевскія постройки; Наполеонъ былъ вполне увѣренъ въ томъ, что именно это было сдѣлано и объявилъ Европѣ о полномъ уничтоженіи Кремля: «Москва не стоила того, чтобы ее продолжать занимать—развѣ только Кремль! Но Кремль, послѣ 15 дней работы по укрѣпленію, былъ найденъ не стоящимъ хлопотъ. Москва оказалась настоящею клоакой нечистотъ и заразы...» — Ростопчинъ справедливо удивляется, зачѣмъ Наполеонъ жилъ 5 недѣль въ этой «клоакѣ нечистотъ и заразы» — не стоило жертвовать чѣмъ бы то ни было для предмета, не имѣющаго никакой стратегической важности и утѣравшаго всякую политическую силу... Императоръ велѣлъ взорвать Кремль и Арсеналъ, казармы, магазины; все разрушено—старая крѣпость, построенная при основаніи самой монархіи, первые дворцы царей—все уничтожено!»

Конечно, разрушеніе или попытка разрушенія Кремля была только выраженіемъ злобы и мести со стороны Наполеона—мести жестокой и бесполезной. Мѣру эту нельзя объяснить ни съ политической, ни съ стратегической точки зрѣнія, такъ какъ Кремль, при современныхъ условіяхъ науки, былъ даже не крѣпость и не цитадель, а просто красивое возвышенное мѣсто, обнесенное стѣной. Особенно ярко выступаетъ желаніе, хоть чѣмъ-нибудь

отомстить за неудачи, въ приказѣ взорвать всѣ соборы и колокольню Ивана Великаго, конечно ничего общаго не имѣвшими ни съ политикой, ни со стратегіей.

«Въ самый день ухода французовъ, рассказываетъ одна женщина - очевидецъ, насъ разбудилъ въ нашемъ подвалѣ такой громъ и трескъ, что мы свѣта не взвидѣли. Земля дрожала подъ ногами какъ живая и мнѣ казалось, что еще минута и своды подвала обрушатся надъ нашими головами. Раздался еще взрывъ и камни градомъ полетѣли во всѣ стороны. Наконецъ при третьемъ взрывѣ такъ потрясло церковь надъ нами, что она треснула сверху до низу».

Не только вся Кремлевская площадь была покрыта известью, листовымъ желѣзомъ, сорваннымъ съ крышъ, и кирпичами, но все это летѣло за Москву-рѣку и Полянка была обсыпана.

«23/11 октября, въ часъ съ половиною ночи, говоритъ Сегюръ, воздухъ потрясся страшнымъ взрывомъ... Мортье выполнилъ данное ему приказаніе и... Кремль приказалъ долго жить: бочки съ порохомъ были положены во всѣхъ покояхъ дворца и сто двадцать три тысячи килограммовъ (до 7,000 пудовъ) подъ сводами его. Маршалъ оставался на этомъ вулканѣ, который могъ взорваться отъ одного русскаго снаряда, и прикрывалъ движеніе арміи на Калугу, выходъ раненыхъ и другихъ обозовъ на Можайскъ».

«Земля поколебалась отъ силы взрыва подъ ногами Мортъе. За восемьдесятъ верстъ, въ Фоминскомъ, императоръ слышалъ этотъ взрывъ и въ гнѣвныхъ выраженіяхъ объявилъ объ немъ на другой день, изъ Боровска, Европѣ; объявилъ, что онъ оставляетъ эту помойную яму — Москву, въ добычу русскимъ нищимъ и ворами, а самъ идетъ на Кутузова: отбросить его и спокойно пройдетъ къ Двинѣ, гдѣ станетъ на зимнія квартиры. Потомъ, боясь, чтобы не подумали, будто онъ отступаетъ, Наполеонъ прибавилъ: такимъ образомъ онъ, на 80 лье, приблизится къ Вильнѣ и Петербургу, на 20 переходовъ станетъ ближе къ своимъ запасамъ и своей цѣли — отступление было представлено наступленіемъ».

«Москва, говоритъ m-me Fusil, имѣла какую-то особую прелесть, которую уже не возможно воротить; можетъ быть она будетъ опять хорошимъ городомъ, но городомъ похожимъ на другіе, тогда какъ прежде она напоминала не то Испань, не то Пекинъ — вполнѣ азіатскій городъ...»

II.

К а з а к и.

Выступившая изъ Москвы непріятельская армія скоро всецѣло поступила на попеченіе казаковъ, окружавшихъ, провожавшихъ ее до самой границы и далѣе и надоѣввшихъ ей на этомъ долгомъ пути до такой степени, что вскорѣ французская нація, а за нею вся Европа, безъ ужаса не произносили слова «казакъ», сдѣлавшагося синонимомъ варварства, безсердечія, алчности, вѣроломства и жестокости; въ сущности, казаки, преслѣдуя и истребляя по мѣрѣ своихъ силъ непріятеля, только исполняли свою прямую обязанность, и если дѣло не обошлось безъ проявленій жестокости и алчности, то, наоборотъ, бывали случаи и гуманнѣйшаго отношенія ихъ къ своимъ врагамъ.

«Казаки, говоритъ Constant, какъ будто созданы для того, чтобы составлять съ лошадью одно цѣлое. Ничего нѣтъ смѣшнѣе походки ихъ, пѣшихъ: ноги, привыкшія бить по лошадинымъ бокамъ, какія-то выгнутыя, похожія на желѣзные клещи; когда они сойдутъ на землю—сейчасъ видно, что

имъ не по себѣ. Лошади маленькія, съ длинными хвостами и, повидимому, очень послушныя. Когда императоръ въѣзжалъ въ Гжатскъ, за нимъ ѣхало двое эти варваровъ. Онъ приказалъ дать имъ водки—они выпили ее какъ воду и смѣло подставили снова свои стаканы, дескать: еще!»

Отдѣльные отряды и обозы очень страдали отъ казаковъ; такъ, на Можайской дорогѣ, 300 человекъ ихъ напали ночью на лагерь обоза, въ 350 фуръ, шедшихъ подъ прикрытіемъ четырехъ кавалерійскихъ полковъ и двухъ батальоновъ пѣхоты, и такъ перепортили всѣ упряжки повозокъ, что тѣ не могли двигаться далѣе.

Fain проницательно замѣчаетъ, что «если Кутузовъ слабъ въ правильной битвѣ, то на большой дорогѣ очень силенъ». Дерзость этихъ не дисциплинированныхъ ордъ, по словамъ его, не знаетъ предѣловъ. «Они торчатъ передъ нами, сзади насъ и съ фланговъ—что ни шагъ, то они тутъ! Развѣ можетъ быть дорога на Вязьму отдѣлать насъ нѣсколько отъ нихъ».

Но съ Вяземскаго сраженія пѣхота русская, шедшая стороною для прегражденія французамъ пути впереди, не показывалась на большой дорогѣ, и арріергардъ Нея опять имѣлъ дѣло только съ казаками, «надоѣдливыми насѣкомыми», по выраженію Сегюра. На своихъ маленькихъ лошадакахъ, хорошо подкованныхъ и приученныхъ бѣгать по снѣгу, они не покидали отступающую армію.

«Въ довершеніе безпорядка нашего отступленія, котораго одного было довольно, чтобы насъ погубить, говоритъ Буржуа, казаки ежеминутно налетали на насъ... Какъ только наши завидятъ ихъ, такъ сейчасъ бросаются въ стороны, одни очертя голову, другіе въ нѣкоторомъ порядкѣ, подъ прикрытіе вооруженныхъ группъ, кое-гдѣ державшихся... Число бредшихъ отдѣльно было такъ велико, что казаки брали далеко не всѣхъ, а выбирали своихъ плѣнныхъ; они забирали только тѣхъ, что казались получше одѣтыми и обѣщали какую-нибудь поживу, другихъ же пропускали, будто не замѣчая»...

Платовъ совершенно разстроилъ, почти уничтожилъ отрядъ принца Евгенія, убилъ болѣе 1500 и взялъ въ плѣнъ 3500 человекъ, захватилъ 62 пушки, знамена и множество багажа.

Наполеонъ назвалъ казаковъ въ одномъ изъ своихъ бюллетеней: «презрѣнная кавалерія, только шумящая, но неспособная прорвать роту стрѣлковъ, сдѣлавшаяся страшною только при данныхъ обстоятельствахъ». Онъ не зналъ или не принималъ во вниманіе, что казацкое войско совсѣмъ отлично отъ регулярной кавалеріи, что казаки сражаются только тогда, когда навѣрное рассчитываютъ одержать побѣду—ему бы нужно было видѣть того казака, который, нарядившись въ мундиръ его «храбраго изъ храбрыхъ» маршала Нея, преспокойно справлялъ свои казачьи обязанности, чтобы понять, сколько наивной удали въ этихъ «сынахъ степей».

Констанъ пресерьезно увѣряетъ, что Неаполитанскій король имѣлъ большое вліяніе на «этихъ варваровъ», т.-е казаковъ. Одинъ разъ, будто бы, императору говорили, что они хотятъ провозгласить Мюрата своимъ гетманомъ, и Наполеонъ, посмѣясь этому предложенію, отвѣтилъ, что не прочь поддержать избраніе. Будто бы Неаполитанскій король, своею осанкой и своимъ богатымъ театральнымъ костюмомъ, очаровывалъ казаковъ и... одинъ взмахъ его огромной сабли обращалъ въ бѣгство цѣлыя орды «этихъ варваровъ».

Авторъ «Journal de la guerre», рассказываетъ о томъ, что, несмотря на свое критическое положеніе, во время отступленія, они искренно посмѣялись надъ однимъ изъ налетѣвшихъ на нихъ казаковъ, схватившимъ тюкъ тонкаго полотна и бросившимся съ нимъ на утекъ: такъ какъ онъ успѣлъ схватить кусокъ только за одинъ конецъ, а французы держались за другой и не выпускали изъ рукъ, то полотно продолжало все развертываться до тѣхъ поръ, пока «варваръ» не скрылся въ лѣсъ.

Въ захваченномъ казаками собственномъ обозѣ Наполеона всего больше понравились имъ и офицерамъ бутылки съ буквами N и императорскою короной—въ бутылкахъ было старое Шато-Марго!

Интересны захваченные казаками походныя кровати Наполеона, находящіяся теперь въ Москвѣ, въ Оружейной палатѣ: одна побольше, разставлявшаяся въ городахъ и мѣстахъ болѣе долгихъ оста-

повокъ, другая небольшая — для повседневно-го употребленія. Чехлы на кроватяхъ лиловаго шелка, снабжены карманами для книгъ, бумагъ и приходившихъ ночью допесеній.

Послѣ множества павшихъ на казаковъ обвиненій, частію вѣроятно справедливыхъ—можетъ быть не лишнее будетъ привести нѣсколько свидѣтельствъ самихъ французовъ, указывающихъ на казачье добродушіе.

«Наша артиллерія была взята въ плѣнъ въ битвѣ (подъ Тарутиннымъ), говоритъ авторъ «Походнаго журнала», артиллеристы обезоружены и уведены. Въ тотъ же вечеръ захватившіе ихъ казаки, празднуя побѣду и уже изрядно выпившіе, вздумали закончить день — радостный для нихъ и горькій для насъ — національными танцами, причемъ, разумѣется, выпивка не была забыта. Сердца ихъ размягчились, они захотѣли всѣхъ сдѣлать участниками веселья, радости, вспомнили о своихъ плѣнныхъ и пригласили ихъ принять участіе въ весельѣ. Наши бѣдные артиллеристы сначала воспользовались этимъ приглашеніемъ только какъ отдыхомъ отъ своей смертельной усталости, но потомъ, мало-по-малу, подъ впечатлѣніемъ дружескаго обращенія, присоединились къ танцамъ и приняли искреннее участіе въ нихъ. Казакамъ такъ это понравилось, что они совсѣмъ разнѣжились и когда обоюдная дружба дошла до высшей точки—французы наши одѣлись въ полную форму, взяли ору-

жіе и послѣ самыхъ сердечныхъ рукопожатій, объятій и поцѣлуевъ разстались съ казаками — ихъ отпустили домой и такимъ образомъ артиллеристы возвратились къ своимъ частямъ».

Вотъ еще рассказъ плѣннаго солдата морской гвардіи... «Пока мы грѣлись около нѣсколькихъ сосновыхъ полѣшковъ, подошелъ казакъ, высокій, худой, сухой, до того свирѣпый видомъ, что мы невольно попятились».

«Онъ подошелъ къ намъ по-военному и сталъ что-то говорить, но мы не понимали; вѣроятно онъ спрашивалъ объ чемъ-нибудь. Въ нетерпѣніи на то, что мы ничего не поняли, онъ сдѣлалъ знакъ недовольства, обезпокоившій насъ; однако, замѣтивши это, онъ въ ту же минуту придалъ своему лицу доброе выраженіе и, увидѣвъ, что одежда моего пріятеля была въ крови, выказалъ желаніе осмотрѣть его рану и сдѣлалъ знакъ слѣдовать за нимъ».

«Онъ свелъ насъ въ ближайшую избушку. Вышла женщина, которой онъ приказалъ постлатъ соломы и согрѣть воды, а самъ ушелъ, давъ понять, что воротится. Она бросила намъ немного соломы, но позабыла о водѣ, а мы не смѣли слишкомъ настойчиво напоминать ей. Когда онъ воротился, то прежде всего спросилъ жестомъ: ѣли ли мы? Мы отрицательно покачали головами. Вѣроятно онъ потребовалъ отъ женщины, чтобы она дала намъ поужинать и, за ея отказъ, крѣпко сталъ бра-

нить ее. Тогда она показала ему чашку съ какимъ-то варевомъ и, повидимому, увѣряла его, что больше у нея ничего нѣтъ. Казакъ сталъ шумѣть, даже грозить, но безуспѣшно — она поставила только грѣть воду для насъ. Онъ опять ушелъ и скоро воротился съ кускомъ соленого свиного жира, на который мы набросились, несмотря на то, что онъ былъ сырой. Пока мы ѣли, казакъ смотрѣлъ на насъ съ видимымъ удовольствіемъ и рукою показывалъ, чтобы мы не наѣдались сразу».

«Когда мы понасытились, онъ снова что-то сталъ говорить женщинѣ, какъ мы поняли, насчетъ нашей перевязки. Онъ требовалъ отъ нея тряпокъ, но та отговаривалась, отбивалась со словами: «нема, нѣтъ». Тогда почтенный воинъ, взявши ее за руку, заставилъ перерыть всѣ углы избы, но ничего не добылъ. Разсерженный такимъ упрямствомъ, онъ вынулъ свою саблю: крестьянка закричала, а мы, тоже подумавши, что онъ убьетъ ее, бросились къ его ногамъ. Онъ улыбнулся намъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «вы меня не знаете, я хочу только попугать ее».

«Женщина вся дрожала, но все-таки ничего не давала, тогда онъ снялъ свой сюртукъ, скинулъ рубашку, разрѣзалъ ее саблею на бинты и сталъ перевязывать наши раны. Въ продолженіе этой работы онъ все время говорилъ, вставляя въ свою рѣчь много польскихъ и нѣмецкихъ словъ; но если это бормотанье было намъ мало понятно, то самые

поступки хорошо указывали не благородство его чувствъ. Онъ старался кажется дать намъ понять, что знакомъ съ войной уже болѣе 20 лѣтъ (ему было около 40), что онъ былъ во многихъ большихъ битвахъ и понимаетъ, что послѣ побѣды нужно умѣть быть милостивымъ къ несчастнымъ. Онъ показалъ на свои кресты, какъ бы давая понять, что такія доказательства храбрости налагали на него извѣстныя обязанности. Мы только радовались этому великодушію и онъ могъ, конечно, прочесть на нашихъ лицахъ выраженіе нашей благодарности. Я хотѣлъ бы ему сказать: товарищъ, будь увѣренъ, что твое благодѣяніе никогда не изгладится изъ нашей памяти. Только двое здѣсь свидѣтелей твоего человѣколюбія, потому что эта женщина не оцѣнитъ его, но скажи намъ твое имя, чтобы мы могли передать его и другимъ нашимъ товарищамъ. Онъ стоялъ на колѣняхъ, но потомъ, уставши, сѣлъ на полъ, посадивъ межъ ногъ моего товарища, подставившаго ему свою раненую спину; онъ вымылъ, вычистилъ рану плеча съ величайшимъ вниманіемъ и стараніемъ и, какъ будто спрашивая моего совѣта, намѣревался, помощью дрянного ножичка, у него бывшаго, вытащить засѣвшую пулю. Онъ попробовалъ открыть края раны, но пріятель такъ вскрикнулъ, что казакъ остановился и, упершись въ его голову своею головой, видимо сталъ извиняться за причиненную боль. Я не утерпѣлъ передъ такимъ нѣжнымъ

вниманіемъ и, схвативши его руки, крѣпко пожалъ ихъ: собравши въ головѣ все, что зналъ польскихъ, русскихъ и нѣмецкихъ словъ, я хотѣлъ было говорить, но не могъ—отъ умиленія глаза мои были полны слезъ!

«Добре, добре, камарадъ! сказалъ онъ мнѣ, торопись окончить перевязку, для которой, кажется, боялся, что не хватитъ времени. Когда пришелъ мой чередъ, добрый казакъ осмотрѣлъ рану и, положивши указательный палецъ на палецъ мизинца, показалъ, что она не болѣе нѣсколькихъ линій въ глубину и что она закроется сама собою — должно быть ударъ пика былъ смягченъ одеждой».

«Онъ еще возился съ нами, когда одинъ изъ его товарищей позвалъ его съ улицы: Павловскій!—такъ я узналъ его имя — и онъ ушелъ, сопровождаемый нашими благословеніями».

«Мы ужъ думали, что не увидимъ болѣе этого браваго казака, но онъ пришелъ на другой день очень рано и осмотрѣлъ перевязки нашихъ ранъ. Онъ принесъ намъ также по два русскихъ сухаря, выразивши сожалѣніе, что не могъ сдѣлать большаго....»

III.

Великая армія.

Нашъ Граббе, еще въ началѣ кампаніи ѣздившій во французскій лагерь, замѣтилъ, съ какою небрежностью и въ какомъ безпорядкѣ стояла французская конница.

«Я съ первыхъ же дней былъ пораженъ, говоритъ Fezensac, изнуреніемъ солдатъ и ихъ тѣлесною слабостью. Въ главномъ штабѣ знать ничего не хотѣли кромѣ результатовъ, не принимая во вниманіе чего эти результаты стоили; тамъ не имѣли никакого понятія о положеніи арміи».....

«Въ четырехъ полкахъ, напр., было по 900 человѣкъ вмѣсто 2,800 перешедшихъ Рейнъ, при началѣ кампаніи. Вся одежда и особенно обувь была въ очень дурномъ состояніи».

«Войска имѣли еще тогда немного муки, нѣсколько стадъ быковъ и овецъ, но все это скоро вышло и, чтобы раздобыться снова, приходилось постоянно перемѣнять мѣсто, такъ какъ въ 24 часа все на пути истреблялось»....

Императоръ высказалъ въ разговорѣ съ Нарбонномъ, что онъ опредѣляетъ въ 130,000 человекъ соединившуюся подъ Смоленскомъ русскую армію. У себя онъ полагалъ въ это время 170,000 готовъ къ бою войска, съ гвардіею, кавалеріею, 1-мъ, 3-мъ, 4-мъ, 5-мъ и 8-мъ корпусами.

«Подъ Смоленскомъ René Bourgeois признаетъ потерю въ 6,000 человекъ убитыми и болѣе 10,000 ранеными; съ плѣнными и пропавшими безъ вѣсти можно, слѣдовательно, опредѣлить убыль французовъ въ 20,000 человекъ».

«Русскіе, говоритъ тотъ же авторъ, должны были имѣть тѣ же потери». Однако въ XIII бюллетенѣ императоръ не стѣсняется утверждать, что на полѣ битвы одинъ французскій трупъ приходился на 8 русскихъ; кромѣ того онъ утверждаетъ, что русскіе солдаты, пользуясь близостью ихъ деревень, дезертируютъ.... Далѣе Наполеонъ признаетъ, что генераль Себастиани былъ разбитъ и долженъ былъ цѣлый день отступать, но опредѣляетъ его потерю только въ 100 человекъ—всюду самое безцеремонное сглаживаніе своихъ потерь и преувеличеніе русскихъ.

Однако, это отступленіе одного изъ лучшихъ генераловъ такъ явно было признано неудачей, что императоръ не рѣшился оставить армію подъ впечатлѣніемъ ея и выступилъ къ Москвѣ.

«Чтобы дать понять глубину нашего бѣдствія, среди этихъ кажущихся побѣдъ, говоритъ Лабауте, достаточно сказать, что всѣ мы сбились

съ ногъ отъ настойчиваго систематическаго отступленія русскихъ. Кавалерія таяла, пропадала и оголодавшія артиллерійскія лошади не могли болѣе везти орудій».

Все это было еще по дорогѣ въ Москву и должно было бы внушить опасенія Наполеону, но онъ только смѣялся, искренно или нѣтъ, надъ русскими: «Посреди всѣхъ этихъ поражений, говоритъ онъ въ XIX бюллетенѣ, русскіе служатъ благодарственные молебны, все обращая въ побѣды, но, несмотря на невѣжество и низкій уровень развитія этихъ народовъ, такой пріемъ начинаетъ казаться смѣшнымъ и грубымъ».

Подъ Бородинымъ русскіе редуты найдены были только обозначенными, рвы неглубокими, безъ защиты, тѣмъ не менѣе русскіе отстаивали ихъ такъ, что, по словамъ Лабауше, середина «большого редута» представляла невыразимо ужасную картину: трупы были навалены одинъ на другой въ нѣсколько рядовъ. Русскіе гибли, но не сдавались; на пространствѣ одного квадратнаго лье не было мѣстечка, которое не было бы покрыто мертвыми или ранеными... Дальше виднѣлись горы труповъ, а тамъ, гдѣ ихъ не было, валялись обломки оружія, пикъ, касокъ и латъ, или ядеръ, покрывавшихъ землю, какъ градины послѣ сильной грозы. Самое возмутительное зрѣлище были внутренности рвовъ—несчастные раненые, попадавшіе одинъ на другого, купались въ своей крови и страшно стонали, умоляя о

смерти.... Fezensac говоритъ, что «никогда еще французская армія не испытывала такихъ потерь, какъ подъ Бородинымъ, а главное никогда духъ арміи не былъ такъ сраженъ, какъ послѣ этой битвы. Пропала всегдашняя веселость французскаго солдата и мертвое молчаніе замѣнило пѣсни и шутки, заставлявшія обыкновенно забывать усталость долгихъ переходовъ. Даже офицеры, видимо, были сбиты съ толку. Это уныніе понятно, когда слѣдуетъ за пораженіемъ, но оно было необыкновенно послѣ побѣды, отворившей ворота Москвы».

По русскимъ свѣдѣніямъ, въ противность увѣренію Наполеона, онъ, какъ атакующій, потерялъ свыше 50,000 человѣкъ, 1,200 офицеровъ и 49 генераловъ, потери же русскихъ, съ убитыми и ранеными — до 40,000 человѣкъ, 1,732 офицера и 18 генераловъ. Должно было увеличить потери непріятеля и то, что за три дня пребыванія на полѣ битвы они питались только водою и кореньями. Сегюръ признаетъ убыль въ 40,000 человѣкъ и говоритъ, что войска вступили въ Москву въ числѣ 90,000. Кирасирская дивизія въ 3,600 лошадей полного состава имѣла ихъ въ этотъ день только 800.

Состояніе французской арміи въ Москвѣ было во всѣхъ отношеніяхъ не блистательно. У нея не было ни хлѣба, ни говядины, а на столахъ масса сладостей, сироповъ и конфектъ. За одѣяло съ удовольствіемъ отдавали дорогое вино, а за шубу можно было получить сколько угодно сахару и кофѣ.

Лагерь не имѣлъ вида бивуака арміи, а скорѣе базара, на которомъ всякій солдатъ, преобразившійся въ торгаша, по дешевымъ цѣнамъ сбывалъ самыя драгоцѣнныя вещи и хотя жилъ въ полѣ подъ дождемъ и непогодой, но ѣлъ съ фаянсовыхъ тарелокъ, пилъ изъ серебряныхъ кубковъ и былъ окруженъ самыми роскошными вещами современнаго комфорта.

За время пребыванія въ Москвѣ части арміи, расположенныя внѣ города, не знали покоя. По словамъ Сегюра, что-то въ родѣ перемирія, никѣмъ не условленнаго, но негласно допущеннаго, съ обѣихъ сторонъ, существовало только съ фронтовъ—на флангахъ и въ тылу нельзя было ни провести обоза, ни сдѣлать фуражировки безъ битвъ, такъ что война собственно продолжалась.

Въ авангардѣ Мюратъ первое время выѣзжалъ щеголять на аванпосты. Ему, видимо, нравилось вызывать въ русскомъ лагерѣ любопытство своею красивою фигурой, репутаціею храбреца и, наконецъ, королевскимъ саномъ. Русскіе военачальники потворствовали его тщеславію и разсыпались передъ нимъ въ вѣжливостяхъ. Часто онъ распоряжался русскими постами, какъ своими: если ему хотѣлось занять то или другое возвышеніе французскими войсками—противники безъ спора уступали.

Императоръ, однако, не обманывался и послѣ нѣкотораго времени немного напускной радости, отъ показавшихся признаковъ якобы мирнаго

расположенія непріятеля, сталъ горько жаловаться окружающимъ на то, что «около нихъ начинается разгораться неносная, докучливая партизанская война; что, прямо въ противность офіціальнымъ побезностямъ противника, сзади и съ фланговъ Москва обложена шайками казаковъ. Какъ же: сто пятьдесятъ драгунъ старой гвардіи были атакованы и уничтожены близъ города—это среди кажущагося перемирія, на Можайской дорогѣ, на главной операціонной линіи, по которой онъ сообщается съ своими магазинами, запасами, резервами, со всею Европой!»

«Каждый день, говоритъ Сегюръ, приходилось солдатамъ, особенно кавалеристамъ, ѣздить далеко за самымъ необходимымъ; такъ какъ ближайшія окрестности были разорены, то приходилось заходить все дальше и дальше. И люди и лошади возвращались, если только возвращались, усталые, изнуренные; изъ-за всякой мѣры ржи, всякаго куска сѣна приходилось драться: нужно было вырывать ихъ у непріятеля. Крестьяне тоже замѣшались въ дѣло—пошли нечаянныя нападенія, западни, поголовныя истребленія небольшихъ отрядовъ. «Въ то время, когда уставшій непріятель наивно ожидалъ мира, его армія теряла много народа, ослаблялась—русскіе съ каждымъ днемъ дѣлались предприимчивѣе...

Мюратъ сильно беспокоился: онъ видѣлъ, что въ ежедневныхъ стычкахъ растаяла, уни-

чтожилась добрая часть остатковъ его кавалеріи, и умолялъ императора или заключить миръ, или отступить, но Наполеонъ, въ XIII бюллетенѣ, лаконически замѣчалъ только, что «казаки нападаютъ на разѣзды... Турецкія знамена и разныя рѣдкости изъ Кремля, включая Богородицу, украшенную брильянтами, отправили въ Парижъ... Говорятъ, что Ростопчинъ сошелъ съ ума... онъ сжегъ свой загородный домъ... Солнце ярче, теплѣе, чѣмъ въ Парижѣ, какъ будто и не на сѣверѣ! Армія русская не одобряетъ московскаго пожара... Они смотрятъ на Ростопчина, какъ на Марата, который теперь утѣшается въ обществѣ англійскаго комиссара Вильсона».

О своихъ неоднократныхъ отчаянныхъ попыткахъ заключить миръ Наполеонъ умалчиваетъ.

Зима между тѣмъ надвигалась. Русскіе прямо говорили, что они удивляются безпечности французовъ передъ приближеніемъ такого врага, какъ холодъ; они ждали зимы съ часу на часъ, жалѣли французовъ и совѣтовали бѣжать: «черезъ двѣ недѣли, говорили они, у васъ вывалятся ногти изъ пальцевъ, которые не въ состояніи будутъ держать оружія!..» Нельзя сказать, чтобы французы не думали о приближеніи зимы; напротивъ, этимъ безпокоились, говоритъ Гаин; только ветераны арміи, дравшіеся среди Пултусской грязи и Ейлаускихъ снѣговъ, считая себя акклиматизировавшимися, надѣялись и на этотъ разъ отдѣлаться безъ боль-

шой бѣды. По собранымъ свѣдѣніямъ оказывалось, что зима въ Россіи очень тяжела только въ декабрѣ и январѣ, а въ ноябрѣ термометръ не опускается среднимъ числомъ ниже 6 градусовъ; это вывели на основаніи наблюденій послѣднихъ 20 лѣтъ, значитъ не налегкѣ, и можно было вѣрить этому.

Но вотъ 13/1 октября выпалъ первый снѣгъ: «скорѣе, скорѣе, сказалъ императоръ, черезъ двадцать дней намъ надобно быть на зимнихъ квартирахъ». Это онъ повторяетъ и въ XXIV бюллетенѣ...

«Нельзя пенять, говоритъ Лабауте, какъ могъ Наполеонъ ослѣпнуть въ такой мѣрѣ, чтобы не понять необходимости немедленно уйти. Вѣдъ онъ видѣлъ, что столица, на которую онъ рассчитывалъ, уничтожена, и что зима подходитъ... должно быть Провидѣніе, чтобы наказать его гордыню, поразило его разумъ, если онъ могъ думать, что народъ, рѣшившійся все жечь и уничтожать, будетъ на столько слабъ и недальновиденъ, чтобы принять его тяжелыя условія и заключить миръ на дымящихся развалинахъ своихъ городовъ».

«По мѣрѣ упадка нашихъ силъ и энергій, говоритъ тотъ же авторъ, дерзость казаковъ возрастала въ такой степени, что вблизи Москвы они наскочили на артиллерійскій транспортъ, слѣдовавшій изъ Вязьмы... и снова выкинули такую же штуку съ артиллерійскимъ транспортомъ, слѣдовавшимъ изъ Италіи. Малѣйшій промежутокъ между вой-

сками тотчасъ же захватывался этою татарскою ордой, пользовавшеюся всѣми выгодами позицій для проявленія самаго дерзкаго нахальства».

Какъ выше сказано, Неаполитанскій король, кавалерія котораго была почти вся истреблена, ежедневно просилъ, чтобы что-нибудь было, наконецъ, сдѣлано: или заключенъ миръ, или предпринято отступленіе. Но императоръ ничего не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать...

«Очарованіе исчезло, наконецъ, восклицаетъ Сегюръ, простой казакъ разсѣялъ его: этотъ варваръ выстрѣлилъ въ Мюрата на аванпостахъ. Мюратъ разсердился и объявилъ Милорадовичу, что перемиріе, которое постоянно нарушается, не должно долѣе продолжаться и что съ этихъ поръ всякій будетъ заботиться о своихъ выгодахъ»...

Положеніе французской арміи сдѣлалось невыносимо: оставаться долѣе было нельзя, выступить не приготовившись невозможно; но императоръ французовъ все-таки находилъ возможность описывать положеніе дѣлъ Франціи и Европѣ тѣмъ же анекдотично-лаконическимъ тономъ. «Одни думаютъ, что императоръ сожжетъ общественныя зданія, пойдетъ на Тулу и приблизится къ Польшѣ, чтобы оставаться на зимнихъ квартирахъ въ странѣ дружественной, въ которую все легко можно будетъ доставлять, изъ магазиновъ Данцига, Ковно, Вильны и Минска...»

«Другіе разсуждаютъ, что отъ Москвы до Петер-

бурга 180 лье плохой дороги, а отъ Витебска до Петербурга только 130, что отъ Москвы до Кіева 218 лье, а отъ Смоленска до Кіева только 112 лье. Отсюда заключаютъ, что Москва, какъ стратегическая позиція, непригодна, что же касается ея политической важности, то она ее утеряла, будучи сожжена и разорена, на сто лѣтъ».

«У непріятеля оказывается много казаковъ, которые беспокоятъ кавалерію... Все указываетъ на то, что надобно позаботиться о зимнихъ квартирахъ. Кавалерія особенно нуждается въ нихъ».

Битва подъ Тарутинымъ открыла, наконецъ, глаза Наполеону на игру съ нимъ русскихъ, и онъ рѣшился уйти.

Съ первыхъ же дней отступленіе стало походить на бѣгство, по словамъ Fezensac. Нѣкоторыя части просто умирали съ голода въ то время, какъ другія не знали куда дѣвать провизію... Солдаты, отходившіе въ сторону отъ дороги въ поискахъ пропитанія, попадали въ руки казаковъ и вооруженныхъ крестьянъ. Дорога была покрыта зарядными ящиками, пушками и брошенными экипажами. Каждый солдатъ былъ буквально нагруженъ добычей. «У меня, рассказываетъ Duverger, были мѣха, картины великихъ мастеровъ, для удобства свернутыя въ трубочку, и нѣсколько драгоценностей. Одинъ изъ моихъ друзей тащилъ огромный ящикъ хинина, другой цѣлую библіотеку прекрасныхъ книгъ, съ позолоченными обрѣзами, въ красныхъ кожаныхъ переплетахъ... Я забылъ и о желудкѣ:

у меня былъ запасенъ рисъ, сахаръ, кофе, три большихъ горшечка варенья—два вишневаго, третій смородины»...

«Мой мѣшокъ, говоритъ Bourgogne, оказался слишкомъ тяжелъ, и я воспользовался первою остановкой, чтобы осмотрѣть свое добро и выкинуть, что было лишняго. Оказалось: нѣсколько фунтовъ сахару, рису, немного сухарей, полбутылки ликера, китайскій костюмъ изъ шелковой матеріи, шитый золотомъ и серебромъ (вѣроятно сарафанъ); много разныхъ вещичекъ изъ золота и серебра; между прочимъ кусокъ съ креста Ивана Великаго, т.-е. кусочекъ обшивки съ него. (Посрединѣ большого креста былъ еще маленькій, въ одинъ футъ длинной, изъ чистаго золота). Обшивка эта была серебряная, позолоченная. Еще была кромѣ моей парадной формы амазонка, для ѣзды верхомъ. Еще два образа съ выпуклыми серебряными ризами. Кромѣ того, были медали и ордена одного русскаго князя, украшенные брильянтами. Всѣ эти вещи назначались въ подарокъ. Кромѣ того, у меня на рубашкѣ былъ надѣтъ желтый, шелковый жилетъ, прошитый ватой, который я самъ сшилъ изъ женской юбки, и воротникъ на горпостоевой подкладкѣ. Сверхъ того, на широкомъ серебряномъ галунѣ у меня висѣлъ мѣшочекъ съ разными предметами, между которыми были золотой «Христосъ» и маленькая китайская фарфоровая вазочка... потомъ еще мое оружіе и 60 патроновъ»...

У французскихъ офицеровъ было по нѣскольку экипажей и у каждого въ повозкѣ—дама, русская или француженка, такъ какъ множество ихъ бросилось за арміею. Нѣкоторыя, скоро понявъ, что ихъ ожидаетъ дальше, воротились назадъ; остальные подверглись невыразимому бѣдствію: у нихъ дорогой украли лошадей и все, что было теплаго. Эти несчастныя сначала лишились своихъ дѣтей, а потомъ погибли и сами. Очень немногія спаслись, и кажется не видѣли, чтобы которая-нибудь изъ нихъ перешла границу...

О женщинахъ, слѣдовавшихъ за арміею, рассказываетъ, между прочимъ, Diverger, что «однѣ разъ, когда имъ было строго приказано никого не пускать межъ орудій—прекрасная карета, запряженная четырьмя лошадьми, быстро подѣхавшая, потребовала пропуска. Я далъ знакъ кучеру остановиться, но онъ не послушалъ и продолжалъ ѣхать... Мы съ товарищемъ схватили лошадей подъ уздцы—карета едва не опрокинулась въ ровъ и молодая красивая женщина показалась въ окнѣ; свѣжесть, богатство ея наряда и роскошь, ее окружавшая, указывали на то, что она пользовалась высокимъ покровительствомъ. Она приказала намъ именемъ императора и начальника штаба пропустить ее, но мы отказали»...

Послѣ Малоярославца, положеніе арміи, ударившейся въ настоящее бѣгство, стало еще хуже.

Когда, 5-го ноября новаго стиля, роздали гвардейскимъ полкамъ ручныя мельницы, все-таки до-

вольно тяжелыя—это показалось насмѣшкой, такъ какъ молоть было нечего.

6-го ноябрю погода рѣзко перемѣнилась, снѣгъ выпалъ большими массаами, слилъ бѣлое небо съ бѣлою землею, сталъ залѣплять глаза людей, проникать подъ одежду, морозить, леденить солдатъ.

«Въ нѣсколько ночей все измѣнилось, говоритъ Faïn. Лошади падали тысячами; кавалерія сразу очутилась пѣшею, и у артиллеріи не стало запряжекъ. По краямъ дороги виднѣлись ряды отсталыхъ, замерзшихъ»....

«Цѣлая бригада генерала Ожеро, брата маршала, отхваченная казаками Орлова, Давыдова и Сеславина, сдалась въ плѣнъ. Наполеонъ отослалъ за это начальника сдавагося генерала, Барагъ-Иллера—одного изъ лучшихъ офицеровъ, стараго сотоварища своего по итальянскому походу—во Францію, съ приказомъ оставаться подъ домашнимъ арестомъ до суда.

Принцъ Евгеній, шедшій другою дорогою, едва дотащился до главной арміи, потерявши всю артиллерію и обозы; по дорогѣ въ Духовщину онъ подвергся полному разгрому на переходѣ черезъ рѣку Вопь, какъ выше было помянуто.

«Отчаяніе на этой рѣчкѣ, рассказываетъ Labaume, сдѣлалось общимъ, такъ какъ, несмотря на усиліе сдержать русскихъ, ясно было, что они наступаютъ. Боязнь увеличивала опасность. Рѣка замерзла только наполовину и повозки не могли переходить, такъ

что пришлось всѣмъ, не имѣвшимъ лошадей, бросаться въ воду. Положеніе тѣмъ болѣе ужасное—приходилось покидать сотни орудій съ большимъ количествомъ зарядныхъ ящиковъ, телѣгъ, повозокъ и дрожекъ, въ которыхъ везлись остатки нашей московской провизіи. Всѣ бросились перегружать самыя дорогія свои вещи съ повозокъ на лошадей. Едва выпрягали экипажъ, какъ толпа солдатъ не давала времени выбирать нужное, овладѣвала всѣмъ и грабила, пуще всего ища муки и вина... Крики переправлявшихся черезъ рѣку, ужасъ готовившихся броситься въ воду съ крутого и скользкаго берега, отчаяніе женщинъ, крикъ дѣтей, наконецъ отчаяніе самихъ солдатъ дѣлали изъ этой переправы такую раздирающую сцену, что самое воспоминаніе о ней страшно. На цѣлое лье кругомъ по дорогѣ и вдоль рѣки лежало брошенное оружіе, ящики и элегантные экипажи, вывезенные изъ Москвы. Всюду валялись вещи, брошенные изъ каретъ, неудобныя для перевозки и, на ярко-бѣломъ снѣгу, особенно сильно бившія въ глаза: тутъ были канделябры, античная бронза, оригинальныя картины великихъ мастеровъ, богатые и дорогіе фарфоры»....

«Всюду царили ужасъ и отчаяніе, рассказываетъ Bourgeois, спасеніе видѣли только въ бѣгствѣ и, конечно, никому не хотѣлось быть послѣднимъ. Если толпа толкнетъ васъ подъ колеса, не надѣйтесь, чтобы остановили лошадей и дали вамъ возможность выбраться, никто не услышитъ вашихъ криковъ и вы

пропадете разбитый, затоптанный....Невозможно было различить въ толпѣ солдатъ, генераловъ, одѣтыхъ чучелами, обернутыхъ лохмотьями, страдавшихъ отъ холода и голода, принужденныхъ нищенствовать у подначальныхъ имъ солдатъ»*)).

«Своеволие и безпорядокъ достигли крайнихъ предѣловъ; всякая мысль о командѣ и послушаніи стала невозможностью, исчезла разность въ чинахъ и положеніяхъ—мы представляли шайку обрюзглаго, извратившагося люда. Когда несчастный, послѣ долгой борьбы, падалъ, наконецъ, подавленный всѣми бѣдами—всѣ кругомъ него, увѣренные въ томъ, что это конецъ и ему уже не подняться, прежде чѣмъ онъ испускалъ послѣдній вздохъ, бросались на несчастнаго какъ на настоящій трупъ, срывали обрывки одежды—и онъ, въ нѣсколько секундъ оказавшись голымъ, оставался въ такомъ видѣ умирать медленною смертию. Часто, бывало, идутъ около васъ подобія какихъ-то привидѣній, покушающихся дотянуться до привала: они стараются изо всѣхъ силъ выдвигать ногу за ногой, потомъ вдругъ начинаютъ чувствовать, что силы ихъ покидаютъ; глубокій вздохъ выходитъ изъ груди, глаза наполняются слезами, ноги подгибаются; въ продолженіе нѣсколькихъ

*) Chambray рассказываетъ, что одинъ разъ, напр., когда солдаты грѣлись около костра, полуокоченѣвшій генералъ подошелъ попросить мѣстечка—никто ему даже не отвѣтилъ и, только на повторенную просьбу, одинъ изъ грѣвшихся отвѣтилъ: „принеси полѣно, такъ пустимъ“.

минуть они качаются и, наконецъ, падаютъ, чтобы уже болѣе не подняться. Если тѣло несчастнаго упало поперекъ дороги, товарищи безцеремонно шагають черезъ, какъ ни въ чемъ не бывало».

«Храбрость, которой раньше было дано столько яркихъ примѣровъ, уступила мѣсто самой отчаянной трусости—не было другой мысли кромѣ позорнаго бѣгства, и въ голову не приходило намѣреніе защищаться, иногда отказывался защищать свою жизнь».

«При приближеніи нѣсколькихъ казаковъ или просто крестьянъ съ палками, выходившихъ на дорогу, всѣхъ охватывала паника: даже имѣвшіе оружіе бросали его, чтобы проворнѣе бѣжать, а захваченные въ плѣнъ и не думали обороняться—сотня гренадеръ дала бы захватить себя и увести этимъ мужикамъ».

«Казаки и милиція, говоритъ авторъ «войны 12 года», были хуже, страшнѣе для плѣнныхъ, чѣмъ регулярныя войска». «Русскіе генералы дѣлали все возможное, чтобы утишить ихъ злобу, но ожесточеніе было такъ велико, что приходилось быть всюду, спасать плѣнныхъ вездѣ, въ одно и то же время, что было невозможно».

«Мы шли будто по непрерывному полю битвы, говоритъ Fezensac, выдерживавшіе холодъ, умирали отъ голода»....

«Одни съ отмороженными членами валялись на снѣгу, другіе засыпали и погибали въ горѣвшихъ деревняхъ. Я помню солдата моего полка, который

походилъ на пьянаго: онъ держался около насъ, никого не узнавая, спрашивалъ гдѣ его полкъ, называлъ свою роту, своихъ товарищей, но говорилъ съ ними, какъ съ посторонними; онъ качался на ногахъ и взглядъ у него былъ мутный, потерянный»...

«Солдаты, ослѣпленные снѣжными вихрями, не могли даже различать дороги и часто падали во рвы и канавы, служившіе имъ могилами. Дурно обутые, плохо одѣтые, ничего не ѣвшіе, не пившіе, жавшіеся и дрожавшіе, они, едва будучи въ состояніи двигаться, все-таки торопились впередъ, во что бы то ни стало, не обращая никакого вниманія на отстававшихъ, падавшихъ и умиравшихъ около нихъ. Какая была масса на дорогѣ несчастныхъ, которые, умирая отъ полнаго истощенія силъ, боролись еще съ приступами смерти! Одни громко прощались съ братьями и товарищами, другіе, испуская послѣдній вздохъ, произносили имена своихъ матерей, мѣсть своей родины: скоро холодъ сковывалъ ихъ члены, проникалъ во внутренности. На дорогѣ ихъ можно было различать только по кучкамъ снѣга, горочками, какъ на кладбищахъ, покрывавшаго тѣла, устилавшія путь».

«Стаи воронъ поднимались съ долинъ и пролетали надъ ними, испуская зловѣщіе крики. Масса собакъ, еще изъ Москвы, питавшихся мертвечиною, была кругомъ, ожидая свѣжихъ труповъ».

Надобно замѣтить, что при началѣ отступленія у большинства были разные мѣха, но за время

ночей, проведенныхъ на бивуакахъ, таявшій отъ огня снѣгъ смачивалъ ихъ и они, снова замерзая, обращались въ ледяныя массы; опять оттаивавшая у костровъ шерсть, наконецъ, портилась, выпадала, горѣла и отъ пресловутыхъ собольихъ, горностаевыхъ и иныхъ мѣховъ не осталось ничего, кромѣ жалкихъ порыжѣлыхъ обрывковъ.

Отдѣльные бѣглецы, оставившіе свои части, всюду отталкивались, прогонялись, не находили мѣста на бивуакахъ. Можно себѣ представить положеніе этихъ несчастныхъ: измученные голодомъ, они бросались на всякую павшую лошадь и какъ остервенѣлыя собаки дрались за обрывки мяса. Изнуренные бессонницей и долгими переходами, они не находили на снѣгу мѣста, гдѣ бы можно было присѣсть и отдохнуть; полузамерзшіе, бродили во всѣ стороны, ища подъ снѣгомъ топлива, которое трудно было разжечь; разъ загорѣвшееся, сырое дерево снова потухало отъ сырости и вѣтра..... «тогда люди садились тѣсно, говорить очевидецъ, сжавшись какъ скоть, около березъ, сосенъ или подъ экипажами. Зажигали дома, въ которыхъ укрывались офицеры, и неподвижно, какъ тѣни, держались цѣлую ночь вокругъ этихъ громадныхъ костровъ»....

У всѣхъ отмороженные части тѣла покрывались нарывами, замѣнявшимися затѣмъ, когда ихъ отогрѣвали на огнѣ, черными пятнами — а рѣдкій не имѣлъ чего-либо отмороженнаго.

Въ такомъ положеніи было не до награбленнаго;

«добыча, ненужныя брошенныя вещи, говоритъ Diverger, покрывали дорогу. Знаменитый ящикъ съ хининомъ былъ выброшенъ. Я старался продать картины, но никто ихъ не хотѣлъ. Я раздарилъ мои мѣха. Несшій библіотеку вздумалъ распродать ее по частямъ, но никто ничего не купилъ».....

Пришлось бросить и знаменитые московскіе трофеи; ихъ опустили въ Семлевское озеро, между Гжатскомъ и Михайловкой; пушки, разные рыцарскіе доспѣхи и украшенія изъ Кремля были похоронены тамъ же.

Сегюръ утверждаетъ, что и знаменитый крестъ Ивана Великаго былъ затопленъ въ этомъ озерѣ, но, по свидѣтельству другихъ лицъ, онъ былъ проташенъ дальше, до первой станціи за Вильной.

«Какъ же это случилось, говоритъ тотъ же Segur, что въ Москвѣ ни о чемъ не позаботились? Почему такая масса солдатъ, умершихъ съ голода и холода, оказались нагруженными золотомъ, вмѣсто нужныхъ имъ одежды и провизіи? Какимъ образомъ, за тридцать три дня отдыха, не успѣли заковать лошадей на острые шипы, которые дали бы имъ возможность лучше и быстрѣе двигаться. Почему, если не было на все приказа отъ самого Наполеона, предосторожности эти не были приняты другимъ начальствомъ, гг. королями, князьями и маршалами! Развѣ не знали, что и въ Россіи, послѣ осени, наступаетъ зима? Пріученный къ смѣтливости своихъ солдатъ, Наполеонъ ужъ не вздумалъ ли положиться на нихъ самихъ?»

«Не обманулъ ли его опытъ кампаніи въ Польшѣ, зима которой была не суровѣе французской? Не обманули ли его эти октябрьскіе солнечные дни, удивившіе самихъ русскихъ? Какимъ туманомъ, какимъ головокруженіемъ были охвачены армія и ея начальникъ? На что они рассчитывали? Предположивши, что мысль о возможности заключенія мира въ Москвѣ свернула всѣмъ головы — вѣдь возвращаться нужно было во всякомъ случаѣ, а ничего не было заготовлено и для самаго мирнаго возвращенія»....

«Наконецъ, говоритъ далѣе тотъ же авторъ, армія снова увидѣла Смоленскъ! дотащилась до столько разъ обѣщанной ей границы всѣхъ страданій. Вотъ она, эта обѣтованная земля, гдѣ забудутся голодъ и усталость, забудутся бивуаки на двадцати градусномъ морозѣ, въ хорошихъ теплыхъ домахъ. Армія выспится тамъ, обошется, заведется обувью!.... Но всюду валяющіеся по городу скелеты лошадей показываютъ, что и тутъ тоже голодъ; выбитыя двери и оконныя рамы служатъ топливомъ для бивуачныхъ огней, нигдѣ нѣтъ теплаго жилья, обѣщанныхъ зимнихъ квартиръ; больные и раненые валяются на улицахъ, на привезшихъ ихъ телѣжкахъ — это новый бивуакъ, еще болѣе холодный, чѣмъ лѣса, черезъ которые армія прошла»....

«Громадныхъ трудовъ стоило не допустить отряды различныхъ корпусовъ до рукопашной схватки, передъ складочными магазинами. Наконецъ, когда

кое-какъ провизія была роздана, солдаты не хотѣли разносить ее по полкамъ: они бросались на мѣшки и, захвативши нѣсколько фунтовъ муки, шли пожирать ее. То же было и съ водкой. На другой день дома были наполнены трупами этихъ объѣвшихся и перепившихся несчастныхъ. Стало ясно, что Смоленскъ, который армія считала предѣломъ страданій, оказывался только началомъ ихъ. Открывалась впереди цѣлая безконечность бѣдствій: еще 40 дней нужно было идти въ тѣхъ же условіяхъ!...»

Императоръ прибылъ 9-го ноября, въ разгаръ всеобщаго отчаянія. Онъ заперся въ одномъ изъ домовъ на площади и вышелъ изъ него 14-го, чтобы продолжать отступленіе. Онъ рассчитывалъ на полумѣсячный запасъ полнаго содержанія для стотысячной арміи и нашелъ только половину, мукой, рисомъ и водкой; говядины вовсе не было. Слышали, какъ онъ бѣшено кричалъ на одного изъ главныхъ интендантскихъ чиновниковъ, и этотъ господинъ не былъ повѣшенъ только потому, что долго валялся въ ногахъ Наполеона.

«Со времени пріѣзда Наполеона, пишетъ авторъ «войны 12 года», я распредѣляю запасы войскамъ различныхъ корпусовъ. Боюсь, что семеро часовыхъ, день и ночь меня охраняющихъ, будутъ не въ состояніи помѣшать растерзать меня голодающимъ солдатамъ... Высшіе офицеры выбили у меня окно и влѣзли въ него»....

Всѣ очевидцы упоминаютъ о глубокомъ разочаро-

ваніи, постигшемъ армію въ Смоленскѣ. «Какъ выразить наше горе, замѣчаетъ Лабаите, когда въ предмѣстьяхъ Смоленска мы узнали, что девятый корпусъ уже выступилъ, что въ Смоленскѣ не остановятся и что провизія, какая была, уже израсходована. Разразись молнія передъ нами, мы меньше были бы поражены, чѣмъ этою новостью, до того всѣхъ сразившею, что никто не хотѣлъ ей вѣрить... послѣ мы убѣдились, что настоящій голодъ царилъ въ этомъ мѣстѣ, а мы то считали его полнымъ всякаго довольства!»...

Солдаты, оставшись безъ квартиръ, расположились среди улицъ, и черезъ нѣсколько часовъ ихъ уже находили вокругъ огней мертвыми. Госпита-ли, церкви и разныя другія общественныя зданія были переполнены больными, являвшимися цѣлыми тысячами... не имѣя помѣщенія, они оставались и умирали на привезшихъ ихъ повозкахъ, лафетахъ, зарядныхъ ящикахъ...

«Одинъ кирасиръ, рассказываетъ очевидецъ, громко стонавшій отъ голода, бросился на трупъ ободранной лошади и, засунувъ голову въ скелеть, сталъ зубами вырывать внутренности. Голодъ былъ такъ великъ, что русскіе находили французскіе трупы, наполовину съѣденные своими товарищами»...

Въ Смоленскѣ оставили пять тысячъ больныхъ и раненыхъ, которымъ вовсе не дали никакой провизіи. Доктора и чиновники, назначенные для охра-

ненія ихъ, пропали, разбѣжались, не желая быть перебитыми или взятыми въ плѣнъ.

Chambreу свидѣтельствуеъ, что, въ противность обыкновенію, больные даже не были рекомендованы великодушію русскихъ—ихъ просто выбросили какъ бесполезную вещь.

«Война, говоритъ авторъ «кампаніи 12 года», приняла характеръ такого ожесточенія, что невозможно представить себѣ, гдѣ остановится месть непріятеля, озлобленіе котораго вызвано всяческими разрушеніями и истребленіями. Передъ тѣмъ какъ помышлять о взрывахъ въ родѣ Московскаго и Смоленскаго и пожарахъ, столько же жестокихъ, сколько и бесполезныхъ, слѣдовало бы подумать, что оставляютъ непріятелю десятки тысячъ людей въ госпиталяхъ и на дорогѣ...» Renè Bourgeois пишетъ: «оставленные умирать съ голода, принужденные сами заботиться о своемъ существованіи, эти несчастные ползали по полямъ, вырывали корни, остатки капусты и другихъ овощей. Валяясь на сгнившихъ соломѣ и травѣ, на тряпкахъ и лохмотьяхъ, они покрылись грязью и насѣкомыми, пропитались зловоніемъ отъ умершихъ и уже разложившихся товарищей. На разстояніи цѣлыхъ восьмидесяти лье пужно было не идти, а, такъ сказать, прокладывать себѣ дорогу между всевозможными обломками и трупами. Во всѣхъ мѣстахъ остановокъ, на всѣхъ этапахъ встрѣчались кладбища, называвшіяся госпиталями, которыя издали давали о себѣ знать отвратительнымъ

зачумленнымъ воздухомъ и кучами разлагавшихся тѣлъ и нечистотъ, составлявшихъ невообразимыя клоаки»...

Самые бѣглецы представляли сплошные резервуары всяческихъ паразитовъ и нечистотъ. Смердь, исходившій изъ этихъ *живыхъ*, обуславливался не только ихъ больными желудками, но и тѣмъ, что они справляли всѣ свои нужды не раздѣваясь, изъ-за холода. Руки ихъ всегда были въ лошадиной крови, разлагающаяся же кровь видѣлась на лицахъ и рубищахъ. Тѣ, что имѣли лица и руки по локоть отмороженными, были похожи на фигуры, выточенные изъ слоновой кости.

«Больше всего я боялся, говорить одинъ нѣмецкій авторъ, приближенія ночи, не только потому, что въ это время страданія наши увеличивались, но и еще по причинѣ одной особенности: когда останавливались, обыкновенно всѣ собирались вмѣстѣ и крѣпко прижимались одинъ къ другому, чтобы хоть сколько-нибудь согрѣться; тогда среди общаго молчанія начиналъ слышаться въ разныхъ мѣстахъ, а иногда сразу въ нѣсколькихъ—и это безъ перерыва—шумъ паденія на мерзлую землю людей и лошадей, умиравшихъ отъ холода и лишеній».

«На одной стоянкѣ, рассказываетъ Bourgoigne, я съ ужасомъ увидѣлъ, что всѣ люди и лошади, тамъ лежавшіе, были мертвы и уже занесены снѣгомъ, при чемъ тѣла такъ и лежали вокругъ костровъ, а трупы лошадей оставались запряженными въ ору-

діяхъ. Тутъ же пять человѣкъ дрались какъ собаки—рядомъ лежала лошадиная ляжка, предметъ ихъ вражды».

«Еще ободряемые надеждой прежде найти въ Смоленскѣ пищу и квартиру, они не ожидали теперь болѣе ничего, шли какъ подвижныя куклы, когда ихъ вели, и останавливались тотчасъ за другими».

«Старый егеръ съ отмороженными ногами, завернутыми въ обрывки бараньихъ шкуръ, присѣлъ къ нашему огню, рассказываетъ тотъ же авторъ. Онъ ругалъ императора Александра, Россію и всѣхъ святыхъ, потомъ спросилъ, раздавали ли водку? Когда ему отвѣтили: «нѣтъ, не раздавали и не будутъ раздавать», онъ сказалъ: ну, такъ остается одно—умирать!»

«Мы встрѣтили по дорогѣ гусара, боровшагося со смертью, поднимавшагося на ноги и снова падавшего. Мы хотѣли ему помочь, но онъ упалъ, чтобы ужъ больше не подниматься. Дальше три человѣка возились около лошади; двое изъ нихъ были на ногахъ и до того шатались, что казались пьяными. Третій, нѣмецъ, лежалъ на дохой лошади: бѣдняга, умирая съ голоду и не будучи въ состояніи что-либо отрѣзать, старался откусить кусочекъ, но такъ и умеръ на этихъ попыткахъ»...

Несчастныя, кое-какъ уцѣлѣвшія женщины страдали чуть ли не больше еще. «Въ этомъ ужасномъ

походѣ, говорить г-жа Fusil, съ каждымъ новымъ днемъ, я говорила себѣ, что навѣрное не доживу до конца его, только не знала, какою смертию умру?... Когда останавливались на бивуакѣ, чтобы согрѣться и поѣсть, то садились обыкновенно на тѣла замерзшихъ, на которыхъ располагались такъ же удобно и безцеремонно, какъ на софѣ... Цѣлый день было слышно: ахъ, Боже мой! у меня украли портмоне, у другихъ—мѣшокъ, хлѣбъ, лошадь, и это у всѣхъ — отъ генерала до солдата... Все время проталкивались: «пропустите экипажи маршала такого-то, потомъ другого, потомъ генеральскіе. Нужно переходить черезъ мостъ: съ обѣихъ сторонъ рядами генералы, полковники—стоятъ, несмотря на всю сутолоку, чтобы по возможности ускорить проходъ своихъ повозокъ,—казаки были всегда недалеко»...

Можно было подумать, что русская армія состояла только ихъ казаковъ, только ихъ поминали, только объ нихъ и толковали.

«Невыразимо было жалко, говоритъ Labaume, французенокъ, ушедшихъ отъ мщенія русскихъ изъ Москвы, рассчитывавшихъ на полную безопасность среди насъ. Большая часть пѣшкомъ, въ лѣтнихъ башмакахъ, одѣтая въ легкія шелковыя и люстриновыя платья, въ обрывки шубъ или солдатскихъ шинелей, снятыхъ съ труповъ. Положеніе ихъ должно было бы вызвать слезы у самаго загубѣлаго человѣка, если бы обстоятельства не задушили всѣхъ чувствъ».

«Изъ всѣхъ жертвъ войны ни одна не была такъ интересна, какъ молодая, милая Fanni: хорошенькая, скромная, привѣтливая, остроумная, говорившая на нѣсколькихъ языкахъ, обладавшая всѣми качествами, способными вскружить голову самому нечувствительному, она была принуждена нищенски выпрашивать всякую самую незначительную услугу, и кусокъ добытаго хлѣба заставлялъ ее расплачиваться самымъ позорнымъ образомъ: подавая ей милостыню, мы злоупотребляли этимъ, заставляя бѣдняжку принадлежать ночью тому, кто кормилъ ее днемъ. Я видѣлъ ее даже за Смоленскомъ, но уже не бывшую въ состояніи идти—она держалась за хвостъ лошади и, когда силы измѣнили, упала на снѣгъ, гдѣ, вѣроятно, и осталась, не вызвавъ ни жалости, ни взгляда сочувствія».

«Несчастливая П., продолжаетъ тотъ же LaBaume, все еще тащилась за нами и какъ рабыня раздѣляла наши бѣды и лишенія. «Исторія этой особы стоитъ того, чтобы рассказать о ней: заблудилась ли она, или по своей романтической натурѣ напросилась на приключеніе, но ее нашли спрятавшуюся въ подземельѣ Архангельскаго собора. Дѣвушку привели къ элегантному французскому генералу, который сначала взялъ ее подъ свое покровительство, а потомъ, прикинувшись влюбленнымъ и обѣщавши жениться на ней, сдѣлалъ ее своею любовницей». Она переносила всѣ бѣды, лишенія съ истиннымъ мужествомъ добродѣтели. Неся уже въ

себѣ залогъ любви, которую она считала естественною и законною, она гордилась тѣмъ, что будетъ матерью, и тѣмъ, что слѣдуетъ за своимъ мужемъ. Но тотъ, который всего наобѣщалъ ей, узнавши, что мы не остановимся въ Смоленскѣ, рѣшился порвать связь, на которую никогда и не смотрѣлъ иначе, какъ на забаву. Съ черною душой, недоступнымъ жалости сердцемъ, онъ объявилъ этому невинному существу, подъ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ, что имъ необходимо разстаться. Бѣдняжка вскрикнула отъ отчаянія и объявила, что, пожертвовавши семьей и именемъ тому, кого считала уже своимъ мужемъ, считала своимъ долгомъ идти за нимъ всюду и что ни усталость, ни опасности не отвратятъ ее отъ рѣшенія слѣдовать за любимымъ человѣкомъ».

«Генералъ, ни мало не тронутый такою привязанностью, сухо объявилъ еще разъ, что необходимо разстаться, такъ какъ, во-первыхъ, по обстоятельствамъ оказывается невозможнымъ держать женщинъ, во-вторыхъ—онъ женатъ, почему ей лучше всего возвратиться въ Москву, къ жениху, который вѣроятно ее ожидаетъ. При этихъ словахъ несчастное существо просто окаменѣло: блѣдная, еще болѣе помертвѣлая, чѣмъ тогда, когда ее нашли между гробницами кремлевскаго собора, она долго не могла открыть рта; потомъ плакала, стонала и, подавленная горемъ, впала въ безпамятство, которымъ предатель воспользовался, не для того, что-

бы избѣгнуть трогательнаго разставанія, а просто для того, чтобы убѣжать отъ русскихъ, крики которыхъ уже доносились»...

«Ужасенъ былъ, говоритъ René Bourgeois, недостатокъ корма для лошадей; клоки полустлѣвшей соломы, оставшейся кое-гдѣ отъ старыхъ бивуаковъ, истоптанной, перемятой, или сорванной съ крышъ немногихъ оставшихся избъ—вотъ была вся ихъ пища и онѣ гибли на бивуакахъ тысячами. Гололедка, покрывавшая дороги, окончательно доконала лошадей—въ самое короткое время не стало помин на кавалеріи, и кавалеристы увеличили число пѣшихъ бѣглецовъ. Всѣ полки перемѣнились, порядокъ и дисциплина пропали, солдаты не признавали офицеровъ, офицеры не занимались солдатами: всякій брелъ, какъ и куда ему вздумается».

«Вся эта безпорядочная толпа народа была одѣта въ невѣроятныя одежды, въ мѣха и кожи различныхъ животныхъ, всѣхъ цвѣтовъ женскія юбки, большія шали, обрывки одѣялъ, лошадиныя попоны, прорѣзанныя въ серединѣ и висѣвшія по бокамъ. Такъ какъ обуви не было, то ноги обертывали въ лохмотья изъ тряпокъ, кусковъ войлока и бараньихъ шкуръ, подвязанныхъ соломой... Поверхъ этихъ лохмотьевъ, полныхъ паразитовъ, торчали исхудалыя лица, совсѣмъ почернѣвшія отъ бивуачнаго дыма, покрытыя всяческою грязью—лица, на которыхъ были написаны отчаяніе, страхъ, ужасы голода, холода и всяческихъ бѣдъ. Не было рѣчи о

центрѣ и флангахъ; вся армія собралась въ одну кучу, безъ кавалеріи и артиллеріи, двигалась вмѣстѣ съ обозомъ въ общемъ невообразимомъ безпорядкѣ»...

* * *

Французская армія подошла, наконецъ, къ рѣкѣ Березинѣ, гдѣ, конечно, погибла бы, если бы не глупость заслонявшаго ей дорогу противника, русскаго генерала Чичагова.

«Надобно признаться, говоритъ René Bourgeois, что въ продолженіе этой кампаніи русскіе надѣлали изумительныхъ ошибокъ; особенно при Березинѣ: они могли забрать насъ всѣхъ живьемъ, безъ боя и мы спаслись только благодаря неумѣлости непріятельскаго генерала. Это былъ адмиралъ Чичаговъ, принявшій отъ Кутузова командованіе Молдавскою арміей.... молодой куртизанъ, напыщенный и самонадѣянный, осыпанный милостями и довѣріемъ Александра»..... Нужно прочесть всеподданнѣйшія и въ то же время дружескія донесенія этого молодого любимца, въ пышныхъ французскихъ фразахъ, надменно, рѣзко отзывавшагося обо всѣхъ, не исключая и Кутузова, чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ всю силу заносчивости и бездарности этой личности.

Обманувши русскаго генерала—вѣрнѣе адмирала—французская армія стала наводить мосты на Березинѣ. «Духъ самолюбія отдѣльныхъ частей, конечно, очень похваленъ, замѣчаетъ Marbot, но

при случаѣ не мѣшаетъ умѣрять его въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Этого не сумѣли сдѣлать подъ Березиной начальники артиллеріи и инженеровъ, такъ какъ и тѣ и другіе заявили намѣреніе *одни* строить мосты и дѣло не двигалось до тѣхъ поръ, пока императоръ, пріѣхавшій 26/14, не разрѣшилъ спора приказаніемъ строить одинъ мостъ артиллеристамъ, другой—инженерамъ».

«Кто могъ бы сосчитать число жертвъ тутъ, рассказываетъ S. U., и описать всѣ сцены разоренія и ужаса. Среди невообразимаго безпорядка императоръ, чтобы облегчить переправу, приказалъ пожелчь множество повозокъ и велѣлъ исполнить это при себѣ: князь Невшательскій самъ таскалъ лошадей за уздцы».

«Просто перо отказывается, рассказываетъ Constant, представить сцены ужаса при Березинѣ. Всевозможныя повозки подвигались къ мосту буквально по грудамъ тѣлъ, устилавшихъ дорогу. Цѣлыя толпы несчастныхъ падали въ рѣку и гибли межъ льдинъ. Другіе хватались еще за доски моста и висѣли падъ бездной, пока колеса, переѣзжая по рукамъ, не заставляли пальцы разгибаться... Ящики, повозки, кучера и лошади валялись вмѣстѣ».....

«Видѣли женщину, говоритъ de-B., зажатую среди льдовъ, державшую надъ водой своего ребенка и умолявшую проходившихъ спасти его»...

«Я видѣлъ, рассказываетъ авторъ «Journal de la guerre», какъ солдаты цѣплялись за сосѣдей, чтобы

не упасть; какъ слабые, шатавшіеся и все-таки торопившіеся, до того напирали другъ на друга, что сразу цѣлыми рядами валились въ рѣку, какъ карточные домики..... Если въ это время показывался казакъ или только произносилось нѣсколько разъ слово «казакъ» — такая паника овладѣвала всею арміей бѣглецовъ, что они бросались туда, сюда и назадъ, скользнули, летѣли въ воду внизъ головой».....

* * *

За Березиной морозы, съ небольшими промежутками, стали еще сильнѣе.

Все кругомъ было покрыто снѣгомъ; лѣса были закрыты цѣлымъ снѣжнымъ ковромъ, обращавшимъ ихъ въ громадныя ледяныя массы. Даже деревни, заваленныя снѣгомъ, не выдѣлялись на горизонтѣ и ихъ можно было различить только по пожарамъ, зажженнымъ или самими жителями, или бѣглецами французской арміи.

«Солдаты сплошь и рядомъ зажигали цѣлые дома, чтобы погрѣться въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, рассказываетъ Сегюръ. Жаръ привлекалъ несчастныхъ, сдѣлавшихся отъ холода и лишеній какими-то полоумными: со скрежетомъ зубовъ и адскимъ смѣхомъ они бросались въ костры и погибали тамъ. Товарищи смотрѣли на нихъ хладнокровно, безъ удивленія. Нѣкоторые даже подтаскивали къ себѣ обезображенные, сжарившіеся трупы и — надобно сознаться, какъ это ни ужасно — ѣли».

«Дорога была до такой степени покрыта мертвы-

ми и умиравшими, говоритъ авторъ «Journal de la guerre», что надобно было употреблять большое стараніе для прохода между ними. Идя густою толпой, приходилось наступать или шагать черезъ несчастныхъ умиравшихъ, предсмертное хрипѣніе которыхъ было слышно, но о помощи которымъ нечего было и думать».

«Въ придорожныхъ сараяхъ, рассказываетъ Сегюръ, происходили чистые ужасы. Тѣ изъ насъ, которые спасались тамъ за ночь, находили утромъ своихъ товарищей, замерзшихъ цѣлыми кучами, около потухшихъ костровъ. Чтобы выйти изъ этихъ гетакомбъ, нужно было съ большими усиліями перелѣзть черезъ горы несчастныхъ, изъ которыхъ многіе еще дышали».

«Я не могъ понять, говоритъ Constant, зачѣмъ въ нашемъ положеніи нужно было еще разыгрывать побѣдителей, таща съ собой плѣнныхъ, которые, конечно, только затрудняли нашихъ бѣдныхъ солдатъ. Несчастные русскіе, изморенные переходами и голодомъ, были согнаны на огромную площадь, какъ домашній скотъ. Большая часть ихъ умерла за ночь, остальные сидѣли, тѣсно прижавшись другъ къ другу, надѣясь хоть немного согрѣться; тѣ, что умерли, замерзли—продолжали сидѣть вмѣстѣ съ живыми. Нѣкоторые ѣли своихъ мертвыхъ товарищей».....

Интересно то, что это происходило въ нѣсколькихъ шагахъ отъ главной квартиры Наполеона —

деревяннаго домишка, въ которомъ приходилось заваливать окна сѣномъ и соломой...

Съ отъѣздомъ Наполеона изъ арміи безпорядокъ, а съ нимъ и бѣдствія арміи еще увеличились, если только это было возможно! «Нуженъ былъ колоссъ, говоритъ Segur, чтобы поддерживать все это, но колоссъ покинулъ насъ... Съ первой же ночи одинъ изъ генераловъ отказался повиноваться, и маршалъ, командовавшій арріергардомъ, пришелъ почти одинъ въ главную квартиру короля, вокругъ которой стояла вся великая армія—три тысячи человѣкъ старой и молодой гвардіи. Когда отъѣздъ Наполеона сдѣлался извѣстнымъ—и у этихъ ветерановъ дисциплина пошатнулась и они впали въ безпорядокъ...»

«Были люди, сдѣлавшіе двѣсти лье не оглядываясь; это было общее «sauve qui peut».

Все, что еще уцѣлѣло на Березинѣ изъ нагруженныхъ повозокъ обоза, считая въ томъ числѣ и императорскія, окончательно застряло у станціи Панари, подъ одной обледенѣлой горой, за Вильной. Подъѣздъ новыхъ экипажей къ прежде покинутымъ постепенно увеличивалъ суматоху, безпорядокъ и грабежъ въ этомъ мѣстѣ до того, что русскіе и французы перемѣшались около повозокъ съ французскою казною, «всякій хваталъ, говоритъ авторъ «Journal de la guerre», изъ нагруженнаго въ повозкахъ и каретахъ добра, что ему нравилось..... Я видѣлъ, какъ фургоны, наполненные серебромъ и золотомъ, грабились среди дороги, наполовину

французами, наполовину казаками, безъ всякой обоюдной вражды. Я прошелъ къ самой серединѣ и ни одинъ изъ русскихъ не остановилъ меня».

У границы Пруссіи, два короля, одинъ князь, восемь маршаловъ, съ нѣсколькими генералами и офицерами, бредшими тамъ и сямъ безъ всякой свиты, и нѣсколько сотенъ людей старой гвардіи, еще державшей ружья—представляли знаменитую Великую армію.

IV.

Маршалы.

Если армія не отличалась дисциплиной и порядкомъ, то это въ значительной мѣрѣ зависѣло отъ того, что начальствовавшимъ надъ нею королямъ и герцогамъ-маршаламъ не доставало самообладанія и умѣнья безропотно повиноваться императору.

Извѣстно, что еще въ началѣ похода, Вестфальскій король, не стерпѣвши справедливаго упрека Наполеона въ медленности, бросилъ свой корпусъ и уѣхалъ домой, даже не передавши никому командованія и полученныхъ имъ приказаній.

Отношенія между начальникомъ штаба, маршаломъ Бертье, и маршаломъ Даву, этимъ послѣднимъ и Мюратомъ такъ же, какъ между нѣкоторыми другими высшими офицерами, были до такой степени натянуты, что прямо вредили успѣху общаго дѣла. Въ 1809 году Бертье былъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней начальникомъ Даву, который, не послушавшись его, выигралъ битву и спасъ армію—отсюда сильнѣйшая вражда. Лишь только они

свидѣлись передъ послѣдней кампаніей, какъ тотчасъ, въ присутствіи самого императора, схватились. Даву довелъ рѣзкость до того, что назвалъ Бертье «либо бездарнымъ, либо измѣнникомъ» — съ обѣихъ сторонъ дѣло дошло до личныхъ угрозъ.

Извѣстно, что Бертье не былъ способенъ въ самостоятельной роли и служилъ только отголоскомъ воли Наполеона; онъ былъ довольно покладистъ и трудолюбивъ. Вѣрный послѣдователь принципа императора, «никогда ничего не предпринимать сразу въ двухъ мѣстахъ, а на одномъ и въ большихъ силахъ», онъ не одобрялъ войны 12 года и покорился необходимости, безъ убѣжденія и увлеченія, слишкомъ серьезно обезпокоенный хорошо извѣстнымъ ему положеніемъ французовъ въ Испаніи.

Въ кампанію 12 года герцогъ Невшательскій не отличался предусмотрительностью, чтобы не сказать больше.

Про Даву можно сказать, что это лучшій стратегъ, между всѣми сподвижниками Наполеона, но онъ былъ сварливъ, завистливъ и злопамятенъ. Методическій и упорный геній Даву рѣзко противорѣчилъ всегда увлекавшемуся Мюрату. Отсюда постоянныя недоразумѣнія между этими двумя военачальниками, сотоварищами, приблизительно однихъ лѣтъ, вмѣстѣ поднимавшимися по ступенямъ почестей, привыкшими повиноваться только одному Наполеону и сами надъ собой — Мюратъ въ особенности — не бывшими въ состояніи командовать.

Отношенія Даву къ Мюрату такъ интересны для характеристики порядковъ высшаго командованія великой арміи, что на нихъ стоитъ остановиться.

Подчиненный одно время Мюрату, Даву покорился, но неохотно, затаивши обиду, и тотчасъ же пересталъ сноситься прямо съ императоромъ, который, однако, приказалъ ему снова доносить обо всемъ, такъ какъ донесенія Мюрата казались ненадежны. Даву только этого и нужно было, чтобы не обращать болѣе вниманія на авторитетъ Неаполитанскаго короля. Какъ далеко зашли они въ своемъ пре-
пирательствѣ — видно изъ того, что, въ одной изъ стычекъ, батарея Даву отказалась стрѣлять по приказанію Мюрата. Командиръ батареи представилъ въ оправданіе приказъ маршала: подъ страхомъ лишенія командованія, никого не слушать кромѣ его, Даву.

На слѣдующій день въ присутствіи Наполеона между противниками была перепалка. Король упрекалъ герцога въ упорномъ противодѣйствіи и, главное, въ затаенной ненависти къ нему, начавшейся еще въ Египтѣ. Онъ зашелъ такъ далеко, что предложилъ рѣшить ссору, одинъ на одинъ, не вмѣшивая въ нее армію... Даву съ своей стороны яростно укорялъ короля въ легкомысліи и нарисовалъ императору живую картину ежедневной неурядицы, происходившей въ авангардѣ арміи. «Нужно сознаться, говорилъ онъ, по словамъ Сегюра, что отступленіе русскихъ совершается въ замѣчательномъ порядкѣ, они

останавливаются гдѣ находятъ удобнымъ, а не тамъ, куда загоняетъ ихъ хвастающій Мюратъ. Они такъ хорошо выбираютъ свои позиціи, такъ разумно защищаютъ каждую, смотря по силѣ и количеству времени, которое имъ нужно выиграть, что движеніе ихъ должно быть давно старательно обдуманно и теперь съ пунктуальною точностью выполняется».

«Никогда они не покидаютъ поста раньше чѣмъ надвинется настоящая опасность. По вечерамъ располагаются на отдыхъ спозаранку, оставляя подъ ружьемъ столько войска, сколько необходимо для обороны занятой позиціи и доставленія возможности прочимъ войскамъ отдохнуть и поѣсть».

«Король же, вмѣсто того, чтобы слѣдовать этому благому примѣру, знать не хочетъ ни времени, ни расположенія и силы противника, торчитъ все время въ линіи застрѣльщиковъ, гарцуетъ передъ непріателемъ, пробуетъ теребить его со всѣхъ сторонъ, сердится, горячится, кричитъ, просто хрипнетъ отъ повторенія приказаній, расходуетъ безъ толку патроны, снаряды, людей и лошадей, и всѣхъ до глубокой ночи держитъ подъ ружьемъ».

«Жалко видѣть несчастныхъ солдатъ, толкающихся въ темнотѣ, ощупью разыскивающихъ кормъ, воду, дрова, солому, пищу и потомъ не могущихъ попасть на свой бивуакъ — всю ночь перекликающихся. И не одинъ только авангардъ страдаетъ изъ-за этого — вся кавалерія видимо гибнетъ. Виро-

чемъ, своею кавалеріей Мюратъ пусть располагаетъ какъ ему угодно. Что же касается пѣхоты 1-го корпуса, то пока Даву командуетъ, онъ не дастъ помыкать ею».

«Король со своей стороны тоже не остался въ долгу..... Императоръ слушалъ ихъ, перекатывая ногой случившееся тутъ русское ядро. Можно было думать, что эта рознь между военачальниками не нравится ему», говоритъ Сегюръ.

Отпуская ихъ, онъ осторожно сказалъ Даву, «что нельзя имѣть всѣ достоинства разомъ, что самъ герцогъ Экмюльскій, если сумѣетъ выиграть битву, то врядъ ли хорошо поведетъ авангардъ арміи и что если бы Мюрату поручено было преслѣдовать Багратиона въ Литвѣ, то можетъ быть онъ не упустилъ бы его!»...

Послѣ этого Наполеонъ предложилъ противникамъ стараться впредь лучше ладить, но на сколько совѣтъ пошелъ впрокъ — оказалось изъ донесенія генерала Белліара императору о сраженіи подъ Вязьмой. «За городомъ, за рвомъ, на удобной позиціи, показался непріятель, повидимому, готовый принять битву. Кавалерія съ обѣихъ сторонъ тотчасъ вступила въ дѣло, но когда потребовалась пѣхота, и король самъ повелъ одну изъ дивизій Даву — маршалъ прискакалъ, остановилъ своихъ людей, сталъ громко порицать задуманное движеніе и браниться съ королемъ, прямо запретивши своимъ генераламъ повиноваться ему. Мю-

ратъ пробовалъ приказывать, напоминая о своемъ санѣ, но бесполезно, и моментъ былъ пропущенъ, такъ что теперь король послалъ доложить императору о полной невозможности командовать въ такихъ условіяхъ и просилъ выбирать между нимъ и Даву».

«Наполеонъ страшно разсердился... Онъ обвинилъ Даву и оправдалъ Мюрата, но послѣдній долго не въ состояніи былъ забыть оскорбительныхъ выраженій своего стараго врага, публично, рѣзко произнесенныхъ. Чѣмъ болѣе онъ думалъ о нихъ, тѣмъ сильнѣе его охватывалъ гнѣвъ. Что же это такое? Даву его знать не хочетъ, публично поноситъ и это пройдетъ ему безнаказанно! онъ, Мюратъ, будетъ снова видѣться и говорить съ нимъ!»

Что ему за дѣло до рѣшенія императора и его гнѣва: онъ самъ долженъ смыть обиду! Что въ томъ, что онъ король? его шпага вознесла его въ это званіе, она же и выручитъ его теперь!

«И онъ схватился уже за оружіе, чтобы идти къ Даву, требовать удовлетворенія, когда Белліаръ остановилъ его, представивши всѣ обстоятельства, вредъ примѣра и проч.».

Въ общемъ, обвиненія Даву были основательны—Мюратъ въ эту кампанію не разъ портилъ дѣло своею горячностью. Нападенія кавалеріи на карре отступавшей дивизіи Невѣровскаго, хладнокровно и побѣдоносно выдержавшаго до 40 атакъ, предводимыхъ самимъ Неаполитанскимъ королемъ, мо-

гутъ служить примѣромъ безразсудныхъ торопливости и горячности Мюрата, который, растерявъ свою кавалерію, не игралъ уже никакой роли въ концѣ кампаніи и мирно ѣхалъ въ каретѣ съ Наполеономъ, или шелъ за нимъ пѣшкомъ, съ палкой въ рукѣ, укутанный въ шубу.

Однако порядокъ и дисциплина корпуса самого Даву не выдержали испытанія бѣдствій отступленія и, послѣ дѣла подъ той же Вязьмой, Наполеонъ получилъ рапортъ Нея, который, не скрывая ничего, увѣдомлялъ о несчастномъ исходѣ битвы. «При лучшихъ порядкахъ, доносилъ онъ, былъ бы вѣроятно и другой результатъ: самое ужасное что было, это безпорядокъ корпуса Даву, который заражалъ другія войска..... Я долженъ говорить правду Вашему Величеству, и какъ мнѣ ни непріятно порицать одного изъ моихъ сослуживцевъ, я долженъ объявить вамъ, что при такихъ условіяхъ не отвѣчаю за безопасность отступленія»...

Самъ Наполеонъ жаловался на медлительность Даву, отстававшаго отъ него на пять дней перехода, тогда какъ ему слѣдовало быть въ трехъ дняхъ. Вся армія повторяла эти жалобы и находила, что маневры, производившіеся передъ казаками, не имѣли другихъ результатовъ кромѣ задержки арміи.

«Mon cousin», писалъ выведенный изъ терпѣнія Наполеонъ, Бертье, «дайте знать герцогу Эльхингенскому, чтобы онъ принялъ начальство въ ар-

рієргардѣ и шель бы возможно скорѣе — герцогъ Экмюльскій задерживаетъ вице-короля и князя Понятовскаго изъ за всякаго *ура!* казаковъ».

Что касается намѣреній Наполеона мстить русскимъ, все безъ разбора сжигая на пути, то герцогъ Экмюльскій былъ хорошій исполнитель этой мѣры и, когда завѣдывалъ аррієргардомъ — съ замѣчательною точностью и пунктуальностью не пропускалъ ни одного помѣстья или деревни на возможно дальнихъ разстояніяхъ.

Послѣ того какъ выпалъ снѣгъ и ударили морозы, Даву окончательно оказался не на высотѣ обстоятельствъ: выброшенный изъ усвоенной колеи порядка, правильности и методичности, онъ впалъ въ отчаяніе отъ общаго безпорядка и раньше другихъ пришелъ къ заключенію, что все потеряно.

«Даву, говоритъ Сегюрт, вошелъ въ Оршу съ 4,000 человекъ, остаткомъ 70,000! Этотъ маршалъ потерялъ самъ, лично, рѣшительно все: у него не было бѣлья, онъ просто умиралъ съ голоду—когда ему дали кусокъ хлѣба, онъ буквально набросился на него; поданнымъ платкомъ въ первый разъ въ продолженіе многихъ дней утеръ лицо, покрытое инеемъ. «Надобно быть желѣзнымъ, вскричалъ маршалъ, чтобы переносить подобныя испытанія; есть матеріальныя невозможности, есть предѣлъ силамъ человѣческимъ и этотъ предѣлъ давно перейденъ!» Нѣсколько иной былъ характеръ Нея: онъ безропотно несъ самую тяжелую службу, но напр., когда

Наполеонъ отказался дать гвардію для послѣдняго удара на Бородинскомъ полѣ, не затруднился громко сказать, что «коли императоръ не хочетъ самъ больше воевать, такъ пусть убирается..... въ Тюльери... и дастъ имъ распоряжаться»...

Среди поголовнаго отчаянія и безпорядка, за время отступленія, Ней явилъ себя не только «бравымъ изъ бравыхъ», какимъ былъ всегда, но и послушнымъ, исполнительнымъ—онъ былъ истиннымъ героемъ обратнаго движенія великой арміи. Этотъ крѣпко сложенный, тоже часто увлекавшійся человекъ, былъ далеко не сантименталенъ. Очень характеренъ его отвѣтъ одному раненому, умолявшему о спасеніи: «что же ты хочешь? ты одна изъ жертвъ войны и больше ничего!» Когда Ней сказали о смерти молодого de-Noailles, онъ отвѣтилъ, не сморгнувъ: «что жъ, пришелъ его чередъ—все таки лучше, что мы сожалѣемъ о немъ, нежели если бы онъ сожалѣлъ о насъ». Не менѣе характеренъ и третій случай: когда, брошенный маршаломъ Даву въ Смоленскъ на произволъ судьбы, Ней потерялъ почти всѣхъ солдатъ, обозъ, артиллерію и окольными путями, черезъ болота и лѣса, съ небольшою кучкой людей добрался до Наполеона, а герцогъ Экмюльскій началъ оправдываться въ своемъ поступкѣ—Ней отвѣтилъ: «я не укоряю васъ, господинъ маршалъ—Богъ видитъ насъ и судитъ васъ».

«Ней понималъ, говоритъ Сегюръ, что кому-нибудь нужно было быть козломъ отпущенія и доб-

ровольно принялъ на себя опасность, взявшись бессмысленно защищать арріергардъ арміи».

«Русскіе приближались, рассказывает очевидецъ объ одной битвѣ, прикрываясь лѣсомъ и нашими оставленными повозками, откуда разстрѣливали солдатъ Нея, ударившихся было бѣжать—когда маршалъ, взявъ ружье, бросился къ нимъ и повелъ въ битву, завязалъ перестрѣлку, не щадя себя—точно онъ самъ не былъ отцомъ, мужемъ, точно онъ не былъ богатъ и знатенъ, не былъ уважаемъ... Оставаясь солдатомъ, онъ не переставалъ быть генераломъ: пользовался мѣстностью, опирался на пригорки, прикрывался домами. Этимъ онъ далъ арміи 24 часа отдыха. Слѣдующій и другіе дни—тотъ же героизмъ: отъ Вязьмы до Смоленска онъ дрался безъ перерыва цѣлыхъ десять дней».

Военная исторія даетъ вѣроятно немного примѣровъ затруднительныхъ положеній, изъ которыхъ выходили бы съ большей честью, чѣмъ это сдѣлалъ брошенный, какъ было выше помянуто, на дорогѣ изъ Смоленска въ Красный, на произволъ судьбы, Ней. Арріергарду великой арміи устроена была русскими настоящая западня: войска Милорадовича стали поперекъ дороги и по сторонамъ, значить, пройти—никакой возможности. Ней, однако, не помирился съ этимъ; онъ пробуетъ пробиться, нѣсколько разъ посылаетъ своихъ обезсиленныхъ солдатъ въ штыки, но залпы тысячъ ружей и сорока орудій на разстояніи 500 шаговъ дѣлаютъ свое дѣло... Тогда большая часть

французскаго корпуса, состоявшая изъ 12,000 человекъ, кладеть оружіе, вся артиллерія, 27 орудій, багажъ и проч. достаются побѣдителямъ. Маршала Нея, однако, не оказывается между плѣнными—пользуясь темнотой, онъ скрывается съ 3,000 человекъ, добровольно за нимъ послѣдовавшихъ.

Средство, употребленное для спасенія, было не совсемъ легально: маршалъ задержалъ офицера, посланнаго къ нему генераломъ Милорадовичемъ, съ предложеніемъ сдаться и, пока послѣдній ожидаетъ отвѣта—ушелъ сначала по дорогѣ къ Смоленску, потомъ въ сторону, окружнымъ путемъ, къ Оршѣ.

Это отступленіе и потомъ спасеніе носятъ сказочный, легендарный характеръ, поражаютъ смѣлостью. «Всѣ взоры небольшого, тихо уходящаго отъ русскихъ войскъ отряда, говоритъ Fezensac, обращены на маршала, не проявляющаго ни безпокойства, ни нерѣшительности, но никто не рѣшается спрашивать его. Находящемуся около него офицеру своего штаба Ней говоритъ: «Дѣло не ладно». (*Nous ne sommes pas bien*).—«Что вы предпримете?» спросилъ офицеръ. (*Qu'allez Vous faire?*).—«Перейдемъ черезъ Днѣпръ». (*Passer le Dnieper*).—«Гдѣ дорога?» (*Où est le chemin?*).—«Найдемъ». (*Nous le trouverons*).—«А если рѣка не замерзла?» (*Et s'il n'est pas gelé*).—«Замерзнетъ». (*Il le sera*).

Вышло такъ, какъ онъ говорилъ. Отрядъ находитъ хромого мужика, который служитъ имъ проводникомъ. Ледъ едва сдерживаетъ, но боль-

шинство все-таки переходитъ, побросавши рѣшительно все. Казаки, напавшіе на слѣдъ ушедшаго маршала, начинаютъ на другой день преслѣдовать его колонну, но онъ, то берегомъ, то лѣсомъ, безпрерывно сражаясь, добирается, наконецъ, черезъ двое сутокъ до города Орши.

Говорятъ, будто Наполеонъ, узнавъ, что Ней явился, радостно воскликнулъ: «у меня 200 милліоновъ въ Тюльерійскихъ погребахъ—я ихъ охотно отдалъ бы, чтобы спасти такого человѣка!»

Надобно замѣтить, что какъ ни почетенъ этотъ подвигъ Нея, нельзя безъ улыбки читать рассказъ о немъ въ ХХІХ бюллетенѣ, гдѣ Наполеонъ говоритъ вопіющую несправедливость, выставляя маршала побѣдителемъ.

Генераль Дюма рассказываетъ, что, по переходѣ, черезъ границу, въ Гумбпнскѣ, когда онъ пилъ кофе въ трактирѣ, вошелъ въ комнату человѣкъ, одѣтый въ темное пальто: онъ былъ съ длинною бородой, лицо его было запачкано, казалось, обожжено, покраснѣвшіе глаза блестѣли. «Вотъ и я», сказалъ онъ. «Что же это, генераль Дюма, вы меня не узнаете?»—Нѣтъ, кто вы такой?—«Я—арріергардъ великой арміи—маршалъ Ней»...

V.

Наполеонъ.

Для обзора дѣятельности самого Наполеона, въ эту кампанію, возвращаюсь къ началу открыто враждебныхъ дѣйствій его противъ Россіи, въ 1812 году, которымъ было безспорно Дрезденское свиданіе. Послѣ неудачнаго сватовства французскаго императора къ сестрѣ Александра I, въ хорошо освѣдомленныхъ придворныхъ французскихъ сферахъ сталъ держаться слухъ о намѣреніи Наполеона разъ и навсегда сбавить спеси Россіи, хорошенько проучивши ее, но въ Дрезденѣ впервые была откинута осторожность и принято прямо угрожающее положеніе—на случай если бы Александръ не одумался и торжественно, откровенно, передъ всей Европой, не смирился.

Русскій императоръ не смирился и афронтъ этого вызова получилъ тѣмъ сильнѣйшее значеніе, что былъ сдѣланъ именно передъ всей Европой—скрыть его, отступить отъ принятаго положенія было невозможно, «вино было откупорено, надобно было его выпить», по выраженію самого императора французовъ.

Дрезденское свиданіе было также эпохою наибольшаго могущества Наполеона, явившагося на немъ настоящимъ королемъ королей. Австрійскій императоръ, неоднократно, почтительно высказывалъ своему высокому зятю, что «онъ можетъ вполнѣ разсчитывать на Австрію для торжества общей цѣли». Король Прусскій тоже повторялъ увѣреніе «въ неизмѣнной преданности его политикѣ».

Роскошь и великолѣпіе французскаго двора въ дни Дрезденскаго свиданія, говоритъ очевидецъ, дѣлали изъ Наполеона какого-то легендарнаго великаго могола: какъ въ Тильзитѣ, онъ сыпалъ цѣнными наградами направо и налево.

Во время выходовъ, владѣтельные князья подолгу дожидались чести удостоиться аудіенціи. Эти новыя куртизаны - добровольцы такъ тѣсно перемѣшивались съ толпою царедворцевъ, что чиновникамъ и офицерамъ императора приходилось предупреждать другъ друга, чтобы нечаянно не затолкать котораго-нибудь изъ нихъ.

Наплывъ иностранцевъ со всѣхъ государствъ былъ необычайный и всѣ взоры были обращены на Наполеона: народъ толпился у дворца, слѣдилъ за всѣми его движеніями, всюду слѣдовалъ за нимъ на улицѣ и ждалъ важныхъ событій.

«Можетъ быть никогда еще не бывало такихъ обширныхъ и необыкновенныхъ приготовленій, какъ къ этой кампаніи говоритъ Ségur. Кромѣ чисто военныхъ снаряженій, разыскивались и нанимались люди всевоз-

можныхъ профессій, повидимому имѣвшихъ очень мало общаго съ военнымъ дѣломъ—слесаря, каменщики, часовыхъ и иныхъ дѣлъ мастера и все это безъ объясненія мѣста будущей службы, такъ что въ массѣ публики, даже незадолго до похода, еще не знали, что собираются воевать именно съ Россіей; напротивъ, были даже слухи о томъ, что готовятся послать ей помощь въ войнѣ съ Турками».

Внезапный отъѣздъ изъ Парижа русскаго военнаго агента Чернышева и обстоятельства, его сопровождавшія, особенно наряженіе суда надъ измѣнниками, выдавшими ему разные документы, приподняли завѣсу и въ обществѣ начали прямо говорить о томъ, что приготовленія направлены противъ Россіи. Однако, сверху не только не было офиціальнаго указанія на будущаго непріятеля, но еще, напротивъ, приказомъ по арміи запрещено было военнымъ толковать о предстоявшей кампаніи.

«Французская армія была въ это время въ самомъ блестящемъ положеніи. Она состояла изъ двѣнадцати армейскихъ корпусовъ, въ двадцать тысячъ каждый, трехъ кавалерійскихъ корпусовъ той же численности, что вмѣстѣ съ сорока тысячами гвардіи, артиллеріей, инженерами и саперами составляло четыреста тысячъ человѣкъ *); собственно французовъ между ними было триста тысячъ. Эта страшная сила тащила за собой тысячу двѣсти орудій

*) Не считая прусскаго и австрійскаго отрядовъ, Макдональда и Шварценберга.

и свыше десяти тысячъ зарядныхъ ящичковъ и повозокъ. Такая масса войска, привыкшаго побѣждать, гордаго старою славой, полного довѣрія къ своимъ начальникамъ и предводимаго человѣкомъ, который былъ окруженъ ореоломъ двадцатилѣтнихъ блистательнѣйшихъ успѣховъ, могла смѣло считаться непобѣдимою».

Военная молодежь смотрѣла на походъ въ Россію, какъ на веселый шестимѣсячный спортъ. Армія стремилась въ кампанію въ увѣренности на скорый успѣхъ и быстрыя повышенія, всякій старался попасть въ нее. Говорили знакомымъ: «мы въ Москву, до сораго свиданія!»

Стали толковать о томъ, что Пруссію наградятъ изъ новыхъ завоеваній, соотвѣтственно ея прежнимъ потерямъ. Самъ Наполеонъ сказалъ объ этомъ въ своей прокламаціи: «въ началѣ іюля мы будемъ въ Петербургѣ, я накажу императора Александра... и прусскій король будетъ императоромъ сѣвера».

Всезнающіе люди увѣряли, что «если русскіе не заключатъ во-время мира, то Наполеонъ раздѣлитъ ихъ Европейскія владѣнія на двѣ части, на герцогства Смоленское и Петербургское; а императоръ Александръ—если Наполеонъ сочтетъ возможнымъ оставить его на тронѣ—будетъ властвовать только въ Азіи».

Графъ Нарбонъ, посланный Наполеономъ въ Вильну, долженъ былъ сознаться, что императоръ Александръ держалъ себя съ полнымъ достоинствомъ:

безъ боязни и безъ заносчивости. Отвѣтъ, который онъ привезъ своему повелителю въ Дрезденъ, указывалъ на то, что русскій императоръ рѣшительно отказывался предложить что-либо кромѣ того, что было сообщено его посломъ еще въ Парижѣ, ничего не сбавлялъ, ничего не прибавлялъ. Очевидецъ рассказываетъ о впечатлѣніи, которое произвела въ Дрезденѣ, ожидавшемъ окончательнаго рѣшенія вопроса о мирѣ или войнѣ, запыленная курьерская повозка графа Нарбона, привезшаго извѣстіе, что «императоръ Александръ твердъ въ своихъ намѣреніяхъ». Александръ будто бы сказалъ: «хотя мнѣ этого не говорятъ, но я самъ очень хорошо знаю и не стыжусь высказать, что я не полководецъ и не имѣю генераловъ, которыхъ могъ бы противопоставить Наполеону—увѣренность моя въ этомъ должна была бы, кажется, служить лучшимъ доказательствомъ моего искренняго желанія сохранить миръ».

Послѣ Александръ былъ сильно возмущенъ безцеремонностью противника, перешедшаго границу безъ объявленія войны—войны, которая хотя и ожидалась у насъ, но многими, между прочимъ канцлеромъ Румянцевымъ и нѣкоторыми другими высокопоставленными лицами, считалась до послѣдней минуты невѣроятною—они искренно вѣрили, что все кончится угрозою и смягченіемъ предложенныхъ съ обѣихъ сторонъ условій.

Девять лѣтъ спустя, когда Наполеонъ былъ уже

на островъ Св. Елены, императоръ Александръ поручилъ спросить у него, почему онъ отказался отъ условій, привезенныхъ ему въ Дрезденъ, изъ Вильны, Нарбономъ. «Потому, отвѣчалъ Наполеонъ, что, по смыслу предложеній, нуженъ былъ мѣсяцъ, чтобы договориться до чего-нибудь, а изъ-за такого промедленія можно было потерять всю кампанію, всѣ громадныя приготовленія и заключенные союзы, которые, пожалуй, не возобновились бы послѣ».

Наполеонъ громко объявилъ, что «рокъ увлекаетъ Россію къ гибели», и взялъ на себя роль исполнителя приговора судьбы, по которому русскіе, какъ враги европейской цивилизаціи, должны были быть отброшенными въ азіатскія степи.

* * *

Обозъ Наполеона состоялъ изъ 70 повозокъ, запряженныхъ восемью лошадьми каждая, 20 каретъ и колясокъ, 40 выючныхъ муловъ и 200 верховыхъ лошадей. Во время переѣздовъ въ каретѣ императоръ не оставался безъ дѣла, даже и въ сумеркахъ. Свѣтъ, помѣщенный въ глубинѣ экипажа, позволялъ ему работать по ночамъ такъ же удобно, какъ если бы онъ не выходилъ изъ своего кабинета. У подножекъ всегда держались адъютанты и ординарцы и множество верховыхъ лошадей слѣдовали сзади, съ конвоемъ.

Въ такой каретѣ Наполеонъ подѣхалъ къ Нѣману 11/22 іюня и въ 2 часа ночи сѣлъ верхомъ. Рассказываютъ, что когда онъ выѣхалъ на берегъ рѣки—ло-

шадь оступилась и сбросила его и что кто-то громко сказалъ: «это худое предзнаменованіе; римлянинъ не пошелъ бы дальше» — такъ и не узнали, самъ онъ, или кто-нибудь изъ его свиты произнесъ эти слова.

Сдѣлавши рекогносцировку, онъ отдалъ приказаніе навести къ вечеру три моста черезъ рѣку и, послѣ множества распоряженій по переправѣ, провелъ остальную часть дня то въ своей палаткѣ, то въ ближнемъ домѣ польскаго помѣщика, не находя покоя отъ ажитаціи и страшной жары.

При переправѣ на другой день онъ сначала стоялъ около моста, ободряя присутствіемъ и взглядомъ солдатъ, привѣтствовавшихъ его обычными восклицаніями; однако, нетерпѣніе скоро пересилило: перейдя мостъ, онъ поскакалъ лѣсомъ, разстилавшимся по берегу рѣки, понесся во весь взмахъ своей арабской лошади, какъ будто ловя невидимаго непріятеля...

«Какъ назвать, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ. поступокъ государя, который пробирается на свои аванпосты шутовски переодѣтый и приказываетъ принести себѣ въ каскѣ воды изъ Нѣмана, пробуетъ ее съ видомъ заклинателя, ожидающаго внушенія духа.... Слѣдовало бы оставить эти смѣшные приемы на берегахъ Нила, межъ суевѣрными народами, для которыхъ они выдуманы, и не переносить ихъ въ Европу».

Наполеонъ съ гвардіею, корпусами Даву, Удино и Нея, кавалерійскими корпусами Нансути, Монтбрюна и Груши — въ общемъ 250,000 человѣкъ, приготовлялся раздавить первую русскую армію

быстрымъ нападеніемъ на центръ, прежде чѣмъ вторая армія присоединится къ ней. Король Вестфальскій съ корпусами Жюно, Понятовскаго, Ренъе и кавалеріею Латуръ-Мобура составляли силу въ 80,000, долженствовавшую продѣлать то же со второю арміею. Вице-король Итальянскій съ арміею, такъ же приблизительно въ 80,000 человѣкъ, составленною изъ корпусовъ его и С. Сира, должны были броситься между обѣими русскими арміями, чтобы перерѣзать всякое сообщеніе. Налѣво маршалъ Макдональдъ, съ корпусомъ своимъ, приблизительно въ 30,000, долженъ былъ войти въ Курляндію, угрожать правому флангу русскихъ и Петербургу. Направо Шварценбергъ съ австрійцами, числомъ также въ 30,000, долженъ былъ сдерживать Тормасова.

Планъ былъ недурный, и движенія французовъ подъ Вильною были такъ быстры и рѣшительны, что корпусъ генерала Дохтурова и отрядъ Дорохова едва не были отрѣзаны. Потомъ, однако, многія ошибки: медленность Вестфальскаго короля, вскорѣ бросившаго свое командованіе и уѣхавшаго изъ арміи, и нерѣшительность самого императора, испортили этотъ планъ. Наполеонъ, повидимому, потерялъ изъ вида, что за главную операціонную линію надобно было взять прямую дорогу изъ Вильны въ Смоленскъ. Напирая всею массой по этой линіи, ему удалось бы обойти лѣвый флангъ Барклая и правый Багратиона, а затѣмъ со всѣми силами ударить на того или другого, а пожалуй и на обоихъ вмѣстѣ. Для того

именно, чтобы вѣрнѣе застать русскихъ врасплохъ, Наполеонъ и перешелъ границу безъ объявленія войны, явившись въ Вильну на другой день по выѣздѣ оттуда императора Александра, но онъ дурно воспользовался выгодою, доставленною этимъ шагомъ.

Графиня Шуазель-Гуфье, вспоминая о пребываніи въ Вильнѣ Наполеона, говоритъ, напр., о его выходѣ въ церковь: «приставъ, выкрикнулъ: «императоръ!» и я увидѣла небольшого человѣка, толстаго, короткаго, въ зеленомъ мундирѣ, открытомъ на бѣломъ жилетѣ, окруженнаго маршалами — пролетѣвшаго какъ пуля и занявшаго мѣсто за молитвеннымъ стуломъ. Послѣ обѣдни онъ вышелъ съ тою же стремительностью». О приѣздѣ Наполеона на балъ она говоритъ: «по первому знаку герцоги и маршалы бросились навстрѣчу сломя голову, правду сказать, съ пресмѣшными фзіономіями. Насъ съ лѣстницы стащили чуть не на четверенькахъ. Наполеонъ подѣхалъ въ каретѣ, за которою скакалъ главный конюшенный, г-нъ Коленкуръ. Ему подставили подножку, какъ будто бы земля была недостойна того, чтобы на нее ступила нога его величества. Онъ поднялся на лѣстницу при крикахъ: «да здравствуетъ императоръ!».... Войдя въ залу, онъ скомандовалъ: «дамы, садитесь!»...

Дальность разстоянія между главными квартирами обоихъ противниковъ дала поводъ Наполеону выразить мнѣніе, что, «очевидно, боятся, какъ бы они съ Александромъ не увидѣлись и не сговори-

лись»... Однако, когда представился случай договориться—Наполеонъ упустилъ его: русскій генераль Балашевъ явился парламентаромъ на французскіе аванпосты и, представленный Наполеону въ Вильнѣ, заявилъ отъ имени императора Александра, что «если будетъ война, то она будетъ долгая, тяжелая и, передъ тѣмъ какъ начинается ее, русскій государь торжественно заявляетъ, что не онъ зачинщикъ.... Хотя русскій посланникъ и уѣхалъ изъ Парижа, но объявленія войны не было, договориться можно, время не ушло еще и теперь!»...

Французы, обративъ вниманіе на выборъ парламентаря—министра полиціи—заподозрили его въ намѣреніи только высмотрѣть положеніе и выиграть время, а всю миссію приняли за признакъ слабости, смущенія русскаго правительства и.... отклонили ее.

И то сказать, Наполеону, не слушавшему и не принимавшему никакихъ объясненій въ Парижѣ, трудно было рѣшиться перейти къ мирному тону тутъ. Что подумала бы Европа? Какъ? чѣмъ можно было бы объяснить всѣ хлопоты, приготовленія, передвиженія, издержки? Пожалуй это значило бы признать себя наполовину побѣжденнымъ. Къ тому же, всѣ его рѣчи, передъ союзниками, настолько обязывали, что дѣлали отступленіе почти невозможнымъ. Но дѣло зашло еще дальше: увлекшись, разившись, по обыкновенію, выговорами и укорами, Наполеонъ наговорилъ русскому генералу грубостей, по адресу императора Александра: «за-

чѣмъ онъ прїѣзжалъ въ Вильну? чего онъ добивается? не хочетъ ли онъ опять попробовать сопротивляться? онъ, парадный полководецъ? Самъ Наполеонъ совѣтуется всегда только со своею головою, а Александру кто будетъ совѣтчикомъ, кто у него есть? Кутузова онъ, какъ русскаго, не любитъ; Бенигсенъ шесть лѣтъ тому назадъ былъ уже слишкомъ старъ, а теперь впалъ въ дѣтство; Барклай, пожалуй, храбрый и будетъ дѣйствовать—но вѣдь онъ умѣетъ только отступать. Къ этому онъ ехидно прибавилъ: «Вы всѣ воображаете, что умѣете воевать, потому что прочитали Жомини; но, если бы по его книгѣ можно было выучиться искусству войны—я не позволилъ бы напечатать ее!»

Не понятно, какъ послѣ такихъ дерзостей, посланныхъ своему «брату и другу», Наполеонъ рѣшился впоследствии увѣрять его въ чувствахъ своей неизмѣнной преданности; съ другой стороны, понятно, что, получивши такія реприманды, «братъ и другъ» ни слова не отвѣтилъ на всѣ послѣдующія любезности и заигрыванія императора французовъ.

Наполеона стали тревожить прокламаціи и манифесты Петербургскаго кабинета—онъ наивно удивлялся выраженіямъ гнѣва и ненависти, лично противъ него направленнымъ: что сдѣлалось съ императоромъ Александромъ, такимъ благодушнымъ прежде? Говорятъ, что Наполеонъ старался скрыть эти энергическія прокламаціи отъ своей арміи и приказалъ представлять ей русскія войска обезкураженны-

ми готовыми разбѣжаться, а русскаго императора— прямо бѣжавшимъ отъ своихъ войскъ въ Петербургъ, чтобы молить о помощи и успокоить гнѣвъ сената, требовавшаго отчетовъ въ положеніи дѣлъ—генералы русскіе будто бы потеряли головы, а народъ въ отчаяніи готовъ припасть къ ногамъ Наполеона....

* * *

Французская армія двигалась массой, готовая построиться въ боевой порядокъ. — Императоръ шелъ посредиѣ.

Скоро въ огромной арміи сталъ сказываться безпорядокъ: броды черезъ ручьи и рѣчки были сбиты, перепорчены, полки проходили гдѣ и какъ имъ вздумалось, никто объ этомъ не заботился, такъ какъ генеральный штабъ пренебрегалъ такими мелочами. Никто не указывалъ опасныхъ мѣстъ, или лучшую дорогу, если ихъ было нѣсколько; всякій отдѣльный корпусъ дѣйствовалъ на свой страхъ.

Впослѣдствіи много говорилось объ ужасахъ отступленія и очень мало объ этомъ долгомъ и трудномъ наступательномъ движеніи, которое предшествовало главнымъ бѣдамъ и въ значительной мѣрѣ подготовило ихъ. Придавленная чуть не тропическою жарой, часто поставленная въ необходимость пить вонючую стоячую воду и питаться сухарями, и то въ незначительномъ количествѣ, армія, отъ голода и болѣзней, теряла массу народа. Это громадное скопленіе людей въ однихъ мѣстахъ вызывало чистое бѣдствіе на дорогахъ:

вездѣ, заблудившіеся, отставшіе отъ частей солдаты подолгу бродили, отыскивая свои полки; ординарцы, со сѣшными приказаніями, не были въ состояніи передавать ихъ—на мостахъ и въ узкихъ проходахъ поднимались невыразимые шумъ и гамъ. Солдаты, давно уже не получавшіе пайка, продовольствовались только благодаря грабежу—отсюда величайшій беспорядокъ и паденіе дисциплины, обыкновенно служащіе признакомъ приближающагося разложенія арміи.

Всѣ эти беспорядки тѣмъ рѣзче бросались въ глаза, что Барклай-де-Толли отходилъ со своихъ позицій въ полномъ порядкѣ: ни брошенныхъ повозокъ, ни мертвыхъ лошадей, хоть бы одинъ отсталый солдатъ или перебѣжчикъ.

Французскія массы, конечно, двигались не только большою дорогою, но и по проселкамъ, часто по едва замѣтнымъ тропинкамъ, истребляя все попадавшееся на пути, кормя лошадей хлѣбомъ на корню; останавливались на бивуаки посреди полей, которыя безъ церемоніи топтали и истребляли, чтобы устроить себѣ хоть какое-нибудь прикрытіе отъ жаровъ и дождей. Солдаты, по словамъ очевидцевъ французовъ, расходились по окрестностямъ, разыскивая пищу, били жителей и выгоняли ихъ изъ домовъ, которые сверху до низу грабили; они уводили также всѣхъ домашнихъ животныхъ и предавались излишествамъ, вовсе не вязавшимся съ дисциплинаторскою миссіей похода.

«Армія подошла къ Витебску, говорятъ одинъ изъ участниковъ похода de la-Flüse; тутъ на открытомъ воздухѣ расположилось линіями нѣсколько кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ, съ многочисленною артиллеріей—четыре большія колонны гвардейской пѣхоты образовали карре, въ серединѣ котораго были раскинуты три палатки—одна императорская, другія двѣ для свиты. Около нихъ караулъ въ 20 человекъ гренадеръ, съ офицеромъ и барабанщикомъ. Развели костры и полки послали за провизіей, раздававшееся на сосѣднемъ полѣ, куда свезены были мясо и хлѣбъ. Около палатки императора происходило большое движеніе: генералы и адъютанты то подѣзжали, то во весь опоръ разѣзжались—знали, что непріятель недалеко, и ждали рѣшительнаго дѣла».

«Императоръ нѣсколько разъ выходилъ изъ палатки со зрительною трубой и, опираясь на плечо офицера или солдата, разсматривалъ Витебскъ съ окрестными холмами. За городомъ виднѣлась большая равнина, на которой маневрировали русскія кавалерійскія и пѣхотныя войска».

«Наполеонъ сказалъ, глядя на нихъ: «завтра они будутъ наши!» и приказалъ готовиться къ битвѣ. Передъ каждымъ полкомъ прочтено было воззваніе: «Солдаты! Насталъ, наконецъ, желанный день. Завтра дадимъ сраженіе, котораго мы давно дожидались. Надобно покончить походъ однимъ громовымъ ударомъ! Вспомните, солдаты, ваши по-

бѣды при Аустерлицѣ и Фридландѣ—завтра непріятель узнаетъ, что мы не выродились!» Армія съ восторгомъ выслушала приказъ, будучи увѣрена въ побѣдѣ—всѣ надѣялись, что этимъ дѣломъ кончится война, начавшая уже утомлять. Роздана была водка и послѣ ужина и разныхъ приготовленій къ завтрашнему дню легли спать. Конечно, многіе думали, что проводятъ послѣднюю ночь».

«На утро, встали до разсвѣта и одѣлись въ парадную форму, какъ на праздникъ. Лишь только занялась заря, какъ всѣ глаза обратились туда, гдѣ наканунѣ маневрировала непріятельская армія, но равнина была пустая—когда солнце взошло, убѣдились, что русская армія исчезла».....

«Забилъ барабанъ императорскаго караула,—продолжаетъ тотъ же очевидецъ—это значило, что гренадеры, бывшіе на часахъ, смѣнялись. Я съ товарищами поспѣшили узнать отъ смѣнявшагося офицера не слыхалъ ли онъ чего новенькаго, такъ какъ, находясь близко отъ палатки императора, онъ могъ кое-что слышать. Онъ намъ разсказалъ, «что Наполеонъ просто пришелъ въ ярость, когда узналъ объ отступленіи непріятельской арміи. Когда вошелъ въ палатку князь Понятовскій, имѣвшій порученіе перейти съ кавалеріей Двину и, обойдя русскихъ съ тыла, не допустить уйти, то караульный офицеръ могъ разслышать, что произошло: князь пришелъ доложить, что не было никакой возможности пробраться за Двину, такъ какъ

онъ не нашелъ брода, а вода прибыла послѣ бывшей грозы, да кромѣ того не было фуража для лошадей. Здѣсь между императоромъ и Понятовскимъ вышелъ крупный разговоръ, въ продолженіе котораго первый сильно упрекалъ князя за неисполненіе его приказаній, но Понятовскій тоже не молчалъ».

— «Вы извиняетесь недостаткомъ фуража, князь, сказалъ Наполеонъ, а я вамъ скажу, что въ Египтѣ я не разъ дѣлалъ походы безъ фуража»....

— «Не знаю, ваше величество, смѣло отвѣчалъ Понятовскій, чѣмъ вы кормили тамъ своихъ лошадей, знаю только, что мои лошади не могутъ обойтись безъ сѣна, особенно когда нѣтъ нисколько подножнаго корма, который еще иногда спасаетъ кавалерію. Безъ всякаго фуража я рисковалъ очутиться въ томъ же положеніи, въ какомъ оказались вы подъ Сень-женъ-Дакромъ, гдѣ, за недостаткомъ лошадей, не могли подвезти артиллерію и принуждены были снять осаду крѣпости».

«Тогда оба, въ одно время, возвысили голосъ: въ ихъ споръ вмѣшались голоса нѣкоторыхъ бывшихъ тутъ генераловъ и шумъ поднялся такой, что я ничего не могъ ужъ слышать, говорилъ офицеръ. Они все еще продолжаютъ спорить, прибавилъ онъ; если хотите, подойдите къ палаткамъ, вѣроятно услышите еще что-нибудь».

«Подойдя съ товарищемъ, будто прогуливаясь, поближе къ палаткамъ, мы въ самомъ дѣлѣ разни-

чили голоса Наполеона и Понятовскаго, но только и могли слышать, что слова послѣдняго: «нѣтъ, ваше величество, въ этомъ краѣ, который мнѣ извѣстенъ лучше чѣмъ вамъ, это невозможно, рѣшительно невозможно». — Оба часовые стали подъ ружье—значить императоръ собирался выйти и мы поскорѣе ушли.....»

«На парадѣ императоръ обратился къ группѣ начальства съ такими словами: «Господа, служба у васъ идетъ плохо, у васъ слишкомъ много отсталыхъ! Офицеры по произволу останавливаются въ походѣ и проводятъ время у помѣщиковъ; бивуаки ихъ утомляютъ, но истинная храбрость не должна страшиться дурной погоды—грязь не запачкаетъ чести! Солдаты нарушаютъ дисциплину; подъ предлогомъ исканія продовольствія, не возвращаются къ своимъ корпусамъ и бродятъ въ безпорядкѣ. Въ окрестностяхъ слышатся жалобы на ихъ насилія. Надобно прекратить этотъ безпорядокъ, господа, и наказывать строго тѣхъ, которые осмѣлятся уходить не спросясь. Въ случаѣ встрѣчи съ непріателемъ полки наши не досчитались бы своихъ людей; наличный составъ войска такой, какимъ онъ могъ бы оказаться только послѣ сраженія, тогда какъ мы не видали еще непріателя. Если корпуса маршаловъ Удино и Макдональда одержали побѣду, то потому, что ихъ полки были въ полномъ составѣ, когда они пришли на берега Двины и Дриссы»....

Потомъ императоръ потребовалъ барона Ларрея, но такъ какъ тотъ былъ въ отсутствіи, то на его мѣсто явился докторъ Паулетъ, начальникъ походнаго госпиталя. Наполеонъ спросилъ его: «на сколькихъ раненыхъ заготовлено у насъ перевязки?» — На десять тысячъ, отвѣчалъ докторъ. «Скажите мнѣ, продолжалъ Наполеонъ, сколько, примѣрно, необходимо дней для излѣченія раненаго?»

— Тридцать дней, отвѣчалъ докторъ.

«Въ такомъ случаѣ, возразилъ онъ, вы не въ состояніи подать помощь 400 человѣкамъ! Намъ понадобится гораздо болѣе!»

«Глухой ропотъ прошелъ въ толпѣ и кто-то замѣтилъ: сколько же, по его мнѣнію, должно быть убитыхъ?»

«Наполеонъ, повидимому, разслышалъ эти слова, но не обратилъ на нихъ вниманія и, продолжая разговоръ съ докторомъ, спросилъ: «гдѣ находятся госпитальные припасы и аптека?» — Они остались въ Вильнѣ за недостаткомъ средствъ къ перевозкѣ».

«Слѣдовательно, вскричалъ Наполеонъ, армія лишена медикаментовъ и, если бы мнѣ понадобилось принять лѣкарство, я не могъ бы получить его?»

«Въ распоряженіи вашего величества собственная аптека, возразилъ докторъ. Эти слова разсердили императора. «Я первый солдатъ въ арміи, сказалъ онъ, возвысивъ голосъ, и имѣю право на лѣченіе при войскахъ, въ случаѣ нездоровья». Потомъ

онъ спросилъ: «гдѣ находится главный аптекаръ?» Ему отвѣчали: въ Вильнѣ».

«Какъ, вскричалъ Наполеонъ, одинъ изъ начальниковъ медицинской части не находится при арміи? Я приказываю отправить его обратно въ Парижъ, пусть онъ отпускаетъ тамъ лѣкарства дѣвкамъ улицы С—Опоре. Назначить на его мѣсто другого и чтобы вся госпитальная часть примкнула къ арміи».

Въ Витебскѣ армія не нашла въ населеніи виленскаго энтузіазма: жители встрѣчали французовъ не какъ освободителей, а только какъ побѣдителей..... Очевидно, Литва была не особенно довольна присоединеніемъ къ своему прежнему отечеству, Польшѣ—положеніе, занятое жителями, было не особенно дружественное.

Чтобы поразить воображеніе литовцевъ, Наполеонъ, на одной и той же аудіенціи, толковалъ о драматическихъ произведеніяхъ и религіяхъ, о войнѣ и искусствѣ; разъѣзжалъ верхомъ во всякое время дня и ночи и, приказавши построить тутъ мостъ, тамъ укрѣпленіе, возвращался домой; иногда накануне стычки появлялся на балу, или въ концертѣ — словомъ, видимо старался удивить своею разностороннею дѣятельностью.

Такъ какъ русскіе отступили изъ подъ Витебска и ихъ не настигли, то Наполеонъ возвратился въ этотъ городъ 28/16 іюля. Вступая въ свою главную квартиру, онъ, по разсказу Сегюра, снялъ шпагу и, бросивши ее на разбросанные по столу карты и планы, громко и

внятно сказалъ: «здѣсь я останавливаюсь! Осмотрюсь, соберу армію, дамъ ей отдохнуть и устрою Польшу—кампанія 1812 года кончена!» Тотчасъ было проектировано устройство всевозможныхъ заведеній, приказано собрать для арміи запасъ хлѣба на 36 дней. При этомъ Наполеонъ не забывалъ и о развлеченіяхъ: парижскіе актеры будутъ переведены въ Витебскъ на зиму и такъ какъ городъ пустъ, то зрителей и зрительницъ добудутъ изъ Варшавы и Вильны.

«Мюратъ, сказалъ императоръ французовъ, обращаясь къ Неаполитанскому королю, первая русская кампанія кончена; водрузимъ здѣсь наши знамена. Двѣ большія рѣки очертятъ нашу позицію, устроимъ по этой линіи блокгаузы, скрестимъ линіи огня, составимъ карре, съ орудіями по угламъ и впереди. Внутри построимъ бараки и магазины. 1813 годъ увидитъ насъ въ Москвѣ, 1814—въ Петербургѣ. Война съ Россіею—трехлѣтная война!»

Въ тотъ самый день, какъ это было сказано, онъ обратился къ одному изъ главныхъ чиновниковъ арміи со словами: «что касается васъ, милостивый государь, позаботьтесь о томъ, чтобы прокормить насъ здѣсь, потому что мы не повторимъ ошибки Карла XII».

Въ это время Наполеонъ получилъ извѣстіе о заключеніи мира между Россіею и Портою. «Турки дорого заплатятъ за свою ошибку; она такъ велика, что я и предвидѣть ее не могъ», сказалъ онъ.

Понимая, что теперь дѣлалось возможнымъ и вѣроятнымъ движеніе Русской Молдавской арміи ему въ тылъ, онъ сталъ подумывать о томъ, что, пожалуй, не худо было бы поскорѣе разбить обѣ русскія арміи, передъ нимъ находившіяся—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Это и другія обстоятельства стали измѣнять его образъ мыслей и прежнія разсужденія, о необходимости остановиться, не только потеряли свою силу, но и начали смѣняться другими прямо противоположнаго характера—Наполеономъ овладѣло безпокойство, нерѣшительность: оставаться зимовать въ Витибскѣ или немедленно идти впередъ?

За разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній онъ обращался часто на своихъ прогулкахъ, ко встрѣчнымъ изъ близкихъ ему, съ отрывочными фразами: «Ну что! что мы станемъ дѣлать? А? Останемся здѣсь, или пойдѣмъ дальше? Неужели останавливаться на полдорогѣ?»—и, не дождавшись отвѣта, шелъ дальше, какъ будто ища чего-нибудь или кого-нибудь, кто рѣшилъ бы его вопросъ.... Подавленный этими тяжелыми мыслями, не смѣя рѣшиться, онъ бросался въ одномъ бѣльѣ на кровать свою, изнуренный жарою и безпокойствомъ

Такъ проводилъ онъ въ Витебскѣ большую часть времени, въ продолженіе котораго накапливалось все болѣе и болѣе предлоговъ въ пользу немедленнаго движенія къ Москвѣ. «Остаться», сталъ онъ разсуждать, «значить просто рѣшиться медленно

умирать со скуки въ Витебскѣ, въ продолженіе цѣ-
лыхъ семи зимнихъ мѣсяцевъ! Онъ, который до
сихъ поръ всегда нападалъ, будетъ поставленъ въ
необходимость защищаться! Стыдъ и срамъ.... Ев-
ропа скажетъ: онъ остановился потому, что не
посмѣлъ идти дальше!...»

«Неужели онъ дастъ Россіи время поголовно
вооружиться? И до которыхъ поръ протянется эта
неизвѣстность, не подрывая вѣры въ его непогрѣ-
шимость, уже ослабленную сопротивленіемъ Испа-
ніи? Что подумаютъ, когда узнаютъ, что цѣлая
треть его арміи растеряна уже больными, отста-
вшими, пропавшими безъ вѣсти? Надобно скорѣе
ослѣпить всѣхъ блескомъ большой побѣды—лавры
прикроютъ всѣ жертвы».

И вотъ Наполеонъ начинаетъ находить, что
пребываніе въ Витебскѣ сулитъ только непріятно-
сти, потери, разныя неудобства и безпокойства
оборонительнаго положенія, а Москва, напротивъ,
обѣщаетъ все лучшее: довольство, контрибуцію
славу—и миръ!

Но чѣмъ рѣшительнѣе хочетъ дѣйствовать импе-
раторъ, тѣмъ сильнѣе сказывается охлажденіе и
недовольство вокругъ него. За двѣ недѣли отдыха
поразсудили немножко о томъ, что забрались далеко
и что война принимаетъ угрожающій характеръ—
порицали все, что могло служить къ ея продолже-
нію, и, напротивъ, отстаивали то, что способно
было положить ей конецъ.

Императоръ, во что бы то ни стало желавшій добиться одобренія его плановъ всѣми, даже не высказывающими обыкновенно своихъ убѣжденій, созвалъ на совѣтъ главныхъ начальниковъ арміи и—можетъ быть первый разъ еще—его помощники были призваны откровенно высказать свое мнѣніе.

«Чѣмъ больше непріятель проявляетъ энергіи», говорилъ онъ маршаламъ и ближнимъ генераламъ, «тѣмъ менѣе должны мы ослаблять преслѣдованіе. Неужелимы дадимъ время этимъ восточнымъ фанатикамъ поднять и выслать противъ насъ всѣ свои степи? Не располагаться же въ іюлѣ мѣсяцѣ на зимнія квартиры? Такую кампанію, какъ эта, развѣ мыслимо разделить на нѣсколько частей, говорилъ онъ (забывая, что еще недавно поддерживалъ противоположный взглядъ); будьте увѣрены, что я не мало думалъ объ этомъ! Войска наши охотно идутъ впередъ, наступательная война всегда имъ по душѣ; но стоять долго на мѣстѣ не въ характерѣ француза. Остановиться подъ прикрытіемъ замерзающихъ рѣкъ, сидѣть въ землянкахъ, терпѣть въ продолженіе восьми мѣсяцевъ лишенія и скуку, ежедневно маневрировать и оставаться на томъ же мѣстѣ—развѣ мы такъ привыкли воевать?»

«Зима страшна не одними морозами, она сулитъ намъ безконечныя дипломатическія интриги, въ нашемъ тылу. Не опасно ли дать всѣмъ этимъ союзникамъ — которыхъ удалось склонить на свою сторону, но которымъ вѣроятно не по себѣ въ

нашихъ рядахъ — время размыслить объ неестественности ихъ положенія?»

«Зачѣмъ бездѣйствовать восемь мѣсяцевъ, когда въ двадцать сутокъ мы можемъ достигнуть цѣли. Опередимъ зиму! Мы рискуемъ испортить все дѣло, если не панесемъ быстрого рѣшительнаго удара: коли не будемъ въ Москвѣ черезъ двадцать дней, такъ, пожалуй, никогда туда не попадемъ!... Мпрѣ въ Москвѣ дополнить, покончить мои завоеванія!»

Однако время года было уже позднее и мнѣніе маршаловъ было то, что дальше двигаться невозможно. Бертье, князь Невшательскій, позволилъ себѣ представить мотивированное заключеніе въ этомъ смыслѣ императору, но тотъ принялъ его очень худо: «подите вы прочь, сказалъ онъ ему, вы мнѣ не нужны, вы просто..... Поѣзжайте домой, я никого не держу силой.

Бертье все-таки, однако, старался отговорить Наполеона отъ принятаго рѣшенія, если не доводами, то хоть своимъ печальнымъ видомъ, чуть не слезами; Лобау и Коленкуръ — болѣе открытымъ сопротивленіемъ, которое у перваго сказалось грубовато, у второго настойчиво — императоръ съ сердцемъ отклонилъ всѣ ихъ мнѣнія и совѣты и, мѣтя особенно въ Коленкура и Бертье, замѣтилъ, что «онъ слишкомъ обогатилъ своихъ генераловъ, которые думаютъ теперь только объ охотѣ, да о томъ, чтобы разѣзжать по Парижу въ богатыхъ экипажахъ — не хотятъ больше и слышать о войнѣ»....

Дюроку, который тоже говорилъ противъ, императоръ отвѣтилъ: «онъ очень хорошо видитъ, что русскіе желаютъ его заманить подальше, но до Смоленска во всякомъ случаѣ нужно дойти; онъ тамъ устроится и весною 1813 года, если Россія не заключить мира, прикончитъ ее! Смоленскъ—ключъ двухъ дорогъ: па Петербургъ и на Москву, и его нужно захватить, потому что тогда можно будетъ выступить сразу противъ обѣихъ столицъ, разрушить одну и прибереечь другую». Коленкуръ замѣтилъ ему, что ни въ Смоленскѣ, ни въ самой Москвѣ, миръ не будетъ ближе чѣмъ въ Витебскѣ и что уходить такъ далеко, рассчитывая на вѣрность пруссаковъ, крайне рискованно... Когда императоръ спросилъ графа Дарю о томъ, какого онъ мнѣнія объ этой войнѣ—тотъ отвѣтилъ: «что она не популярна, что ни ввозъ какихъ-то англійскихъ товаровъ, ни самое возстановленіе Польши не оправдываютъ такой отдаленной кампаніи—войска Ваши и сами мы не понимаемъ необходимости и цѣли ея и все указываетъ на то, что нужно остановиться здѣсь».

«Да что же, наконецъ», воскликнулъ императоръ, «развѣ думаютъ, что я сумасшедшій! Полагаютъ развѣ, что мнѣ самому по вкусу такая война? Я всегда говорилъ, что испанская и русская войны составляютъ двѣ язвы, подтачивающія организмъ Франціи, которая она не можетъ выносить въ одно время. Я желаю мира, но вѣдь для переговоровъ нужно,

чтобы были двѣ стороны, а покаместъ я одинъ— вѣдь отъ Александра не было еще и двухъ словъ. Чего ждать въ Витебскѣ? Правда, рѣки очертили ихъ позицію, но вѣдь зимою въ этихъ странахъ нѣтъ рѣкъ, такъ что это только воображаемая линія. Тутъ во всемъ будетъ у насъ недостатокъ, все надобно будетъ покупать, въ Москвѣ же все получимъ даромъ. Онъ можетъ, правда, воротиться въ Вильну, но, если продовольствоваться тамъ будетъ удобнѣе, такъ защищаться не легче и для полной безопасности нужно отступить до Нѣмана, т. е. потерять Литву. Напротивъ, выступивши къ Смоленску, онъ или одержитъ рѣшительную побѣду, или займетъ крѣпкую позицію на Днѣпрѣ».

«Вѣдь если всегда ожидать степенія всѣхъ благоприятныхъ обстоятельствъ, то никогда ничего нельзя предпринимать; чтобы кончить что-нибудь, нужно сначала начать—нѣтъ такого предпріятія, въ которомъ все счастливо соединялось бы, и во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ случай играетъ не мало-важную роль; слѣдованіе правилу не обезпечиваетъ еще успѣха, а успѣхъ, напротивъ, создаетъ правило, и если его кампанія удастся, то изъ этихъ новыхъ успѣховъ навѣрное создастся новое руководство для будущаго».

«Крови еще не пролито и Россія слишкомъ велика, чтобы уступить безъ боя. Александръ не можетъ помириться, если бы и хотѣлъ, иначе, какъ послѣ большого пораженія. Я выиграю эту первую

битву во что бы то ни стало и, если понадобится, пойду за нею до самаго ихъ священнаго города.... Я увѣренъ, что миръ ждетъ меня у воротъ Москвы.... Предположимъ, однако, что Александръ и послѣ того станетъ упрямитъ—что жъ, я войду тогда въ сношенія съ жителями столицы, съ боярами, они поймутъ свои выгоды, оцѣнятъ свободу».... Онъ прибавилъ, «что Москва ненавидитъ Петербургъ и онъ сумѣетъ воспользоваться этимъ соперничествомъ—результаты этой зависти между столицами могутъ быть неисчислимы....» Такъ, по словамъ Сегюра и др., разсуждалъ Наполеонъ, все болѣе и болѣе склоняясь къ немедленному походу на Москву.

Наконецъ, неудача Себастьяни дала окончательный предлогъ для наступленія: русская кавалерія совершенно опрокинула французскую и смѣлость и дерзость атаки заставили императора искать возможности загладить неудачу рѣшительною побѣдой.

Однако, сомнѣнія и колебанія Наполеона отразились на движеніи французской арміи и хорошо задуманный планъ—врѣзавшись между двухъ русскихъ армій, разбить каждую отдѣльно — не былъ исполненъ.

Конечно, усилія русскихъ къ скорѣйшему соединенію не мало способствовали разстройству плановъ завоевателя. Въ Россіи отъ государя до послѣдняго солдата вѣрили, что, съ соединеніемъ армій, не только должно прекратиться отступленіе,

но останется только наступать на непріятеля, такъ далеко зарвавшася. Въ дѣйствительности было не совсѣмъ такъ и русскій главнокомандующій менѣе всего думалъ о переходѣ въ наступленіе противъ много превосходившихъ силъ противника.

Въ этомъ отношеніи очень интересно показаніе Дюма, генераль - интенданта французской арміи, рассказывающаго, что одинъ офицеръ провелъ три мѣсяца въ Мемелѣ, въ близкомъ знакомствѣ съ Барклаемъ-де-Толли, перевезеннымъ туда, послѣ тяжелой раны подъ Эйлау. Офицеръ рассказывалъ, что хорошо запомнилъ подробности плана «последовательныхъ отступленій, которыми русскій генераль надѣялся заманить страшную французскую армію въ самое сердце Россіи, даже, если возможно, за Москву; утомить ее, удалить отъ базы операцій, заставить истратить свои снаряды и всѣ запасы, щадя русскія войска—до тѣхъ поръ, пока, съ помощью холодовъ, можно будетъ начать наступательныя дѣйствія и принудить Наполеона пройти на берегахъ Волги черезъ вторую Полтаву—это было страшное пророчество»...

Самъ Наполеонъ понималъ, что его «заманиваютъ», какъ онъ выразился, но, какъ сказано, если не отъ Москвы, то отъ Смоленска, пока не могъ отказаться и двинулся на послѣдній городъ, продолжая одерживать «побѣды» своихъ бюллетеней. Одерживать эти побѣды было тѣмъ легче, что русскій планъ отступленія помогалъ правдоподобію

ихъ: французы все наступали, а русскіе все отходили—значить первые все одерживали побѣды надъ послѣдними. Даже извѣстное отступленіе Невѣровскаго названо въ XVII бюллетенѣ «стычкою, окончившеюся въ пользу французовъ». Между тѣмъ «стычка» эта состояла въ томъ, что дивизію Невѣровскаго, спѣшно отступавшую къ Смоленску, Мюратъ догналъ и окружилъ тридцатью полками кавалеріи, корпусовъ Нансути, Груши и легкой бригады. Въ виду опасности, русскій генералъ построился въ карре, сохраняя которое и продолжалъ отходить. Какъ ни налетала со всѣхъ сторонъ французская кавалерія на маленькій отрядъ, ей не удалось прорвать колонну, на которую было сдѣлано до сорока атакъ. Французы окружали русскихъ такъ тѣсно, что могли переговариваться съ ними, и Мюратъ не разъ предлагалъ Невѣровскому сдаться, но онъ отхватилъ только семь русскихъ орудій и получилъ отъ Наполеона справедливое замѣчаніе, что «слѣдовало представить не эти пушечки, а всю русскую дивизію».

Подъ Смоленскомъ Наполеонъ провелъ цѣлый вечеръ за личнымъ подробнымъ опросомъ плѣнныхъ и на радости, что догналъ таки, наконецъ, русскую армію, атаковалъ ее въ лобъ, вмѣсто того, чтобы обойти и ударить съ тыла. Можно было, демонстрируя передъ городомъ сильнымъ отрядомъ, направить главныя силы арміи направо за Днѣпръ, и атаковать лѣвый флангъ защищавшихъ городъ

русскихъ. Армія Наполеона была такъ велика, что онъ смѣло могъ раздѣлить такимъ образомъ свои силы. Думаютъ, что онъ и хотѣлъ отрѣзать князя Багратіона, но не нашелъ брода.

За страшныя потери, понесенныя подъ Смоленскомъ, французы не мало винятъ маршала Даву, будто бы сдѣлавшаго ошибку по близорукости; затѣмъ и Наполеона за то, что онъ не обошелъ русскихъ—осуждаютъ почти единогласно. «Штурмовать укрѣпленія Смоленска», говоритъ авторъ «писемъ о русской кампаніи 12 года», «въ то время, какъ достаточно бы артиллеріи и обхода города—было ошибкой. Дать раздавить польскую пѣхоту, тутъ, близъ самой родины ея—было ошибкой. Пойти дальше, въ необъятную и бѣдную страну, передъ началомъ зимы—было ошибкой»...

Послѣ Смоленскаго дѣла, Наполеона видѣли объѣзжающаго поле битвы и съ самымъ довольнымъ видомъ потирающаго руки: «пятеро русскихъ, говорилъ онъ, на одного француза»—но это было невѣрно, потому что французы потеряли не 8,000, какъ они оффиціально признавали, а около 20,000. Буржуа признаетъ на 6,000 убитыхъ до 10,000 раненыхъ, которыхъ по всегдашней пропорціи надобно считать даже болѣе; онъ предполагаетъ потери русскихъ не больше такой же цифры. Это и не удивительно, такъ какъ русскіе оборонялись подъ прикрытіями, тогда какъ непріятель штурмовалъ по совершенно открытой мѣстности и нѣсколько разъ былъ отбитъ.

Съ другой стороны, наши свидѣтельства признаютъ, что потеря Смоленска навела страхъ на многихъ русскихъ, до того довольно спокойно относившихся къ нашествію. Сцена разоренія и ужаса, которую представлялъ внутренній видъ города, была ужасна: многія улицы были совершенно выжжены и полны убитыхъ, обгорѣвшихъ и умирающихъ.

Когда Наполеонъ, поднявшись на старую башню Смоленской стѣны, окинулъ взглядомъ мѣстность, накануне еще занятую русскою арміею, то увидѣлъ, что Барклая-де-Толли не было — онъ опять ушелъ! Уничтожить русскую армію не удалось, а занятіе выжженного города не представляло того рѣшительнаго громового удара, который могъ бы, если не доставить миръ, то хоть оправдать передъ Европой приписанныя жертвы и остановку на зимнія квартиры нужно было идти далѣе!

Уже раньше французскій императоръ понялъ необходимость смягчить свой гордый «Дрезденскій» тонъ царя царей и, на всякій случай, забросить удочку мира въ безконечное море вражды, передъ нимъ разстилавшееся: въ письмѣ маршала Бертье къ Барклаю-де-Толли, посланномъ подъ благовиднымъ предлогомъ разныхъ сожалѣній, въ сущности бывшемъ только оболочкой намѣренія стороной завязать переговоры, сказано: «императоръ, господинъ баронъ, которому я сообщилъ это мое письмо къ вамъ, поручилъ мнѣ просить васъ засвидѣтельствовать его почтеніе императору Александру,

если онъ находится при арміи. Скажите ему, что ни превратности войны и никакія другія обстоятельства не могутъ измѣнить чувства уваженія и дружбы, которыя онъ питаетъ къ нему».

На это зондированіе не послѣдовало отвѣта. Тогда Наполеонъ пользуется первымъ кажущимся ему удобнымъ случаемъ и заговариваетъ о своихъ мирныхъ чувствахъ и намѣреніяхъ съ плѣннымъ генераломъ Тучковымъ, котораго проситъ написать о нихъ своему брату, тоже генералу русской арміи. «Не я началъ войну, говорилъ онъ! Зачѣмъ вы отступаете? Зачѣмъ отдали мнѣ Смоленскъ — ничего такъ не желаю, какъ заключить миръ»... Онъ проситъ Тучкова написать и о томъ, что главнокомандующій поступаетъ дурно, выводя за собою всѣ власти. Онъ дѣлаетъ Тучкову предложеніе составить родъ третейскаго суда для рѣшенія на чьей сторонѣ больше вѣроятности побѣды—если рѣшать, что на русской, то пусть назначатъ мѣсто для сраженія, а коли на французской—такъ зачѣмъ далѣе проливать кровь попустому, вступимъ въ переговоры и заключимъ миръ». (Черезъ Бертье онъ дѣлаетъ представленіе императору Александру «приказать губернаторамъ оставаться на своихъ мѣстахъ» и т. п.).

Конечно, и эти заигрыванія не могли имѣть никакихъ послѣдствій; единственнымъ оправданіемъ ихъ могло быть то ужасное состояніе духа, въ которомъ Наполеонъ находился. Онъ понималъ всю громадность своего предпріятія, увеличившагося

тѣмъ больше, чѣмъ дальше онъ шелъ. Онъ начиналъ имѣть дѣло съ народами—на этотъ разъ со второю Испаніей, еще худшею, во всякомъ случаѣ болѣе сильною, болѣе отдаленною, безконечно болѣе и мало производительною... Имя Карла XII стало часто являться на его устахъ, въ это время, какъ рассказываютъ.

Слышали, какъ Мюратъ сказалъ разъ Наполеону, что «если русскіе не хотятъ принимать битвы, такъ не стоитъ ихъ преслѣдовать, пора остановиться!» Императоръ живо отвѣтилъ ему, но что именно—не слышали; только потомъ со словъ короля узнали, что «онъ, будто бы, становился на колѣни передъ своимъ шуриномъ и умолялъ остановиться, но, къ сожалѣнію, Наполеонъ ничего не хотѣлъ знать кромѣ Москвы, въ которой для него было все: честь, слава и отдыхъ». «Всѣ замѣтили, говорить Сегюръ, что когда Мюратъ уходилъ отъ Наполеона, послѣ этого разговора, лицо его выражало глубокое горе и движенія были порывисты—онъ нѣсколько разъ произнесъ слова: охъ, эта Москва!»

Твердо рѣшившись идти впередъ, Наполеонъ снова вполне овладѣлъ собою, сдѣлался веселъ, спокоенъ, что съ нимъ обыкновенно бывало, когда онъ останавливался на какомъ-нибудь планѣ. Послѣ дѣла при Заболотьѣ—подъ Валутиной, какъ называли французы—онъ говоритъ: «мы слишкомъ далеко забрались, чтобы отступить; если бы я за-

ботился только о славѣ, я воротился бы въ Смоленскъ, водрузилъ тамъ свои знамена и началъ бы распоряжаться... Кампанія кончилась бы, но война нѣтъ. Миръ передъ нами,—мы въ восьми дняхъ разстоянія отъ него—можно ли разсуждать, будучи такъ близко отъ цѣли? Идемъ на Москву!»

Лучшимъ отвѣтомъ на это рѣшеніе были слова одного изъ манифестовъ императора Александра: «онъ грозитъ идти на Москву—пусть идетъ... если онъ будетъ и побѣдителемъ, то все-таки не избѣгнетъ участи Карла XII».

Про себя, впрочемъ, Наполеонъ далеко не былъ увѣренъ къ томъ, въ чемъ старался убѣдить другихъ. Такъ, маршалу Виктору онъ писалъ изъ Смоленска: «можетъ быть я не найду мира тамъ, гдѣ ищу его; тогда, опираясь на вашъ резервъ, буду въ состояніи отступить, безостановочно, но и безъ торопливости».

Если сопоставить всѣ разсужденія Наполеона, сначала при намѣреніи остаться въ Витебскѣ и Смоленскѣ, потомъ при рѣшеніи идти на Москву въ поискахъ мира, съ рѣшеніемъ русскихъ заманивать его возможно дальше—нельзя не подивиться легкости, съ которой онъ далъ ввести себя въ заблужденіе.

* * *

Выше было приведено мнѣніе русскаго главнокомандующаго о наилучшемъ способѣ войны съ Наполеономъ. Но не одинъ Барклай понялъ не-

достатки Наполеонова генія. Бывшій военный агентъ въ Парижѣ, Чернышевъ, при самомъ началѣ надвигавшейся грозы, съ замѣчательною проницательностью опредѣлилъ и назначилъ какъ будущій образъ дѣйствій императора французовъ, такъ и наилучшій способъ отраженія задуманныхъ имъ ударовъ.

«Приготовленія къ войнѣ кончены, писалъ опъ въ Петербургъ, военному министру, въ 1811 году. Императоръ Наполеонъ все болѣе и болѣе раздражается противъ насъ, и если война не откроется этою осенью, то потому только, что поздно, и Наполеонъ, помня Пултусскую кампанію, можетъ опасаться грязи въ Польшѣ, что, конечно, препятствовало бы ему достигнуть цѣли, которая не можетъ быть другою, какъ покончить эту кампанію однимъ громовымъ ударомъ, какъ всѣ предшествовавшія!»...

«Убѣдившись въ томъ, что война рѣшена и неизбежна, должно приготовить всѣ средства, необходимыя для того, чтобы не только противостоятъ первому напору, но и продолжать войну насколько это будетъ возможно. Опытъ показалъ, что это единственный способъ, который даетъ возможность почти навѣрно побѣдоносно дѣйствовать противъ Наполеона, и что онъ затруднялся и дѣлалъ ложныя движенія всякій разъ, когда встрѣчалъ продолжительное сопротивленіе... Это единственный образъ дѣйствій, которому должно слѣдовать наше

правительство въ такихъ затруднительныхъ и важныхъ обстоятельствахъ. Одинъ онъ дастъ намъ возможность восторжествовать надъ угнетателемъ міра»...

«Настоящій способъ вести эту войну, по моему мнѣнію, долженъ заключаться въ томъ, чтобы избѣгать всякаго генеральнаго сраженія и сообразоваться сколько возможно съ малою войной, принятою въ Испаніи противъ французовъ, чтобы ихъ тревожить, и стараться уничтожить недостаткомъ продовольствія такія огромныя массы, которыя они поведутъ противъ насъ».

Интересны также совѣты маршала Бернадота, тогда уже правителя Швеціи: «въ томъ положеніи, въ которомъ находится Россія въ отношеніи къ Франціи, вся ея выгода заключается въ томъ, чтобы затянуть войну надолго, потому что она можетъ это сдѣлать, а Наполеонъ не можетъ. Слѣдуетъ какъ можно менѣе разсчитывать на случай и потому необходимо избѣгать большихъ сраженій, а скорѣе привести войну къ мелкимъ стычкамъ... Чтобы было много казаковъ... отнимать у него обозы и уничтожать продовольственные средства... Если бы пришлось отступить за Двину и, чтобы все сказать, за Неву—только бы упорно продолжали дѣйствовать — все устроится и Наполеонъ окончитъ съ Александромъ, какъ Карлъ XII съ Петромъ I».

«Наполеонъ ни чѣмъ не пренебрегаетъ для успѣха; его средства уже истощены и онъ не можетъ вы-

держатъ войны на два года—ни денегъ, ни людей, ни лошадей, и чѣмъ болѣе онъ подвинется впередъ, тѣмъ ему будетъ хуже; но, конечно, было бы лучше, чтобы дѣла не дошли до такой крайности, потому что много вреда будетъ причинено провинціямъ и, при началѣ, несчастіе произведетъ дурное впечатлѣніе».

Несмотря на всѣ эти умные совѣты, мы едва не попались въ нами же устроенной мышеловкѣ, подъ Дриссою. Теперь можно сказать: напротивъ, для Россіи вышло лучше, что дѣло дошло до отступленія за Двину, такъ какъ иначе трудно было бы одолѣть врага.

Наполеонъ пошелъ прямо къ Москвѣ.

Проходя Вязьмою, онъ наткнулся на безпорядки, страшно разсердился, въѣхалъ въ толпу солдатъ, нѣкоторыхъ избилъ, нѣкоторыхъ повалилъ лошадыю, приказалъ схватить одного маркитанта и велѣлъ тотчасъ же нарядить судъ и разстрѣлять его. Этого несчастнаго поставили потомъ на колѣни по дорогѣ императора и помѣстили тутъ же около него какую-то женщину съ нѣсколькими дѣтьми, какъ бы его семью, благодаря чему дѣло кончилось благополучно. Объ этомъ случаѣ поминаетъ Fezensac: «при проѣздѣ маленькимъ городомъ Вязьмой, Наполеонъ наткнулся на солдатъ, грабившихъ винный погребъ. Онъ пришелъ въ бѣшенство, бросился на нихъ, сталъ бранить и бить хлыстомъ направо и налево. Невозможность захватить русскую армію и опусто-

шенія, ею сдѣланныя на нашемъ пути, сердили его такъ, что попадало всѣмъ окружающимъ» *).

. * *

Князь Кутузовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ русскою арміею и императоръ пожелалъ собрать возможно болѣе свѣдѣній о своемъ новомъ противникѣ. Ему описали его какъ «старца, выдвинувшагося въ былыя времена, весьма интересно, прямо необыкновенною раной. Съ тѣхъ поръ онъ сумѣлъ воспользоваться обстоятельствами. Самое пораженіе, понесенное имъ подъ Аустерлицемъ, которое онъ предсказалъ, только увеличило его репутацію. Послѣдняя же кампанія противъ Турокъ еще болѣе ее усилила. Не было сомнѣнія, что это былъ человекъ съ достоинствами, но его упрекали въ томъ, что онъ слишкомъ придерживался своихъ собственныхъ интересовъ, дѣлалъ все съ личнымъ расчетомъ. Это былъ темпераментъ медлительный, злопамятный и, главное, хитрый—чисто татарскій... Скорѣе, впрочемъ, куртизанъ, чѣмъ генералъ, но безспорно опасный своею репутаціей... Русскіе находили въ его наружности, разговорѣ, одеждѣ, наконецъ въ его суевѣріи и даже въ его лѣтахъ, напоминаніе Суворова и людей Екаринин-

*) Казалось бы, что дѣло въ данномъ случаѣ ясно: въ Вязьмѣ французскіе солдаты грабили—однако въ XVI бюллетенѣ сказано: „Въ Вязьмѣ казаки передъ уходомъ много грабили... такъ что, по мнѣнію жителей, городъ, по всей вѣроятности, никогда болѣе не перейдетъ въ русское подданство“.

скаго времени, чѣмъ онъ былъ дорогъ своимъ со-
отечественникамъ. Въ Москвѣ радость по поводу
его назначенія была такъ велика, что обнимались
и поздравляли другъ друга на улицахъ»...

Пріѣздъ Кутузова въ армію произвелъ тѣмъ боль-
шее впечатлѣніе на солдатъ, что постоянное отступ-
леніе уменьшило довѣріе къ начальству. Первымъ
виновникомъ проявленной трусости считался, конечно,
главнокомандующій, человекъ большихъ талан-
товъ и ума, настойчиво проводившій разъ на-
мѣченный образъ дѣйствій—непонятый вполне ни-
къмъ изъ современниковъ, включая и императора
Александра, который, также поддаваясь давленію
окружающихъ, изъявлялъ знаки нетерпѣнія, тре-
бовалъ наступленія, немедленныхъ побѣдъ и проч.
Пылкій князь Багратіонъ, особенно настаивая на
переходѣ въ наступленіе, увлекался до допосовъ;
но онъ не несъ отвѣтственности Барклая и врядъ
ли не сознавалъ втайнѣ, что рѣшительное сраженіе
имѣло бы дурныя послѣдствія для Россіи. Военный
совѣтъ императора Александра рѣшалъ наступленія,
но главнокомандующій неизмѣнно принималъ рѣше-
ніе, противное общему увлеченію, подавая сначала
видъ будто раздѣляетъ его, и репутація его сильно
пострадала отъ этого. Новый главнокомандующій
Кутузовъ не рѣшился рисковать своею очень боль-
шою популярностью и порѣшилъ принять битву,
которую, какъ умный человекъ, тоже врядъ ли
одобрялъ.

Нельзя не сказать, что выборъ Бородинскаго поля для большого оборонительнаго сраженія дѣлаетъ честь какъ Кутузову, такъ и его начальнику штаба полковнику Толю — это сильная позиція на двухъ линіяхъ, стоящая и теперь посѣщенія офицеровъ генеральнаго штаба, для изученія ея, такъ же, какъ и системы защиты, спѣшно на ней построенной, слабой лишь на лѣвомъ флангѣ.

Французская армія, состоявшая при переходѣ черезъ Нѣманъ изъ четырехъ сотъ тысячъ чело-вѣкъ, сравнительно мало потерявшая въ битвахъ, явилась на Бородинское поле не болѣе какъ со ста тридцатью тысячами. Невольно является вопросъ: что же сдѣлалось съ двумя стами пятьюдесятью тысячами, которыхъ не доставало, даже по признанію XVIII бюллетеня? Откуда явились также массы русскихъ войскъ, которыя, по словамъ тѣхъ же бюллетеней, въ продолженіе 2½ мѣсяцевъ французы безустанно, десятками тысячъ истребляли, которыя разбѣгались по домамъ и т. п.?

Наканунѣ Бородинской битвы Наполеонъ, по свидѣтельству близкихъ ему, былъ совершенно спокоенъ. Онъ говорилъ о Россіи, какъ о доброй французской губерніи. Послушать его — окрестности были готовыя житницы арміи и превосходное мѣсто для зимнихъ квартиръ. Первое распоряженіе его управленія — которое онъ расположить въ Гжатскѣ — будетъ оказаніе покровительства хлѣбопашеству..... Повидимому, онъ былъ въ

восторгъ отъ перспективы, передъ нимъ открывавшейся. Рѣдко императоръ бывалъ такъ мирно настроенъ, рѣдко сказывалось столько спокойствія въ его разговорѣ и во всей его фигурѣ.

Нужно замѣтить, что Бородинскія укрѣпленія были весьма слабаго профиля частью изъ-за спѣшности работы, частью изъ-за того, что, напр., во второй арміи, составлявшей лѣвый флангъ, не было шанцеваго инструмента, отчего батарея Раевского и Семеновскія флешы были далеко не грозны. У Тучкова, на позиціи при Утицѣ, почти ничего не было сдѣлано, по неимѣнію средствъ, а ее, конечно, слѣдовало связать редутами и флешами съ лѣвымъ флангомъ *).

Наполеонъ сообразилъ, что самая слабая часть русской позиціи — лѣвый флангъ и, послѣ тщательнаго осмотра Бородинскихъ высотъ, убѣдился въ необходимости направить всѣ усилія на это мѣсто, т. е. на атаку своимъ правымъ флангомъ — когда къ нему явился маршалъ Даву съ предложеніемъ «отдать ему Понятовскаго, слишкомъ слабаго для отдѣльнаго дѣйствія, для *обхода* непріятеля: ночью передъ разсвѣтомъ онъ двинется съ нимъ и со своими пятью дивизіями, силою въ 35,000, подъ прикрытіемъ лѣса, въ который упрутся русскіе, обойдетъ ихъ по старой Смоленской дорогѣ и быстро ударитъ на лѣвый флангъ съ тыла. Пока импера-

*) Говорятъ, что при отрядѣ Милорадовича долгое время былъ одинъ саперъ.

торъ поведетъ атаку съ фронта, онъ пройдетъ безостановочно отъ редута къ редуту, отъ резерва къ резерву, разнесетъ все стоящее на Можайской дорогѣ и прикончитъ тутъ русскую армію, а съ нею и войну!»

Предложеніемъ этимъ Даву еще разъ доказалъ, что онъ лучшій тактикъ изъ всѣхъ маршаловъ Наполеоновой школы, и весьма вѣроятно, что исполненіе его смѣлаго плана привело бы русскую армію въ полное разстройство. Но Наполеонъ, внимательно выслушавъ маршала, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчаливаго размышленія, отвѣтилъ: «нѣтъ! это слишкомъ своеобразное движеніе; оно очень удалить меня отъ моей прямой цѣли и заставить потерять много времени...»

Герцогъ Экмюльскій, увѣренный въ справедливости своего взгляда, настаивалъ; по словамъ Сегюра, онъ брался выполнить этотъ маневръ до 6 часовъ вечера и ручался за полный разгромъ русской арміи. Но Наполеонъ, видимо недовольный настойчивостью маршала, прервалъ его: «ахъ! Вы всегда за эти обходы, это слишкомъ опасно!» — Маршалъ замолчалъ и ушелъ ни съ чѣмъ... къ счастью для русской арміи.

Кутузовъ между тѣмъ скоро замѣтилъ намѣреніе противника и уже въ дѣлѣ, подъ огнемъ, перевелъ весь корпусъ Богговута съ праваго фланга, противъ котораго слабо дѣйствовалъ принцъ Евгенийъ, на помощь второй арміи, да кромѣ того, въ свою очередь,

напугалъ французовъ движеніемъ въ обходъ ихъ лѣваго фланга, кавалеріею Уварова и казаками.

Обѣ стороны поняли, что Семеновскія высоты составляли ключъ позиціи.

Надобно сказать, что всю ночь пѣредъ битвой Наполеонъ опасался, какъ бы русская армія опять не отступила. Эта боязнь не давала ему спать; онъ непрерывно призывалъ, спрашивалъ который часъ, не слышно ли у русскихъ шума и посылалъ смотрѣть не ушли ли они?

Успокоившись на этотъ счетъ, онъ начиналъ выражать опасеніе за своихъ голодныхъ, ослабѣвшихъ солдатъ—какъ-то они выдержатъ этотъ ударъ?.. Онъ призываетъ Бессіера, къ которому, кажется, изъ всѣхъ маршаловъ питалъ наиболѣе довѣрія. Онъ хочетъ знать получила ли гвардія все, что ей слѣдуетъ, нѣсколько разъ спрашиваетъ о томъ же.

Наконецъ, все еще не довѣряя, встаетъ и самъ переспрашиваетъ у часовыхъ своей палатки, получили ли они свой паекъ? Послѣ утвердительнаго отвѣта, онъ снова ложится и тревожно засыпаетъ.

Скоро, однако, онъ опять зоветъ. Адъютантъ находитъ его съ опущенною на руку головой; послушать его, такъ онъ занятъ мыслями о суетности земной славы! Наполеонъ обдумываетъ критическое положеніе, въ которомъ находится, и прибавляетъ: «готовится великій день, битва будетъ ужасна!» и спрашиваетъ Раппа—увѣренъ ли онъ въ побѣдѣ? Конечно, отвѣчаетъ тотъ, но побѣда достанется кровью.

Опять его беретъ старое безпокойство и онъ снова посылаетъ разузнать на счетъ русскихъ—тутъ ли, не ушли ли они? Увѣренный, что они тутъ, онъ старается успокоиться, но утомительные переходы послѣдняго времени, ночныя тревоги, всяческія заботы и ожиданія такъ разбили его, что, съ охлажденіемъ за ночь температуры, его схватываетъ лихорадка, сухой кашель и нервное раздраженіе! Всю послѣдующую часть ночи онъ не можетъ утолить сильной жажды. Къ этому прибавляется старая бѣда: со вчерашняго дня у него мучительный припадокъ болѣзни *dysurie*, отъ которой онъ уже давно и сильно страдалъ...

Пять часовъ, наконецъ. Приходитъ офицеръ отъ Нея съ донесеніемъ, что русскіе передъ нимъ и что маршалъ проситъ разрѣшенія начать атаку. Наполеонъ пріободряется, встаетъ, собирается свита и онъ выходитъ со словами: «наконецъ-то они въ нашихъ рукахъ! впередъ! передъ нами ворота Москвы!»—такъ рассказываетъ Сегюръ.

Началась знаменитая въ военныхъ лѣтописяхъ Бородинская битва, громъ пушекъ которой разносился по вѣтру за 120 верстъ!

Весь главный день этой битвы Наполеонъ большею частью сидѣлъ, иногда тихо прогуливался немного впереди, влѣво отъ занятаго Шевардинскаго редута, близъ обрыва—откуда онъ едва могъ различать битву, съ тѣхъ поръ какъ она передвинулась впередъ..... Не одинъ разъ онъ

поднимался, дѣлалъ по нѣскольку шаговъ и снова садился..... Всѣ окружающіе смотрѣли на него съ удивленіемъ. Привыкли въ подобныхъ обстоятельствахъ къ спокойной самоувѣренной распорядительности, а тутъ видѣли какое-то тяжелое спокойствіе, слабость, бездѣятельность. Одни видѣли въ этомъ усталость, другіе думали, что должно быть ему все надоѣло, даже и битвы; нѣкоторые подозрѣвали тайное страданіе, большое недомоганіе...

Послѣднее предположеніе было наиболѣе вѣроятное: слуга Наполеона Constant положительно утверждаетъ, что во все продолженіе Бородинской битвы онъ страдалъ отъ припадка помянутой *dysurie*; къ тому же съ нѣкотораго времени у него былъ сильный насморкъ, который онъ запустилъ и который усилился отъ тревогъ этого дня; вдобавокъ оказался еще упадокъ голоса.

«Во все время сраженія, пишетъ de la Fluse, Наполеонъ не садился на лошадь. Онъ ходилъ со свитою офицеровъ и не переставалъ слѣдить за ходомъ битвы, гуляя взадъ и впередъ по одному направленію. Говорили, что онъ не садился на лошадь оттого, что былъ нездоровъ»...

«Адъютанты безпрестанно получали отъ него приказанія и отъѣзжали прочь. Позади Наполеона стояла гвардія и нѣсколько резервныхъ корпусовъ. Полковая музыка наигрывала военные мотивы, напоминавшіе военныя поля первой революціи: «*allons, enfants de la patrie!*» Тутъ эти звуки не

одушевляли солдатъ, а нѣкоторые старшіе офицеры посмѣивались, сравнивая обѣ эпохи. Передъ нами разстилалось зрѣлище ужасной битвы, но ничего не было видно, за дымомъ тысячи орудій, гремѣвшихъ безъ перерыва.... Я нѣсколько придвинулся къ императору, который не переставалъ смотрѣть въ трубу на поле сраженія. Онъ одѣтъ былъ въ свое сѣрое пальто и говорилъ мало. Случалось, что ядра подкатывались къ его ногамъ— онъ сторонился, такъ же какъ и всѣ мы».

Было три часа пополудни; французы завладѣли и Семеновскими флешами, но русская армія держалась крѣпко позади второй линіи укрѣпленій и не думала не только бѣжать, но и отступать. Наполеонъ, уstraшенный необычайными потерями солдатъ, офицеровъ и генераловъ, остановилъ дальнѣйшія атаки и, несмотря на настойчивыя просьбы, не давалъ послѣднихъ резервовъ для рѣшительнаго, окончательнаго натиска.

Маршалы отправили къ нему за помощью генерала Белліара, который объяснилъ, что съ позицій ихъ видно, какъ все пространство Можайской дороги покрылось отступающими, повозками и бѣглецами... что нуженъ только еще одинъ хорошій ударъ, чтобы покончить съ непріятельскою арміей!

Императоръ колеблется, сомнѣвается и приказываетъ генералу пойти еще разъ посмотрѣть и потомъ доложить ему.

Удивленный Белліаръ отъѣзжаетъ и скоро снова

возвращается съ извѣстіемъ, что «непріятель, повидимому, начинаетъ оправляться, что моментъ для окончательнаго удара ускользаетъ, такъ что ни минуты терять нельзя, если хотятъ имъ воспользоваться; иначе придется дать второе сраженіе, чтобы закончить первое»... Но Бессіеръ воротился въ это время съ высотъ, на которыя Наполеонъ послалъ его для наблюденія за положеніемъ русскихъ. Этотъ маршалъ настаиваетъ на томъ, что «они не только не отступали въ безпорядкѣ, но, отойдя на вторую позицію, прямо готовились къ атакѣ». Тогда императоръ сказалъ Белліару, «что дѣло еще не выяснилось, что передъ тѣмъ, какъ рѣшиться дать послѣдніе резервы, онъ хочетъ яснѣе разобраться на своей шахматной доскѣ!» Это выраженіе онъ повторилъ нѣсколько разъ.

Совершенно сконфуженный, Белліаръ возвращается къ Мюрату и другимъ маршаламъ, нетерпѣливо ожидавшимъ подкрѣпленій, и доноситъ о невозможности добиться ихъ. «Онъ нашелъ императора на томъ же мѣстѣ, видимо страдающаго и обезкураженнаго, съ опустившимся чертами лица, потухшимъ взглядомъ, вяло раздающаго приказанія»...

«...Всѣ были поражены, а Ней, необузданный, горячій, прямо разразился: «что же это, наконецъ! Развѣ мы пришли сюда для удовольствія занимать поля? Что императоръ дѣлаетъ тамъ, назадъ? Онъ видитъ только обратную сторону дѣла. Коли онъ не хочетъ самъ вести войну, пересталъ быть гене-

раломъ и корчитъ императора, пускай убирается... въ Тюльери и передаетъ дѣло намъ!»...

Дарю, въ свою очередь, подбитый Дюма и Бертъе, шепнулъ императору, что со всѣхъ сторонъ слышенъ одинъ голосъ: «время гвардіи ударить!» но Наполеонъ отвѣтилъ ему: «а если завтра придется дать второе сраженіе, съ кѣмъ я поведу его?»

Страданія Наполеона, повидимому, увеличились, онъ черезъ силу сѣлъ на лошадь и тихо направился къ Семеновскимъ высотамъ. Онъ убѣдился, что поле битвы отвоевано далеко не вполне и снаряды непріятельскіе, даже пули, еще оспаривали его...

Мюратъ выразился, что въ этотъ великій и знаменательный день онъ не узпалъ генія Наполеона. Вице-король Евгений признался, что не можетъ понять нерѣшительность своего вотчима. Ней же, когда обратились къ нему за его мнѣніемъ, былъ такъ сердитъ, что посоветовалъ отступить...

Вся французская армія была недовольна результатомъ битвы и недостаткомъ энергіи со стороны Наполеона. Особенно обвиняли Бессіера: въ самую критическую минуту, когда императоръ рѣшился уже было дать свои резервы, онъ подошелъ и шепнулъ ему: «ваше величество, не забывайте, что вы за 800 лье отъ вашей столицы».

Есть, однако, и другіе голоса; такъ, Шамбрей свидѣтельствуется, что «вся французская армія была поражена упорнымъ характеромъ этого великаго

боя»; а Гурго, защищая Наполеона, прямо говоритъ, что, «если бы въ Бородинской битвѣ ослабили гвардію, то остатки французской арміи, которой она составляла ядро и главную силу за время отступленія, врядъ ли дотащились бы до Нѣмана»...

Изъ русскихъ писателей одни винятъ Наполеона, другіе находятъ, что иначе онъ не могъ дѣйствовать: «ничто, говоритъ Бутурлинъ, не можетъ оправдать Наполеона въ томъ, что онъ закончилъ битву въ три часа, въ томъ моментъ, когда еще нѣскольکو успій съ его стороны навѣрное закрѣпили бы за нимъ побѣду. Послѣдніе резервы русскихъ уже были въ дѣлѣ, тогда какъ со стороны французовъ обѣ гвардіи, старая и молодая, со всею ихъ кавалеріей, всего слишкомъ 20.000 человекъ, не участвовали еще въ сраженіи. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что, пустивши въ дѣло 23 батальона и 27 эскадроновъ, составлявшихъ это отборное войско, Наполеонъ начисто разбилъ бы русскую армію и заставилъ бы ее всѣ остальные четыре часа этого дня не готовиться къ атакѣ, а бѣжать и бѣжать».

Данилевскій, засвидѣтельствовавши тотъ фактъ, что, занявши Семеновскія флеши, французы не только не продолжали нападенія на совершенно близко отъ нихъ стоявшихъ въ новой позиціи русскихъ, но даже отовсюду отошли на ночь назадъ; упомянувши о томъ, что будто до 11 часовъ слѣдующаго дня французская армія не рѣшалась возоб-

новить нападенія, ожидая его съ русской стороны, и двинулась впередъ только тогда, когда послѣдняя начала отступать *)—выражаетъ мнѣніе, что отказомъ Наполеона дать молодую гвардію на подкрѣпленіе кавалеріи, прорубавшейся черезъ нашъ лѣвый флангъ, армія наша обязана движенію конницы Уварова на правомъ флангѣ, т. е. маневру, приказанному лично самимъ Кутузовымъ. Можно прибавить, что и Уваровъ, и казаки сдѣлали слишкомъ мало—если бы послѣдніе смѣлѣе зашли французамъ сзади, разграбили ихъ обозы и вообще напугали тылъ арміи, къ чему они имѣли всѣ средства, то по всей вѣроятности пришлось бы посылать резервы не впередъ, а назадъ; мы могли бы не только обезкуражить непріятеля, но можетъ быть даже распространить панику по всей французской линіи.

Многіе склоняются въ сторону приведеннаго выше мнѣнія маршала Даву, что Наполеонъ вѣрнѣе выигралъ бы битву, если бы, вмѣсто того, чтобы серьезно атаковать русскій лѣвый флангъ, сильно демонстрируя тутъ, послалъ бы большія силы на старую Смоленскую дорогу, чтобы поддержать Понятовскаго противъ Тучкова. Онъ былъ бы безспорно въ состояніи зайти прямо въ тылъ русской арміи, которая, будучи тогда отрѣзана отъ Можайска и отброшена въ уголъ между рѣками Колочею и Мо-

*) Кажется, вѣрнѣе признать, что отступление началось еще ночью.

сквою, оказалась бы въ самомъ критическомъ положеніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что князь Кутузовъ намѣревался принять бой и на слѣдующій день, въ новой позиціи, занятой русскою арміей. Но полученныя ночью донесенія начальниковъ корпусовъ о разстройствѣ частей, а главное, о недостаткѣ спарядовъ, заставили его измѣнить намѣренія.

Ночью же Граббе былъ посланъ въ первую армію, съ приказаніемъ начать отступленіе. Въ Горкахъ, рассказываетъ онъ, царилъ глубокая тишина; отыскавъ крестьянскій домъ, въ которомъ стоялъ Барклай-де-Толли, онъ насплу добился свѣчи и вошелъ въ избу, гдѣ генералъ спалъ на полу, вповалку съ адъютантами и ординарцами. Когда онъ тихонько разбудилъ его и, подавши записку, объявилъ съ чѣмъ пріѣхалъ, генералъ вскочилъ и вѣроятно первый разъ въ жизни изъ умѣренныхъ и кроткихъ устъ его вылились самыя жестокія выраженія противъ Беннгсена, котораго онъ неизвѣстно почему почиталъ главнымъ виновникомъ рѣшеннаго отступленія.

Русская армія начала опять отступать, французская—вновь наступать. Значитъ, офіціально, французы выиграли сраженіе.

«Господинъ епископъ, писалъ Наполеонъ во Францію, Мецкому епископу, переходъ черезъ Нѣманъ, Двину и Днѣпръ, битвы подъ Могилевымъ, Дриссою, Полоцкомъ, Смоленскомъ и, наконецъ, подъ

Москвою достойны того, чтобы за нихъ возблагодарить Бога силъ. Мы желаемъ, чтобы, по полученіи сего, вы условились о надлежащемъ съ кѣмъ слѣдуетъ. Созовите народъ мой въ храмы и воспойте хвалу Всевышнему, сообразно съ правилами церкви на подобные случаи».

«Посылая вамъ на сей предметъ письмо это, прошу Бога»...

«Въ нашей императорской квартирѣ въ Можайскѣ. 10 сентября (28 августа) 1812 г.

Наполеонъ».

«Мы, Клавдій, Игнатій Лорапъ, Божьимъ изволеніемъ епископъ Метца, генеральный администраторъ Округа и баронъ имперіи — духовенству и всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Мецкаго Округа».

«Дражайшіе братья».

«Новые подвиги, тріумфы еще болѣе славные чѣмъ всѣ, которые до сихъ поръ поражали насъ, повергаютъ теперь въ глубокое удивленіе всю вселенную. Наполеонъ еще разъ заявилъ себя титаномъ, подъявшимъ исполненіе великихъ подвиговъ, и его побѣдоносныя фаланги какъ орлы перенесли отъ устьевъ Гвадалквивира къ источникамъ Волги. Уже не сѣверный варваръ попираетъ теперь благословенныя долины юга, а высокодостойный боецъ запада гонитъ въ полярные льды этого противника мира вселенной».

«Болѣе вѣка кичливые обитатели гиперборейскихъ странъ, пользуясь несправедливо присвоенной имъ

репутаціей, стращаютъ скромныхъ и довѣрчивыхъ государей цивилизованной Европы. Долго, слишкомъ долго продавали они помощь своихъ, якобы непобѣдимыхъ легионовъ народамъ, которыхъ сами же намѣревались потомъ побѣдить и которыхъ возстановляли другъ противъ друга, а королямъ последовательно измѣняли, завлекши въ безысходныя затрудненія. Тотъ, котораго Творецъ, Богъ войны, избралъ для искорененія всякаго коварства, для разсѣянія всѣхъ чаръ, усмиренія всякой гордыни, для сверженія всѣхъ земныхъ кумировъ, для побѣды надъ всѣми царями міра и покоренія всѣхъ столицъ—тотъ увидѣлъ, дорогіе братья, что пришло время смирить несносную кичливость и показать людямъ, что эти дикіе войны не болѣе непобѣдимы въ своихъ родныхъ степяхъ, чѣмъ они показали себя въ долинахъ Гельвеціи, на поляхъ Польши и равнинахъ Моравіи».

«Какъ рѣшено, такъ и исполнено: не успѣли пройти нѣсколько мѣсяцевъ и уже быстрота успѣховъ нашихъ, громадность нашихъ побѣдъ повергаютъ міръ въ изумленіе».

«Безсмертное орудіе совершенія столькихъ чудесъ, повидимому, само поражено такимъ успѣхомъ—онъ почтительно сознаетъ, что Божья, а не его десница побѣждаетъ вызвавшего на бой непріятеля».

«На полѣ битвы, среди побѣдъ, онъ первый возноситъ благодарственный гимнъ и, съ края свѣта, гдѣ быются въ настоящее время, приглашаетъ

всѣхъ пастырей своей обширной имперіи собрать народъ въ храмы и вслѣдъ за нимъ воспѣть хвалу Богу, въ благодарность за побѣды. Кто гордый не преклонится передъ Всевышнимъ, когда самъ побѣдитель, рушащій троны, припадаетъ къ престолу Божества, по произволу ведущаго впередъ и возвращающаго, поднимающаго и повергающаго, Божества, раздающаго, кому пожелаетъ, побѣды и пораженія, жизнь и смерть, войну и миръ!»....

«Наполеонъ великій, братья, не упускалъ никогда случая провозгласить эти вѣчныя истины, тотчасъ же вслѣдъ за своими необычайными триумфами. Радостное письмо, которымъ его императорское и королевское величество осчастливилъ насъ, служитъ вѣрнымъ доказательствомъ твердости его религіозныхъ вѣрованій».

«Возблагодаримъ же источника великихъ даровъ, такъ какъ нашъ августѣйшій государь всѣ успѣхи свои повергаетъ къ ногамъ Творца, обладателя неба и земли».

«Въ силу этого для достойнаго выполненія достохвальныхъ намѣреній нашего августѣйшаго императора и короля по совѣщаніи и проч. повелѣваемъ».....

По общему голосу, французскія потери подъ Бородиннымъ были не менѣе русскихъ, т. е. около 50.000 человекъ. Сегюръ признаетъ 40.000. Дюма говоритъ, что «потери были необъятны».

Около девяти часовъ вечера Наполеонъ призвалъ графа Дарю и Дюма. Бивуакъ былъ раскинутъ сре-

ди гвардейскаго карре. «Онъ только что поужиналъ, рассказываетъ Дюма, сидѣлъ одинъ и посадилъ насъ одного по правую, другого по лѣвую сторону отъ себя; распросивши о распоряженіяхъ, сдѣланныхъ для поданія помощи раненымъ, онъ сталъ говорить намъ объ исходѣ битвы; потомъ тутъ же, сидя, вздремнулъ минутъ пять и затѣмъ, встряхнувшись, сталъ говорить: вѣроятно удивятся, что я не отдалъ мои резервы для полученія болѣе рѣшительнаго результата, но вѣдь мнѣ нужно было беречь ихъ для послѣдняго удара, который придется еще нанести передъ вступленіемъ въ Москву: успѣхъ дня настолько обозначился, что оставалось позаботиться о такомъ же успѣхѣ всей кампаніи — вотъ почему я не далъ гвардіи».....

Въ эту ночь Наполеонъ снова принялся за кабинетныя запятія, уже въ продолженіе пяти дней прерванныя. Но оказался такой упадокъ голоса, что онъ не могъ ни диктовать, ни говорить..... Пришлось прибѣгнуть къ помощи пера и онъ принужденъ былъ писать на кусочкахъ бумаги. Секретари и всѣ изъ штаба, кто только могли помогать, наскоро переписывали ихъ. Графъ Дарю и князь Невшательскій (Бертъе) тоже трудились, но надъ каждой строкой приходилось сидѣть, чтобы разобрать каракули императора, который писалъ по приказу каждую минуту и то и дѣло постукивалъ по столу, подавая знакъ, чтобы принимали бумаги, накоплявшіяся горками....

Цѣлые двѣнадцать часовъ прошли въ этой нѣмой работѣ—только и слышенъ былъ скрипъ Наполеонова пера, да стукъ его молоточка.

* * *

Французская армія приближалась къ Москвѣ. Наполеонъ ѣхалъ сначала въ каретѣ, но, съ половины послѣдняго перехода, сѣлъ на лошадь.

Издали, сквозь облака пыли, видны были французамъ длинныя колонны русской кавалеріи, въ порядкѣ отступавшей передъ французскими войсками, по мѣрѣ того, какъ тѣ надвигались. Наконецъ, масса колоколенъ съ золотыми, блестящими на солнцѣ куполами, открыли громадный городъ и все передовое войско въ неудержимомъ восторгѣ закричало: «Москва! Наконецъ, Москва!» Слова эти наэлектризовали всѣхъ: офицеры и солдаты бѣжали на высоты, чтобы полюбоваться знаменитымъ городомъ, можетъ быть предназначеннымъ судьбою служить новою границей французской имперіи.

Самъ Наполеонъ залюбовался видомъ съ Поклонной горы; за нимъ толпились восхищенные маршалы.

Налѣво и направо видны были приближавшіеся къ городу принцъ Евгеній и Понятовскій. Впереди по большой дорогѣ Мюратъ, со своими развѣдчиками, подходилъ уже къ предмѣстьямъ... но депутаціи отъ города все еще не было. Время было за полдень, а Москва не даетъ знать о себѣ,

точно вымерла. Офицеры, побывавшіе уже въ городѣ, рассказываютъ, что Москва пуста! Но объ этомъ долго не рѣшаются донести Наполеону, боясь вспышки его гнѣва.

Сначала онъ просто отказывается вѣрить, потомъ садится на лошадь и подъѣзжаетъ къ Дорогомилловской заставѣ. Онъ приказываетъ соблюдать строжайшую дисциплину и все еще не теряетъ надежды, что слухи окажутся несправедливыми: «можетъ быть этотъ народъ не знаетъ, какъ принято сдаваться—здѣсь вѣдь все ново, мы для нихъ, съ нашими порядками, такъ же новы, какъ и они для насъ со своими». Но всѣ свѣдѣнія подтверждаютъ прежнее извѣстіе, сомнѣваться въ немъ болѣе нельзя.

Наполеонъ зоветъ Дарю: «Москва пуста! Статочное ли это дѣло. Поѣзжайте туда и разыщите бояръ!»

Дарю, однако, ничего не могъ сдѣлать, потому что никакихъ бояръ не было: ни дыма изъ трубъ, ни какого другого намека на жителей—ни малѣйшаго шума надъ громаднымъ городомъ.

Но такова была настойчивость Наполеона, что онъ еще ждалъ, еще надѣялся.....

Наконецъ, одинъ изъ офицеровъ, очевидно, желавшій угодить во что бы то ни стало, поѣхалъ, поймалъ въ городѣ нѣсколько бродягъ и погналъ ихъ передъ собой—какъ депутатовъ.....

Ростопчинъ говоритъ, что депутація состояла человекъ изъ двѣнадцати, очень дурно одѣтыхъ;

представлявшій въ этомъ торжественномъ случаѣ власти, дворянство, духовенство и именитое купечество столицы былъ простой типографщикъ.—Наполеонъ понялъ смѣшную сторону фарса и отвернулся, не утерпѣвши чтобы не обозвать бѣднаго депутата *болваномъ!* (*imbécile*). Убѣдившись въ томъ, что Москва дѣйствительно оставлена и, бросивъ свои расчеты и надежды, онъ пожалъ плечами и съ презрительнымъ видомъ сказалъ: «Русскіе еще не понимаютъ, какое впечатлѣніе произведетъ занятіе ихъ столицы»....

Нетерпѣніе Наполеона получить ключи города вполне понятно, такъ какъ этимъ осуществилось бы исполненіе давнишней мечты. За часъ еще до прихода къ Москвѣ, онъ позвалъ генераль адъютанта графа Дюронеля, командовавшаго императорскою главною квартирой, и сказалъ ему: «поѣзжайте въ городъ, приведите все въ порядокъ и выберите депутацію для поднесенія мнѣ ключей». Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обдумалъ и приготовилъ всѣ подробности вступленія въ Москву: рѣчь къ боярамъ, въ которой, воспользовавшись соперничествомъ первопрестольной столицы съ Петербургомъ и недостатками политическаго устройства государства, сумѣлъ бы расположить этихъ храбрыхъ, но дикихъ людей въ пользу своего вмѣшательства и заступничества; свои распоряженія по наложенію контрибуціи непременно золотомъ и распространенію отпечатанныхъ имъ въ Парижѣ

фальшивыхъ сторублевыхъ ассигнацій, которыми онъ надѣялся окупить издержки войны и т. д. Конечно онъ заранѣе обдумалъ съ кого онъ взыщетъ, кого наградить, надъ чѣмъ проявитъ свое императорское милосердіе и щедрость; какія сдѣлаетъ перемѣны въ управленіи, наконецъ, какъ поведетъ переговоры о мирѣ, быстро или медленно, высокомерно, строго или милостиво.... Человѣкъ, издавна привыкшій своею геніальною головою рѣшать всѣ мелочи, касавшіяся покоренія, умиротворенія и устройства ново-завоеванныхъ странъ, долженъ былъ и тутъ, добравшись, наконецъ, до цѣли давнишнихъ желаній, все заранѣе впередъ обсудить и распредѣлить.... И вдругъ такая обиданечко, рѣшительно ничего для Европы, напряженно ожидавшей этого событія, ничего для Монитёра!

Очевидецъ французъ, повѣствуя объ этихъ минутахъ, рассказываетъ, что онъ нашелъ императора въ предмѣстьѣ, ожидавшаго русскихъ посланныхъ и разсматривавшаго въ трубу ихъ кавалерію, отступавшую влѣво отъ него. Къ нему привели нѣсколькихъ крестьянъ и торговцевъ, на которыхъ жалко было смотрѣть—такъ они перепугались, полагая, вѣроятно, что пришелъ ихъ послѣдній часъ...

Наполеонъ сошелъ съ лошади; ему было видимо холодно, онъ кашлялъ, когда отдавалъ приказанія; кажется, онъ былъ въ нерѣшительности насчетъ того, что ему предпринять.... Потомъ, вѣроятно разсудивши, что благоразумнѣе не рисковать

еще входить въ городъ, занялъ одинъ изъ ближайшихъ деревянныхъ домовъ.

Тутъ въ Дорогомиловскомъ предмѣстьѣ Наполеонъ назначилъ маршала Мортье военнымъ губернаторомъ города. «Позаботьтесь, чтобы не было грабежа! Вы головою отвѣчаете за это—сберегите мнѣ Москву ото всѣхъ и всего!», будто бы сказалъ онъ маршалу.

У Дорогомиловскаго же моста былъ приведенъ къ Наполеону книгопродавецъ Рисъ, рассказывавшій потомъ, что, принужденный остаться при своей лавкѣ, онъ, выйдя на звуки трубъ и барабановъ, раздавшіеся на улицѣ, былъ схваченъ и представленъ императору. «Кто ты?» спросилъ его Наполеонъ.—Французскій книгопродавецъ.—«А! стало-быть мой подданный». — Да, по давнишній житель Москвы.—«Гдѣ Ростопчинъ?»—Выѣхалъ.—«Гдѣ городское управленіе?» (magistrat).—Также выѣхало.—«Кто же остался въ Москвѣ?»—Никого изъ русскихъ.—«Быть не можетъ!»—Рисъ, кажется, поклялся въ истинѣ своихъ словъ. Тогда Наполеонъ нахмурилъ брови и простоялъ довольно долго въ глубокой думѣ; потомъ какъ бы рѣшившись на опасное дѣло, командовалъ: «маршъ, впередъ!»

Одинъ изъ русскихъ рассказываетъ, что «за депутаціею и ключами ходили въ губернское правленіе, въ думу, въ полицію, къ генералъ-губернатору, словомъ, всюду, гдѣ была хоть малѣйшая надежда встрѣтить какой-нибудь остатокъ чиновни-

ковъ. Послѣ многихъ безполезныхъ поисковъ, принявшій ихъ усердный польскій генераль вернулся къ Наполеону и донесъ ему, что въ Москвѣ не осталось никого изъ властей, и что городъ покинуть всѣми, исключая нѣкоторыхъ оставшихся тамъ иностранцевъ. Вслѣдствіе этого императоръ французовъ отсрочилъ свой въѣздъ: можетъ быть онъ рассчитывалъ, что къ слѣдующему дню часть жителей вернется и ему вышлютъ таки депутацію, или по крайней мѣрѣ его подданные французы, итальянцы, нѣмцы выручатъ, явятся къ нему».

Ничего это не случилось. Наполеонъ ночевалъ передъ заставой, въ домѣ трактирщика и, какъ кажется, не могъ спать всю ночь: «въ домѣ стоялъ такой непріятный запахъ, что каждую минуту его величество призывалъ своего камердинера: Вы не спите, Констанъ?—Нѣтъ, ваше величество!—Голубчикъ, пожгите пожалуйста уксуса, я не могу вынести этого ужаснаго запаха — чистое наказаніе!»—Домъ былъ до того грязенъ, что на другой день нашли въ постели императора и даже въ его платьѣ противныхъ насѣкомыхъ, которыхъ въ Россіи такое изобиліе», т.-е. нашихъ клоповъ, какъ извѣстно яростно нападающихъ на «свѣженькихъ».

Говорили, будто Наполеонъ, «хотя имѣя намѣреніе поселиться въ Кремлевскомъ дворцѣ, счелъ за лучшее пообождать ѣхать прямо туда, изъ-за слуха, что подъ древнее обиталище царей подве-

дены мины и потому нужно было принять нѣкоторыя предосторожности».

Двѣ арміи одновременно исполнили движеніе на Москву: король Неаполитанскій и маршалъ Ней перешли черезъ мостъ—офицеры и солдаты русскаго арріергарда и французскаго авангарда перемѣшались тутъ и король очутился совершенно окруженнымъ русскими, изъ отряда генерала Милорадовича. По словамъ Сегюра, Мюратъ громко спросилъ: «нѣтъ ли здѣсь кого-нибудь, кто говорилъ бы по-французски?» — Есть, ваше величество, отвѣтилъ одинъ юный офицеръ, изъ близко находившихся.—«Кто командуетъ арріергардомъ?» — Юноша указалъ на стараго служаку, закаленного вида, въ казацкой формѣ.—«Спросите его пожалуйста, знаетъ ли онъ меня?» — Онъ говоритъ, что хорошо знаетъ, ваше величество... видѣлъ васъ всегда въ огнѣ...—Король намекнулъ въ разговорѣ на то, что пора бы и миръ заключить—довольно войны, да кстати замѣтилъ, что бурка, которую почтенный воинъ имѣлъ на себѣ, должно быть хорошо служить на bivуакахъ?—Казацкій генералъ сейчасъ же снялъ бурку съ плечъ и предложилъ Мюрату на память объ этомъ свиданіи, за что тотъ предложилъ въ обмѣнъ, тоже на память, дорогіе часы, взятые у одного изъ бывшихъ съ нимъ офицеровъ—этимъ несчастливцемъ оказался ординарецъ Наполеона, Гурго, горько жалѣвшій потомъ о своихъ часахъ, дорогихъ ему по воспоминаніямъ.

Вотъ интересный, по простотѣ и наивности, рассказъ русскаго чиновника Кербелецкаго, захваченнаго еще не доходя Москвы и представленнаго Наполеону: «Дюкъ д'Истри, статсъ-секретарь Наполеона Делоранъ и адъютантъ его, изъ поляковъ, подполковникъ Вельсовичъ, 1-го сентября утромъ спрашивали меня со многими подробностями не токмо о расположеніи и количествѣ всѣхъ нашихъ армій, о движеніи и успѣхахъ каждой, по даже и о намѣреніи правительства нашего въ разсужденіи мира».

«Всѣ вышеупомянутые чиновники, по собственному ихъ объявленію, якобы изъ полученныхъ Наполеономъ *вѣрныхъ* свѣдѣній, совершенно знали о состояніи Москвы, что въ оной *войскъ Россійскихъ нѣтъ*, и предполагали, что передъ Москвою не токмо сраженія со стороны Россійской арміи не будетъ, но, напротивъ того, *россійское правительство передъ оною непременно проситъ должно у Наполеона мира*. Адъютантъ же Вельсовичъ сверхъ того утверждалъ, что Наполеонъ, ихъ императоръ, завтра, т.-е. 2 сентября, *будетъ обѣдать въ Москву*, которую, бывшая въ Можайскомъ сраженіи—такъ называли они по Можайску Бородинское сраженіе—Россійская армія сколько бы ни защищала, возьметъ онъ *съ бою*, взыщетъ *знатную контрибуцію*, припудитъ русскихъ *протівъ* желанія ихъ *проситъ мира*; *возстановитъ Польшу* въ прежнемъ ея достоинствѣ, съ присоединеніемъ къ

ней Бѣлоруссіи и Смоленска; одѣнетъ и обуетъ свои войска и, *погостивши въ сей Россійской столицѣ*, отправится обратно въ Парижъ; буде же руссійское правительство станетъ еще упорствовать и на таковой миръ не согласится, тогда и *Москва съ ея удылами останется за Польшею*, а Наполеонъ пойдетъ въ С.-Петербургъ и далѣе и всю Россію *покоритъ подъ свою державу*».

«1-го числа въ 10 часовъ утра, съ многочисленною своею арміею, тутъ же стоявшею вокругъ всей дачи, имъ занимаемой, отправясь впередъ къ Москвѣ и остановясь къ вечеру въ селѣ Вязѣмѣ, отстоящемъ отъ Москвы въ 34 верстахъ, принадлежащемъ князю Голицыну, ночевалъ тутъ же въ господскомъ домѣ. Въ этотъ день Наполеонъ ѣхалъ сперва верстъ 12 въ каретѣ, вмѣстѣ съ принцемъ Невшательскимъ (Бертье), а потомъ, по невозможности проѣхать въ оной, стороною чрезъ оврагъ, за сожженіемъ на большой дорогѣ моста, вышелъ изъ кареты, сѣлъ на лошадь и продолжалъ уже ѣхать верхомъ всю остальную дорогу до Москвы и въ Москву. 2 сентября, на разсвѣтѣ, Наполеонъ, отправясь съ сего ночлега, далѣе къ Москвѣ, прибылъ въ 10 часовъ утра на дачу, въ правой сторонѣ большой Смоленской дороги, лежащую не доѣзжая до Москвы 12 верстъ. Тутъ встрѣченъ онъ былъ королемъ Неаполитанскимъ, съ коимъ, не входя въ комнаты, пошелъ влѣво на особый подлѣ церкви дворъ и тамъ, расхаживая съ нимъ

самъ другъ болѣе часа, разсуждалъ, какъ заключить надлежало о распоряженіяхъ ко взятію Москвы».

«Послѣ чего Мюратъ, не обѣдавши, отправился впередъ къ Москвѣ, куда безостановочно слѣдовала вся французская армія и многочисленная артиллерія. Наполеонъ же тутъ въ комнатахъ пообѣдавши вскорѣ и самъ съ бывшимъ при немъ генералитетомъ (который обѣдалъ на дворѣ) и съ особымъ конвоемъ, состоявшимъ изъ эскадрона шасеровъ и эскадрона польскихъ улановъ, въ сопровожденіи трехъ русскихъ плѣнниковъ, пустился по слѣдамъ Мюрата, нарочито поспѣшно».

«По прибытіи Наполеона въ 2 часа пополудни къ Поклонной горѣ, отстоящей отъ Москвы въ 3-хъ верстахъ, авангардъ передъ оною горой, по распоряженію короля Неаполитанскаго, былъ уже построенъ въ боевой порядокъ. Наполеонъ съ планомъ въ рукахъ, поданнымъ ему тутъ же, и нѣкоторые изъ провожатыхъ его генераловъ сходятъ съ лошади и въ ту же минуту начинается движеніе, показывающее приготовленіе къ сраженію».

«Прождавъ тутъ полчаса и не видя со стороны Москвы никакого вызова, приказываетъ сдѣлать сигналъ вистрѣломъ изъ пушки, послѣ чего, спустя минутъ пять, садятся всѣ на лошадей и скачутъ во весь опоръ къ Москвѣ. Въ то же мгновеніе вмѣстѣ съ нимъ двинулся какъ авангардъ, такъ и часть стоявшей позади центральной арміи, съ невѣроятнымъ стремленіемъ; конница и артиллерія

равномѣрно скакали во весь опоръ, а пѣхота бѣжала бѣгомъ. Топотъ лошадей, скрипъ колесъ, трескъ оружія, смѣшавшись вмѣстѣ съ шумомъ бѣгущихъ солдатъ, составляли дикій и ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся густымъ столбомъ пыли!... не болѣе какъ черезъ 12 минутъ все очутилось у Дорогомиловской заставы».

«Нечаянная вѣсть о томъ, что изъ Москвы какъ Россійская армія, такъ и жители всѣ выѣхали, казалось, поразила и самого Наполеона. Онъ приведенъ былъ въ чрезвычайное *изумленіе*, мгновенно произведшее въ немъ нѣкоторый родъ *изступленія* или *забвенія* самого себя. Ровные и спокойные шаги его въ ту же минуту перемѣняются въ *скорые* и *безпорядочные*. Онъ оглядывается въ разныя стороны, оправляется, останавливается, трясется, цѣпенѣтъ, щиплетъ себя за носъ, снимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ; выдергиваетъ изъ кармана платокъ, мнетъ его въ рукахъ и, какъ бы ошибочно, кладетъ въ другой карманъ, потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ; далѣе, опять сдернувъ съ руки перчатку, надѣваетъ оную торопливо и повторяетъ то же нѣсколько разъ... Это продолжалось битый часъ, и во все это время окружавшіе его генералы стояли неподвижно, какъ бездушные истуканы, и ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ и пошевелиться... Потомъ Наполеонъ, пришедши нѣсколько въ себя, садится на лошадь и въѣзжаетъ самъ въ Москву, въ которую послѣдовала за нимъ

и конница, стоявшая до того внѣ заставы; но, проѣхавъ Дорогомиловскую ямскую слободу и приближась къ берегу Москвы-рѣки, останавливается у оной, въ правой сторонѣ улицы, на береговомъ косогорѣ, сходить съ лошади и опять расхаживаетъ взадъ и впередъ, но токмо уже *покойнѣе*»...

«Сего числа Наполеонъ и его конвой ночевали въ Дорогомиловской слободкѣ, въ обывательскихъ домахъ, гдѣ жителей московскихъ, кромѣ четырехъ человѣкъ дворниковъ, никого не замѣчено».

Ночь, проведенная Наполеономъ въ предмѣстьѣ, была не спокойна и печальна. Кромѣ клоповъ (а можетъ быть и другихъ паразитовъ, довольно обычныхъ въ Россіи) ему не давали спать и досадныя донесенія, непрерывно слѣдовавшія одно за другимъ, между прочимъ предупреждавшія о томъ, что городъ будетъ сожженъ... «Императоръ беспокоился и не могъ найти себѣ мѣста, постоянно звалъ своихъ людей и заставлялъ повторять себѣ эти слухи. Кажется онъ все еще не совсѣмъ довѣрялъ имъ—когда около двухъ часовъ ночи получилъ извѣстіе, что пожары начались».

«Въ Москву онъ вѣхалъ во вторникъ 3-го сентября въ половинѣ одиннадцатаго часа утра. Арбатъ былъ совершенно пустъ. Онъ сидѣлъ на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ, въ простой треугольной шляпѣ, безъ всякаго знака отличія. Свита маршаловъ и другихъ чиновниковъ, окружавшихъ Наполеона, была весьма многочисленна. Пе-

строта мундировъ, богатство оныхъ, орденскія ленты различныхъ цвѣтовъ: все сіе дѣлало картину прекрасною, а простоту Наполеонова убранства еще болѣе разительною. Такимъ образомъ побѣдитель Москвы доѣхалъ до Боровицкихъ воротъ, не увидя ни одного почти жителя. Негодованіе Наполеона было на всѣхъ чертахъ лица. Онъ не бралъ даже на себя трудъ скрыть то, что происходило въ душѣ его»...

Въ это время видны были во многихъ мѣстахъ Арбата новые пожары, а послѣ вступленія въ кремлевскій дворецъ запылалъ гостинный и такъ называемый каретный дворъ и многіе обывательскіе дома, окружавшіе Кремль. Наполеонъ самъ бросился на пожаръ, распоряжался, бранился, угрожалъ солдатамъ и самому маршалу Мортье.

«Однако, видъ Кремля, говоритъ Сегюръ, этой величественной постройки Рюриковичей и Романовыхъ, видъ трона ихъ, стоявшаго на обычномъ мѣстѣ, креста Ивана Великаго и созерцаніе лучшихъ частей города, надъ которыми Кремль господствуетъ— нѣсколько успокоили его. Надежда опять зарождается въ немъ; завоеваніе это льститъ его самолюбію и онъ съ самодовольствіемъ говоритъ: «Наконецъ я въ Москвѣ, въ старинныхъ царскихъ хоромахъ! въ Кремлѣ!» Онъ осматриваетъ все въ подробности съ гордымъ любопытствомъ и довольствомъ; начинаетъ спрашивать о ресурсахъ города и думаетъ уже о возможности заключенія мира»....

Восторгъ Парижанъ при извѣстіи о вступленіи

Наполеона въ Москвѣ былъ неописуемъ; боялись только, чтобы онъ изъ нея не прошелъ триумфально прямо въ Индію! Трудно перечесть количество виршей въ посланіяхъ, стансахъ, одахъ и всяческихъ льстивыхъ похвалахъ, написанныхъ по поводу этого событія.

Вотъ нѣсколько образцовъ, въ подлинникѣ—въ переводѣ они потеряли бы; выпущены только нѣкоторыя описанія, не имѣющія никакой реальной подкладки.

Ode à S. M. l'Empereur et Roi

sur la prise de Moscou par M. Quaynat.

.
.
Elevons nos chants d'allégresse!
Vantons nos triomphes heureux!
Jadis l'Italie et la Grèce;
Eurent des soutiens valeureux;
Jusqu'à nos jours Athènes et Rome
Doutaient de voir paraître un homme
Qui put égaler leurs succès:
Maintenant elles sont moins fières
En trouvant les preuves contraires
Dans le Monarque des Français.

.
.
—
Ton vainqueur, témoin de ces crimes,
Moscou, déplore tes malheurs,
Et par des secours magnanimes

S'efforce d'essuyer tes pleurs.
Mais tes maux sont trop innombrables;
Sur ces pertes irréparables,
Moscou, tu gémiras longtemps;
Pleure! vingt siècles sans orages
N'effaceraient pas les ravages
Des brandons de monstres sanglants.

.
.

Souris au tribut de mon zèle,
O toi le plus grand des Héros
Toi dont la valeur immortelle
Compte ses jours par ses travaux.
De tes nouveaux exploits charmée,
Avec transport la Renommée
Vole en tous lieux les annoncer.
Avant ton règne mémorable,
Le Nord paraissait indomptable:
Tu naquis pour le terrasser.

Mais Dieu! qu'aperçois-je? O, merveille!
Qui saisit mes sens éblouis!
Une Déesse sans pareille
Ouvre les célestes lambris.
Une autre la suit!... C'est la Gloire;
La première c'est la Victoire,
Boussoles de la Nation:
Dans l'éclat qui les environne,
Chaque porte une couronne
A l'auguste Napoleon.

Poème sur la Campagne de Russie,
par les armées reunies de France et d'Allemagne.

Par *P. Chanin*.

.
.

Une Nation factieuse
S'oppose au bien que nous voulons,
Son influence desastreuse
Corrompt l'air que nous respirons.
Une isle de nous le sépare.
C'est du Scythe, c'est du Tartare,
Quelle ose appeler le secours.
Le crime de ce pacte impie
Aux yeux de l'Europe trahie,
La déshonore pour toujours.

.
.

Heureux si les sons de ma lyre
Flattent l'oreille du Héros:
A mes chants s'il daigne sourire,
Je m'applaudis de mes travaux.
Je puis de l'instrument sonore,
Sous mes doigts résonnant encore,
Tirer des sons harmonieux.
Si je plais, mon âme enivrée
Par l'enthousiasme inspirée,
Parlera la langue des dieux.

La Conquête de Moscou.

Ode, par *J. B. Barjaud*.

.
.
.

—
Tombez, tours de Kremlin! tombez, l'heure est venue!
Les voici ces guerriers si souvent défiés!
Votre orgueil impuni s'élevait dans la nue;
Qu'il s'anéantisse à leurs pieds!

—
Mais non! Prêt à frapper le tonnerre s'arrête;
Qui retient son courroux? C'est le bras du vainqueur,
Ne lui dispute pas sa superbe conquête,
Moscou! ta grace est dans son coeur.

—
.
.

—
Tel je vois le héros que la foudre devance,
Il vient rendre aux climats soulevés contre lui
Le commerce, les arts, la paix et l'abondance,
Qui fleurissent sous son appui.

—
.
.

—
Et quel sujet plus beau, plus digne de mes veilles!
Je suis contemporain du plus grand des héros;
Son siècle incomparable est chargé de merveilles;
Son nom remplit tous les échos.

—

Soleil, du haut des airs tu le vois qui s'avance;
A-t-il quelque rival dans l'empire des temps?
Rappelle le passé sous ton regard immense
Dans ses jours les plus éclatants!

Tel qu'un géant qui touche au séjour du tonnerre,
Il lève devant toi son front audacieux,
Soleil! et grandeur eclate sur la terre
Comme ta gloire dans les cieux.

La prise de Moscou.

Stances, par *M. F. M. Mazauric.*

Les fls aînés de la Victoire
Suivent ce Héros que la Gloire
A ceint du laurier des Césars;
Par lui les Destins s'accomplissent,
Et dans la tombe au loin gémissent
Les Mânes effrayés des Czars.

Epouvanté de sa défaite
En vain notre ennemi s'apprête
A fortifier ses remparts;
Moscou troublé livre ses portes
Et nos belliqueuses cohortes
Y pénètrent de toutes parts.

Non, s'en est fait, l'heure est sonnée
Où la Russie consternée

Doit abaisser son fol orgueil;
Ses villes, de cendres couverts,
Ses campagnes, au loin désertes,
De sa gloire sont le cercueil.

Peuples de la Samogitie,
Et toi, fière Lithuanie,
Accourez sous nos étendards,
Regnez enfin sur vos domaines,—
Napoleon brise vos chaînes,
Suivez ce favori de Mars.

Et vous dont je ressens l'ivresse,
En ce jour brillant d'allégresse
Entonnez l'hymne du Vainqueur.
O fils! O Reine, tendre Epouse!
O France! l'Europe jalouse
Célèbre aussi Votre Empereur.

O d e

sur la Campagne de S. M. E. et. R.

en Russie et son entrée à Moscou, par *Négrel*.

.
.

Eh quoi! Mars en courroux, de ses mains meurtrières
Sous vos corps palpitans a brisé vos bannières:
Vos soldats par milliers sont plongés aux enfers;

Et, fatiguant le ciel par des Hymnes de Gloire
 Vous démentez l'histoire
Qui grave en traits de sang vos immenses revers!

Laches, où courez vous? quels seront vos asiles?
Ne lancez vous les feux que sur vos propres villes?
Ah! tournez contre nous ce salpêtre éclatant.
Des coups de vos ayeux élancés de Bosphore
 L'Europe fume encore;
Et les Parthes du moins fuyaient en combattant.

.
.

Napoleon se lève, il avance, il ordonne;
Tout a coup à grand bruit l'airin s'enflamme et tonne;
Un cris parcourt les rangs: Vive NAPOLEON!
Ces terribles accens a l'armés ennemie
 Sont comme en Lybie
Aux daims epouvantés est le cris du lion.

.
.

Muse, adoucis ta voix et les sons de la Lyre;
Devant NAPOLEON l'Hydre fatale expire,
Le monde ne craint plus ce feu dévastateur:
Que l'encens fume aux pieds de nos autels antiques?
 Et que de saints cantiques
Célébrent d'age en age un Héros protecteur!

Ainsi de chants joyeux retentit l'Ansonie,
Alors qu'un Demi-Dieu, sur les monts d'Arcadie,
Vainquit l'ardent Cacus, la terreur des hameaux;
Et, l'arrachant du sein des roches embrassées
Sur leurs voûtes brisées
De ses membres fumants dispersa les lambeaux.

Ode à S. M. L'Empereur

sur son entrée à Moscou, par *Alex. de la Garencière.*

.
.

N

Ivre d'un fol orgueil, d'une gloire éphémère,
Le Russe osa braver le poid de ta colère;
Il arma contre toi ses nombreux bataillons:
Mais dans trente combats la victoire fidèle,
En couronnant ton front d'une palme immortelle,
Flétrit ses pavillons.

.
.

N

Maintenant, affranchis de leurs terreurs passées,
Croyant de leurs revers les traces effacées,
Ils prétendent cueillir un facile laurier:
Il ne croît plus pour eux; pour toi seul il s'élève:
Mais de leur sol ingrat, j'en atteste, ton glaive
Sortira l'olivier.

N

Un peuple belliqueux, digne ami de la France,
Recouvrant à ta voix sa noble indépendance,
Sous tes brillants drapeaux accourt de toutes parts;
A peine délivré de sa honteuse chaîne,
Comme un torrent fougueux dans sa course il entraîne
Tous ses enfans épars.

N

Le Russe espère en vain, par un excès d'audace,
Se soustraire au péril dont ton bras le menace;
Sa bouche ose indiquer le prix du déshonneur;
A ce perfide appel la voix de la patrie
Répond: qu'il soit marqué du sceau de l'infamie
Le front du suborneur!

N

Tremblant à ton aspect, contre l'airin qui gronde
Il se fait un rempart de la flamme et de l'onde;
De ses propres foyers il est le destructeur:
Mais loin de retarder ta marche triomphale,
C'est la sombre clarté de sa torche fatale
Qui guide son vainqueur.

N

Déjà de ses cent voix l'agile Renommée
Proclame les succès de ta vaillante armée
Et les faits inouïs du plus grand des Césars;
Par elle l'on apprend de l'un à l'autre pôle
Que le héros jadis vainqueur au Capitole
Règne au palais des Czars.

N

En vain tes ennemis se flattent dans leur rage
Que leurs climats glacés dompteront ton courage;

Tu dis en contemplant tes valeureux soldats:
*Si jamais la victoire, en caprice féconde,
Fuyait pour m'échapper dans un troisième monde,
J'y guiderais leurs pas.*

N

Ainsi qu'on voit les flots d'une mer courroucée
Entraîner dans l'abîme où sa barque est lancée
Le nocher qui s'épuise en efforts superflus,
De même tu franchis la digue qu'on t'oppose,
Fléau des ennemis; ton bras ne se repose
Que lorsqu'ils ne sont plus.

N

Les combats fabuleux des heros du Scamandre,
La valeur de César, les exploits d'Alexandre,
Remplissaient l'univers d'un brillant souvenir;
Tu les as surpassé au temple de Mémoire:
Ton nom, vainqueur du temps, eclipsera la gloire
Des guerriers à venir.

* * *

«Посмотримъ, сказалъ Императоръ, что станутъ дѣлать теперь русскіе; если они еще будутъ избѣгать переговоровъ, мы примемъ свои мѣры. Зимнія квартиры у насъ теперь есть. Мы покажемъ міру, что армія можетъ спокойно зимовать посреди непріятельскаго народа, со всѣхъ сторонъ ее окружающаго—какъ корабль затертый льдами; весною мы опять начнемъ войну—впрочемъ, Александръ не доведетъ меня до этого, мы сговоримся и онъ подпишетъ миръ».

Повидимому, Наполеонъ все предвидѣлъ, все рассчиталъ — одного только не предугадалъ: страшныхъ пожаровъ, до того быстро разгорѣвшихся, при наставшемъ порывистомъ вѣтрѣ, что, съ полуночи самыхъ сутокъ вступленія въ Кремль, вокругъ крѣпости ничего не видно было, кромѣ извивавшагося въ воздухѣ выше облаковъ пламени.

Многіе изъ оставшихся въ Москвѣ жителей, въ страхѣ и смятеніи отъ грабежа и огня, перебѣгавшіе изъ дома въ домъ, были схвачены и, по подозрѣнію въ зажигательствѣ, разстрѣляны.

Первую свою ночь въ Кремлѣ Наполеонъ провелъ въ чрезвычайномъ возбужденіи: на солдатъ, офицеровъ, самого Мортье кричалъ, топалъ ногами, требовалъ прекращенія пожара.

Когда ему донесли, что пламя со всѣхъ сторонъ окружило Кремль — онъ послалъ Бертье на возвышенную террасу дворца провѣрить это, но порывы вѣтра и сила движенія воздуха отъ пожаровъ были такъ велики, что едва не снесли князя съ его офицерами.

Временами императоръ просто столбенѣлъ отъ силы впечатлѣнія, лицо его было красно и покрыто горячимъ потомъ. Король Неаполитанскій, принцъ Евгенийъ и князь Невшательскій умоляли его уйти изъ дворца, но онъ не рѣшался еще бѣжать. «Эти негодяи», жаловался онъ своему слугѣ Констану на поджигателей, «не оставятъ камня на камнѣ въ Москвѣ».

Огонь показывается наконецъ въ самомъ Кремлѣ,

начинаетъ горѣть арсеналь.... тамъ нашли русскаго, его ведутъ къ Наполеону, который самъ допрашиваетъ его! и.... отдаетъ на штыки солдатамъ — это былъ арсенальный сторожъ!

«Слово «невозможно», говорилъ обыкновенно Наполеонъ, не находится въ моемъ словарѣ», но теперь, повидимому, приходилось включить туда и это слово, особенно когда Бертье представилъ, что если онъ не выѣдетъ, а Кутузовъ атакуетъ армію, то онъ, императоръ, окажется отрѣзаннымъ отъ нея....

Императоръ рѣшился оставить Кремль и приказалъ провести себя въ Петровскій дворецъ, но это легче было приказать, чѣмъ сдѣлать: кругомъ было цѣлое море огня, закрывавшаго всѣ выходы изъ крѣпости. Наконецъ, нашли таки проходъ къ Москвѣ рѣкѣ, черезъ который императоръ, его свита гвардія и вышли — чтобы очутиться въ настоящемъ огненномъ адѣ. Офицеры свиты предлагали Наполеону покрыть его плащомъ и пронести на рукахъ, но онъ отказался и разрѣшилъ вопросъ о томъ, какъ выбраться, смѣло бросившись впередъ. Приходилось пройти черезъ огненную арку пламени, обжигавшаго глаза, лицо и, главное, руки, которыми закрывались и защищались отъ искръ и головешекъ, поминутно покрывавшихъ платье.

На счастье солдаты, грабившіе по близости, узнали императора и указали ему дорогу изъ огня. Его волосы были опалены, платье сожжено во многихъ мѣстахъ, обожжены руки, прожжены сапоги.

Здѣсь встрѣтился онъ съ маршаломъ Даву. Увѣряютъ, что князь Экмюльскій, еще страдавшій отъ раны, полученной въ Бородинской битвѣ, узнавши объ опасности, которой подвергался Наполеонъ, устремился къ нему навстрѣчу, чтобы вывести или погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Они бросились, будто бы, въ объятія другъ другу.

За Наполеономъ все главное начальство перешло въ Петровскій дворецъ. Генералъ интендантъ Дюма такъ рассказываетъ о своемъ бѣгствѣ туда. «Была ночь, когда я покинулъ занятый было домъ. Мы вышли изъ Москвы подъ настоящимъ огненнымъ дождемъ; вѣтеръ былъ такъ силенъ, что срывалъ съ крышъ и разбрасывалъ раскаленное желѣзо; наши лошади пережгли свои ноги. Нельзя себѣ даже и представить безпорядка этого стремительнаго бѣгства. Шумъ пожара можно было уподобить только реву волнъ—это была настоящая буря на огненномъ морѣ. Вся дорога до Петровскаго дворца была устлана всевозможными обломками, особенно осколками бутылокъ, набросанными солдатами. Мы стали бивуакомъ на опушкѣ лѣса, откуда смотрѣли на это истинное подобіе ада. Весь громадный городъ представлялъ одну сплошную огненную равнину, пылали небо и весь горизонтъ».

Послѣ пятидневнаго пребыванія въ Петровскомъ, полного всякихъ тревогъ и безпокойствъ, Наполеонъ снова возвратился въ Москву. Надобно замѣтить, что, съ самаго вступленія своего въ Кремль

и за все пребываніе въ Петровскомъ дворцѣ, онъ не сдѣлалъ ни одного военнаго распоряженія— очевидно, онъ былъ такъ подавленъ впечатлѣніемъ пожара, что не зналъ, что предпринять, на что рѣшиться.

Въѣхавши въ Москву, Наполеонъ былъ пораженъ: отъ громаднаго города остались только груды развалинъ, съ кое гдѣ торчавшими трубами; тяжелая, невыносимая атмосфера стояла надъ этимъ павшимъ, обуглившимся колоссомъ... Горы золы и пепла, да мѣстами остатки полуразрушенныхъ стѣнъ или колоннъ указывали направленіе улицъ.

Императоръ увидѣлъ, что вся его армія разбредлась по городу. Даже его проѣздъ былъ затрудненъ множествомъ мародеровъ, искавшихъ добычи и таскавшихъ ее шумными толпами; солдаты толпились у входовъ во всѣ погреба и богатые дома, передъ лавками и церквами, къ которымъ приближался огонь и которыя они считали необходимымъ ограбить. Ему поминутно преграждали дорогу обломки всевозможной мебели, выброшенной изъ оконъ, и всякія награбленные вещи, брошенные грабителями, въ виду чего-нибудь болѣе цѣннаго и лакомаго.—Онъ молча проѣхалъ мимо всего этого.

Однако, безпорядокъ достигъ скоро крайнихъ предѣловъ; даже старая гвардія приняла въ немъ участіе и Наполеонъ рѣшился, наконецъ, на суровыя мѣры, нѣсколько помогшія дѣлу.

Вообще по возвращеніи въ городъ императоръ

сталъ веселѣе, что отразилось и на всѣхъ приближенныхъ. Когда онъ смотрѣлъ въ окна на окружающія картины разрушенія, тяжелыя мысли видимо одолевали еще его и злость на все происшедшее временами обрушивалась на тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе подвергаться въ такую минуту, но не было уже прежнихъ непрерывныхъ знаковъ нетерпѣнія и ярыхъ вспышекъ гнѣва. Больше всего, разумѣется, доставалось Ростопчину—къ счастью для него отсутствовавшему—и поджигателямъ.

Наполеонъ зло смѣялся надъ русскими, отпраздновавшими битву подъ Бородинымъ, какъ первую побѣдоносную встрѣчу своихъ войскъ со вторгшимся непріателемъ. «Въ Россіи служили, говоритъ онъ въ бюллетенѣ, благодарственные молебны за битву подъ Островною и подъ Смоленскомъ—разумѣется армія пришла въ Москву тоже подъ звуки благодарственныхъ гимновъ»...

«Въ домѣ *«негодяя»* Ростопчина, продолжаетъ Наполеонъ, захватили ружья, бумаги и начатое письмо—онъ убѣждалъ, не успѣвъ его кончить... Москва, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ, не существуетъ болѣе; эта потеря неисчислима для русскихъ, для ихъ торговли, для дворянства; ее можно оцѣнить въ нѣсколько милліардовъ. Арестована и разстрѣляна сотня поджигателей. Тридцать тысячъ раненыхъ и больныхъ русскихъ сгорѣло. Богатѣйшіе торговые дома Россіи разорены. Ничего не успѣли вывезти и когда увидѣли, что все попало въ руки

французовъ—сожгли свою первопрестольную столицу, свой святой городъ, центръ имперіи... Это преступленіе Ростопчина. Мы боролись противъ огня, но негодяй губернаторъ принялъ ужасную предосторожность — вывезъ или уничтожилъ пожарные инструменты».

Какъ бы въ отвѣтъ на все это ему доносили изъ Парижа, что невозможно описать того ужаса, изумленія и даже негодованія, которое произвела тамъ вѣсть о пожарѣ Москвы... Можно было понять, что бюллетень, изъ котораго узнали бы теперь, что французскіе солдаты въ теплѣ, одѣты, сыты, произвелъ бы гораздо болѣе впечатлѣнія на общество, нежели всевозможныя извѣстія о побѣдахъ....

Впрочемъ, Наполеонъ, послѣ жалобъ на вѣроломную встрѣчу со стороны города, объявилъ, что «армія его поправляется: у нея много хлѣба, картофеля, капусты и другихъ овощей, говядины, солонины, винъ, водки, сахару, кофе и всего проч. Солдаты нашли много мѣховъ и шубъ для зимы».

«Авангардъ стоитъ на дорогѣ въ Казань, другой на пути къ Петербургу».

Мягче всѣхъ относился Наполеонъ къ императору Александру, который, по его мнѣнію, не задумался бы заключить миръ, если бы только получилъ хоть одно изъ писемъ, къ нему посланныхъ— писемъ грустнаго, меланхолическаго характера.

Изложивши свои великодушныя намѣренія Яковлеву, русскому барину, захваченному на выѣздѣ

изъ Москвы—ограбленному солдатами и представившемуся во фракъ своего камердинера—Наполеонъ послѣ разныхъ упрековъ и выговоровъ, значительно смягчивъ тонъ, спрашиваетъ: «если я напишу письмо, согласитесь ли вы отвезти его; обѣщаете ли, что оно будетъ передано Александру, въ его собственные руки?—Въ такомъ случаѣ я отправлю васъ—но имѣете ли вы возможность дойти до вашего государя и ручаетесь ли вы мнѣ, что онъ получитъ мое письмо?»

Разумѣется, Яковлевъ обѣщаетъ все.

Ночью Наполеонъ встаетъ нарочно, чтобы написать это письмо: «Я воевалъ съ вашимъ величествомъ безъ злобы. Два слова отъ васъ передъ или послѣ послѣдней битвы—я остановился бы, пожертвовалъ бы правомъ вступленія въ Москву. Если ваше величество еще сколько-нибудь расположены ко мнѣ, вы примете въ уваженіе это мое обращеніе къ вамъ...» — «Человѣчество, выгоды вашего величества и этого обширнаго города требовали ввѣрить мнѣ столицу, оставленную вашими войсками», пишетъ онъ далѣе Александру.....

Въ три часа утра онъ отсылаетъ письмо плѣннику, который ѣдетъ съ нимъ черезъ французскіе аванпосты, въ восторгѣ отъ возможности такъ дешево расплатиться за свою оплошность.

Тутолминъ, директоръ Воспитательнаго дома, тоже имѣлъ честь бесѣдовать съ Наполеономъ и слышать изъ его устъ объ уваженіи и братскихъ чувствахъ къ Александру, также какъ и готовности

заклучить миръ. «Я никогда подобнымъ образомъ не воевалъ, говоритъ Наполеонъ Тутолмину; мои войска умѣютъ сражаться, но не жгутъ. Отъ самаго Смоленска я встрѣчалъ только одинъ пепель.... Надо же положить предѣлъ кровопролитію, поранамъ и примириться... мнѣ нечего дѣлать въ Россіи».

Такъ какъ служебныя обязанности не позволяли Тутолмину отлучиться изъ Москвы, то Наполеонъ просилъ его въ первомъ же донесеніи императрицѣ—которое онъ перешлетъ черезъ аванпосты—не забыть замолвить словечко о мирномъ расположеніи его и полной готовности приступить къ переговорамъ о мирѣ.

Не мало беспокоила Наполеона, первые дни по вступленіи въ Москву, неизвѣстность на счетъ мѣстопробыванія русской арміи, совершенно упущенной изъ вида за пожаромъ, грабежемъ и всѣми бѣдами. Наполеонъ сердито выговаривалъ генералу Себастьяни, раздражаясь и осыпая его упреками за потерю слѣдовъ Кутузова. Предполагая, что частые переговоры на аванпостахъ съ русскими послужили поводомъ ко всѣмъ оказавшимся оплошностямъ, онъ приказалъ маршалу Бертье написать Мюрату, чтобы, подъ страхомъ смертной казни, запрещалось входить въ сношеніе съ русскими аванпостами. «Его величеству угодно, писалъ Бертье, чтобы сносились съ непріятелями только ружейными и пушечными выстрѣлами». Впрочемъ, не одинъ Наполеонъ встревожился исчезновеніемъ русской арміи и обрадо-

вался, когда слѣдъ ее отыскался—маршалы тоже опасались одно время, какъ бы Кутузовъ не перерѣзалъ сообщенія французской арміи.

«11 сентября Наполеонъ, по словамъ Кербелецкаго, въ предшествіи двухъ камеръ-пажей, въ сопровожденіи своего генералитета, придворныхъ чиновъ, трехъ русскихъ плѣнныхъ и конвоя, состоящаго изъ эскадрона шассеровъ и польскихъ улановъ, въ первый разъ выѣзжалъ изъ Кремля осматривать разоренную Москву и въ первый разъ, оставя свѣтлосѣрый свой сюртукъ, показался въ мундирѣ. Надлежало думать, что когда у маршаловъ и у всѣхъ генераловъ французскихъ, по общей воинской формѣ, мундиры были вокругъ богато вышиты золотомъ—то императоръ ихъ при семъ случаѣ блеститъ отличнымъ золотымъ шитьемъ и украшенъ будетъ орденами; но онъ, напротивъ того, одѣтъ былъ въ простой армейскій мундиръ темнозеленаго сукна, съ краснымъ воротникомъ, безъ всякаго шитья, съ однѣми только эполетами, со звѣздою на лѣвой сторонѣ и съ алою лентой по камзолу, но которая едва была видна изъ-подъ мундира, и въ низенькой треугольной нараспахъ связанной шляпѣ, съ небольшою кокардой и ѣхалъ на простой польской лошади; подъ генералами же и придворными чиновниками были англійскія, а подъ нами русскія крестьянскія, довольно изморенныя голодомъ. При этомъ выѣздѣ Наполеона, многіе изъ жителей Московскихъ, испившихъ всю чашу бѣдствій отъ нашествія на нихъ иноплемениковъ, увидѣвъ

издали многочисленную свиту, убѣгали прочь. Другіе, бывъ посмѣлѣе, отваживались украдкою выглядывать изъ-за обвалившихся стѣнъ. Напослѣдокъ, въ одномъ переулкѣ, близъ Охотнаго ряда, одѣтая въ лохмотья толпа мѣщанъ, человѣкъ до 40, на коихъ отъ страху, отъ голоду и холоду едва подобіе человѣческое осталось, выждавъ когда свита приблизилась къ переулку, падаютъ на колѣни, простираютъ къ ино-племенному государю свои руки, вопіютъ о претерпѣнномъ ими грабежѣ и всеконечномъ разореніи, и просятъ пощады и хлѣба!»

«Но сей жестокій человѣкъ поворотилъ отъ нихъ лошадь свою вправо и не удостоилъ ихъ своего взгляда, и только приказалъ статсъ-секретарю своему узнать о чемъ они просятъ?»

«Тогда по всему пространству Москвы представлялся мрачный образъ неизъяснимаго ужаса и совершеннаго заустѣнія. Уцѣлѣвшіе отъ пожара дома были разграблены, а церкви пограблены и обруганы. Вездѣ валялись по мостовымъ разбросаны и разорваны, либо разбиты, либо разломаны: люстры, зеркала, столовая посуда, мебель, картины, книги, утварь церковная и даже священные лики угодниковъ Божіихъ....»

Какъ уже помянуто, грабежъ, разъ допущенный, трудно было остановить, несмотря на самыя строгія запрещенія и угрозы. Своевольство стало такъ велико, что, наприм., Себастіани признавался приходившимъ съ жалобами, что онъ не въ силахъ

удерживать солдатъ. Мало того, самъ императоръ терпѣлъ отъ своеволія и забвенія дисциплины. Въ приказѣ отъ 22 сентября сказано, «что, не взирая на всѣ повелѣнія, караулы не исполняютъ своей обязанности; ночью часовые не окликаютъ прохожихъ!» 24 сентября: «сегодня на разводѣ офицеры не салютовали шпагой императору». Оберъ-церемоніймейстеръ дворца жаловался на то, что, «несмотря на неоднократное запрещеніе, солдаты продолжаютъ отдавать долгъ природѣ во всѣхъ дворахъ дворца, даже подъ самыми окнами императора».

Не весело проводилъ Наполеонъ время въ Кремлѣ—дни были долги и тяжелы. Онъ ждалъ отъ Александра отвѣта, который не приходилъ. Между прочимъ, его приводило просто въ отчаяніе громадное количество галокъ и воронъ, о которыхъ онъ говорилъ: «Боже ты мой, неужели онѣ всюду слѣдуютъ за нами».

Почти ежедневно Наполеонъ прогуливался по городу верхомъ: онъ ѣздилъ на маленькой бѣлой арабской лошади, въ сопровожденіи нѣсколькихъ генераловъ, адъютантовъ и пятидесяти уланъ. Никогда ни съ кѣмъ не говорилъ онъ на улицѣ.

Какъ уже раньше сказано, въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ, былъ устроенъ театръ для солдатъ и офицеровъ арміи, но самъ Наполеонъ ни разу тамъ не былъ. Иногда, по вечерамъ, онъ игралъ въ карты съ Дюрокомъ. Было дано нѣсколько концертовъ во дворцѣ: пѣлъ итальянецъ Тар-

квинію, недавно приїхавшій въ Москву изъ Милана, также игралъ піанистъ Мартини, но императоръ слушалъ ихъ съ печалью въ сердцѣ. «Салонная музыка, замѣчаетъ Констанъ, не трогала болѣе его больной души» — очевидно, всѣ эти развлечения, какъ и прогулки по городу, не разсѣвали тяжелыхъ думъ, направленныхъ къ разрѣшенію неразрѣшимой задачи: какъ полную неудачу похода представить передъ Европой великимъ успѣхомъ, какъ ловкимъ движеніемъ выйти изъ безвыходнаго положенія?

Постоянно, несмотря ни на какую погоду, Наполеонъ дѣлалъ смотры и парады гвардіи и гарнизону, съ раздачею наградъ и крестовъ почетнаго легіона; о послѣдней церемоніи одинъ очевидецъ такъ рассказываетъ: «небольшой полный человѣчекъ спустился съ лѣстницы дворца; его окружала многочисленная свита маршаловъ и генераловъ. Военная музыка дала знать о его прибытіи и онъ подошелъ шаговъ на пятьдесятъ къ фронту войскъ. Онъ былъ въ зеленомъ мундирѣ, а шляпа была надвинута до самыхъ глазъ, злыхъ и проницательныхъ. Лента почетнаго легіона была такъ скрыта подъ мундиромъ, что не всегда была замѣтна. Иногда при этихъ церемоніяхъ онъ произносилъ рѣчи... При имени каждаго новоназначеннаго кавалера музыка играла тушь... Судя по гордому взгляду Наполеона, онъ вполнѣ чувствовалъ и признавалъ свое могущество»....

Тѣмъ временемъ становилось ясно, что Александръ не удостоивалъ Наполеона отвѣтомъ—это была кровная обида и онъ страшно разсердился. «3 октября (21 сентября), рассказываетъ Сегюръ, послѣ бессонной ночи, проведенной въ безпокойствѣ, онъ зоветъ маршаловъ. Лишь только входятъ они: «войдите, войдите, говоритъ онъ, прослушайте новый планъ, который я составилъ. Принцъ Евгеній, читайте: сжечь остатокъ Москвы; идти черезъ Тверь на Петербургъ, куда Макдональдъ придетъ на соединеніе съ нами! Мюратъ и Даву пойдутъ въ арріергардъ... Въ сильномъ волненіи онъ смотритъ на своихъ генераловъ, остающихся холодными, молчаливыми, повидимому только удивленными. Воспламеняясь самъ, чтобы подогрѣть и ихъ энтузіазмъ, онъ восклицаетъ: «да вы ли это? Неужели эта мысль васъ не увлекаетъ. Представлялся ли когда-нибудь болѣе высокій военный подвигъ?.... Какою славою мы покроемся и что скажетъ свѣтъ, когда узнаетъ, что въ три мѣсяца мы покорили обѣ великія столицы сѣвера?»

Но Даву и Дарю противопоставляютъ его увлеченію время года, недостатокъ провіанта, голую, голодную, къ тому же больше воображаемую, дорогу изъ Твери въ Петербургъ, идущую по болотамъ, и которую триста человѣкъ крестьянъ, въ нѣсколько часовъ, сдѣлаютъ непроходимой! За чѣмъ идти на сѣверъ навстрѣчу зимѣ, призывать ее—она безъ того ужъ тутъ. А что бу-

детъ съ шестью тысячами раненыхъ въ Москвѣ? Ихъ придется выдать Кутузову! Вѣдь онъ пойдетъ слѣдомъ за арміею—надобно будетъ въ одно время защищаться и атаковать, побѣждать и убѣгать! Теперь нужно оканчивать, а не затягивать кампанію, говорятъ они Наполеону. Вопросъ не въ лишней побѣдѣ, а въ томъ, чтобы поскорѣе добратъ-ся до зимнихъ квартиръ, по самой короткой доро-гѣ. Надобно бросить и Кутузова и битвы съ нимъ и уходить.

Пришлось не только выслушивать такіе совѣты, но и слѣдовать имъ. Прошло время, когда Наполеонъ говорилъ о своихъ маршалахъ: «эти люди думаютъ, что они очень нужны, а не знаютъ того, что у меня сотни бригадныхъ генераловъ, которые вполне могутъ замѣнить ихъ».

Маршалы хорошо понимали не только опасность близости зимы, но и ненадежность состоянія войскъ. Со времени прихода въ Москву гордость Наполеона заставляла его держаться въ полнѣйшемъ невѣдѣніи относительно этого предмета. Онъ все представлялъ себѣ армію въ томъ видѣ, въ какомъ желалъ ее имѣть, и преспокойно раздавалъ соот-вѣтственные этому приказанія; онъ не слушалъ ге-нераловъ, пробовавшихъ вывести его изъ заблужде-нія, и рѣшался дѣлать настоящія распоряженія только тогда, когда необходимость ихъ бросилась въ глаза, когда было уже поздно....

Въ виду упрямства маршаловъ и нежеланія

Россіи принять поздно. протянутую руку, Наполеонъ выказалъ замѣчательныя добродушіе и заботливость о счастіи воевавшихъ народовъ, рѣшившись добиться мира во что бы то ни стало. Напрасно говорилъ ему Коленкуръ, котораго онъ хотѣлъ сначала послать въ Петербургъ, что, въ это время года, Россія должна чувствовать свою силу и превосходство, что такая попытка будетъ скорѣе вредна, такъ какъ выкажетъ затруднительность его положенія—Наполеонъ, боявшійся больше всего необходимости произнести слово «отступленіе», рѣшился еще разъ поставить на карту свое обаяніе: не допуская, по воспоминанію Тильзита и Эрфурта, чтобы изъ Москвы это обаяніе было меньше, чѣмъ изъ Парижа, рѣшился послать въ главную квартиру Кутузова, генерала Лористона.

Тотъ также почтительно замѣтилъ, что, въ это время года, нужно не переговариваться, а отступать на Калугу и возможно скорѣе. Наполеонъ зло и ядовито отвѣтилъ: «что любить только планы самые простые, дороги самыя прямыя, большія дороги, въ данномъ случаѣ, ту, по которой онъ пришелъ; но что онъ не хочетъ идти по ней иначе, какъ послѣ заключенія мира». Потомъ, показавши, какъ и Коленкуру, письмо, которое онъ написалъ Александру, приказалъ отправиться къ Кутузову и потребовать пропуска въ Петербургъ. Вся безвыходность положенія Наполеона высказалась при этомъ въ послѣднихъ словахъ, обращенныхъ къ Ло-

ристону: «Я хочу мира, слышите! дайте мнѣ его во что бы то ни стало! — только честь какъ-нибудь спасите!!»

«Старая лиса» Кутузовъ хорошо понималъ необходимость предоставить Наполеону время «изжариться въ Москвѣ въ своемъ соку»; она убаюкала Лористона съ такимъ искусствомъ, что бѣдный посолъ въ значительной степени поддался надеждѣ на скорый миръ, а главное внушилъ ее своему повелителю, который рѣшился еще ждать!

Однако, въ ожиданіи этого желаннаго мира, положеніе французской арміи начало дѣлаться критическимъ: стала разгораться партизанская война. На фуражировки приходилось посылать отряды подъ сильными прикрытіями не только кавалеріи, но и пѣхоты, даже артиллеріи; всякую мѣру овса, каждую связку сѣна приходилось брать съ боя.

Выступили на сцену крестьяне, на которыхъ Наполеонъ приучилъ свои народы смотрѣть только какъ на наслѣдственныхъ рабовъ и дикарей, но которые начали проявлять самосознаніе и волю, отказались принять насильно навязываемыя чужеземцемъ благодѣянія.

Понимая ужасъ своего положенія въ этой странѣ, чувствуя, что его обманываютъ, но не смѣя порвать своихъ заигрываній съ русскимъ правительствомъ, Наполеонъ старался изыскать способы сдѣлать миръ необходимымъ для противника. Онъ приказалъ собрать всевозможныя свѣдѣнія о пуга-

чевскомъ бунтѣ, особенно добыть одно изъ послѣднихъ воззваній самозванца, гдѣ разсчитывалъ найти указанія на фамліи, каторыя имѣли бы права на русскій престолъ. Въ этихъ розыскахъ обращались за совѣтомъ къ кому попало. Однако, увидавъ скоро, что трудно сдѣлать что-либо съ этой стороны, Пугачева бросили.

Татарамъ предлагали идти въ Казань призывать своихъ соотечественниковъ къ независимости, обѣщая имъ поддержку какъ только поднимутся. Но и тутъ ничего не вышло.

Оставались прямые переговоры о мирѣ, въ подмогу которымъ были пущены всевозможные слухи: «что Рига взята приступомъ, что вся дорога отъ Вильны до Смоленска занята обозами, которые везутъ зимнее платье въ армію; что маршалъ Викторъ ведетъ значительныя подкрѣпленія, что къ наступающей веснѣ армія будетъ такъ же сильна и хорошо вооружена, какъ при вступленіи въ Россію, словомъ, что если русскіе не заключатъ мира въ эту зиму, то императоръ приметъ крайнія мѣры.....»

Всѣ эти слухи и замыслы не привели, однако, ни къ чему, отвѣта изъ Петербурга попрежнему не было, а война принимала все болѣе и болѣе угрожающій характеръ—партизаны, со священникомъ впереди, взяли городъ Верею, около самой Москвы, подъ носомъ у великой арміи.

Война была вездѣ: впереди, на флангахъ, въ

тылу—видимо громадное завоеваніе распадалось и Наполеонъ принужденъ былъ отказаться отъ составленнаго имъ мнѣнія насчетъ системы, которой должны были бы держаться русскіе при защитѣ своей родины—ихъ система оказывалась лучшею. Атакованные въ центрѣ, они устремили свои усилія на фланги и грозили осилить!

Главное—приближалась зима. Наполеонъ зналъ объ этомъ, волновался и началъ тихо готовиться уходить.

Съ несчастною Москвой не церемонились: приказано было обдирать ризы съ иконъ, и вмѣстѣ съ паникадилами, крестами, сосудами переливать въ металлъ. Семнадцать пудовъ золота и 365 пудовъ серебра было приготовлено въ слиткахъ для отправки во Францію. Кромѣ того были взяты многіе «трофеи»: гербъ Москвы, со зданія Сената, орелъ, съ Никольскихъ воротъ, крестъ съ колокольни Ивана Великаго. На операцію снятія этого гигантскаго креста потрачено было не мало трудовъ и времени. Императоръ захотѣлъ украсить имъ церковь инвалиднаго дома въ Парижѣ и, самъ наблюдая за работой, сердился на то, что «проклятыя галки, тучами носившіяся надъ колокольней, какъ будто хотѣли защищать свой крестъ!» Увѣряютъ, что Бертъе, герцогъ Ваграмскій, стоявшій во время работъ, по съемкѣ этого креста, съ генераломъ Дюма, на балконѣ покоевъ императрицы, не утерпѣлъ, чтобы не выразить своего негодованія:

можно ли дѣлать подобныя вещи, почти имѣя уже миръ въ карманѣ! *)

Незадолго до выхода изъ Москвы, былъ отданъ весьма странный приказъ. Всѣ начальники корпусовъ должны были представить цифровыя данныя числа больныхъ, которые могли бы поправиться 1) черезъ недѣлю, 2) черезъ двѣ недѣли, 3) черезъ мѣсяцъ, 4) количества людей, долженствовавшихъ умереть черезъ двѣ недѣли, 5) черезъ три недѣли; приказано было озаботиться перевозкою только означенныхъ подъ № 1, всѣхъ остальныхъ предполагалось оставить. Не менѣе удивителенъ былъ приказъ, въ странѣ совершенно опустошенной, закупить ни болѣе ни менѣе какъ 20,000 лошадей; также запастись фуражемъ на 2 мѣсяца—въ мѣстахъ, по которымъ самыя дальнія и опасныя фуражировки были не въ состояніи доставлять нужнаго количества фуража, на ежедневныя потребности

Въ послѣднее время пребыванія въ Москвѣ, снова, какъ за время великаго пожара, угнетенное состояніе Наполеона стало сказываться вснышками. Это бывало при пріемахъ по утрамъ, когда, окруженный начальниками арміи, подъ ихъ пытливыми взглядами, казавшимися ему укоризненными, онъ

*) Каково было состояніе духа Наполеона и чего стоило ему сознаніе тяжести своего положенія, знали его служащіе, неловко попадавшіе подъ руку: „вѣрный мамелюкъ Рустанъ, рассказываетъ Солтыкъ, подавшій разъ лѣвый сапогъ на правую ногу, ударомъ поска былъ отброшенъ навзничь“.

будто вызывалъ всѣхъ своимъ строгимъ видомъ; рѣзкій отрывистый голосъ и блѣдность лица показывали, что онъ понималъ истину и что она не давала ему покоя. Тутъ иногда его сердце изливалось на окружающихъ въ жесткихъ, рѣзкихъ выговорахъ, не облегчавшихъ, а скорѣе увеличивавшихъ его пытку, сознаніемъ своей несправедливости.

Только во время бессонныхъ ночей, въ бесѣдахъ съ графомъ Дарю, по словамъ Сегюра, онъ вполнѣ открываетъ свою душу: «онъ хочетъ, по его словамъ, ударить на Кутузова, уничтожить его или отбросить, потомъ быстро поворотить къ Смоленску».—Но Дарю ему отвѣчаетъ, что раньше это можно было сдѣлать, но теперь поздно; что русская армія устроилась, а его ослабла, и побѣда подъ Можайскомъ забыта; что какъ только его армія повернется къ сторонѣ Франціи—она у него проскользнетъ между пальцевъ, такъ какъ всякій солдатъ, нагруженный добычей, побѣжитъ теперь впередъ во Францію, торговать.

«Такъ что же дѣлать?»—Остаться здѣсь, отвѣчаетъ Дарю; сдѣлать изъ Москвы большой укрѣпленный лагерь и провести въ немъ зиму. Хлѣба и соли хватить — онъ отвѣчаетъ за это. Для прочаго достаточно будетъ большихъ фуражировокъ. Лошадей, которыхъ нечѣмъ будетъ кормить, онъ послать. Что касается помѣщеній, то, если домовъ мало, такъ погребовъ достаточно. Съ этимъ можно будетъ переждать до весны, когда подкрѣпленія и

вся вооруженная Литва выручатъ и помогутъ довершить завоеваніе.

Передъ этимъ предложеніемъ императоръ сначала молчитъ, видимо раздумывая, потомъ отвѣчаетъ: «Львиный совѣтъ! но что скажетъ Парижъ! Что тамъ будутъ дѣлать? Что тамъ дѣлается за эти послѣднія три недѣли? Кто можетъ предвидѣть впечатлѣніе шестимѣсячной неизвѣстности на парижанъ? — Нѣтъ, Франціи не привыкнуть къ моему отсутствію, а Пруссія и Австрія воспользуются имъ!»

И такъ уже Наполеонъ искусственно подогрѣвалъ усердіе союзниковъ. Подтверждая раньше данныя Шварценбергу инструкціи и дѣлая новыя распоряженія, онъ не забывалъ «жаловать ему 12,000 франковъ въ мѣсяцъ, на секретныя издержки», приказывалъ выплатить «въ счетъ будущаго» 500.000; не отказывалъ ни въ одной изъ наградъ, по представленію генерала, и ходатайствовалъ передъ австрійскимъ императоромъ о чинѣ фельд-маршала для него, также о разныхъ отличіяхъ для его арміи.

Со своей стороны Шварценбергъ, платя дружбой за дружбу, секретно увѣдомилъ Бертье, что императоръ можетъ разсчитывать на него лично, но не долженъ разсчитывать на Австрію.....

И все-таки Наполеонъ еще не рѣшался открыто объявить о своемъ намѣреніи уйти. Все казалось ему потеряннымъ, если удивленная Европа увидитъ его отступающимъ, и все спасеннымъ—если удастся

переспорить Александра настойчивостью; почти уже побѣжденный, онъ откладывалъ со дня на день публичное признаніе своего пораженія.

Среди военныхъ и политическихъ тучъ, около него собиравшихся, всегда прежде лихорадочно дѣятельный, Наполеонъ въ полномъ смыслѣ бездѣйствовалъ: онъ проводилъ дни въ толкахъ о достоинствахъ или другихъ одъ и посланій, полученныхъ за послѣднее время изъ Франціи, образцы которыхъ были приведены, или за редакціей правилъ управленія Французскою комедіей въ Парижѣ, на которую положилъ цѣлыхъ три вечера. Всѣ замѣчали, что его обѣды и ужины, обыкновенно простые и короткіе, стали затягиваться, и что онъ началъ поддерживать себя ликерами, видимо ища возможности забыться. Видѣли его отяжелѣвшимъ, проводящимъ цѣлые часы въ полулежащемъ положеніи, съ романомъ въ рукѣ и глазами, обращенными въ пространство... въ ожиданіи развязки.

Письмо его къ Александру, посланное Лористономъ въ Петербургъ съ Волконскимъ, должно было пойти 24 сент. /6 окт. и отвѣтъ не могъ придти раньше 8/20 октября — очевидно Наполеонъ ждалъ этого числа. По словамъ Констана, «послѣдніе дни пребывания въ Москвѣ, предшествовавшіе 18-му окт., были донельзя печальны: его величество былъ какъ-то умышленно холоденъ и несообщителенъ; по цѣлымъ часамъ никто изъ присутствовавшихъ не рѣшался начинать разговора».

Въ это время, какъ всегда, официальные извѣстія, бюллетени и «Мониторъ» не говорили правды и всякое незначительное признаніе какой-нибудь военной неудачи непременно сопровождалось усиленною похвалой: «21 сентября/3 окт. въ Москвѣ начинаютъ чувствовать зиму... Наши войска расположены по квартирамъ и наблюдаютъ удивительную дисциплину.... Мы нашли въ Москвѣ всѣ знамена, взятые русскими у турокъ въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ слишкомъ».

Мюратъ прислалъ въ это время отчаянное допесеніе изъ авангарда о голодѣ и систематическомъ истребленіи остатковъ кавалеріи, но это допесеніе испугало только Бертье; Наполеонъ же призвалъ офицера, его привезшаго, сталъ его расспрашивать, передопрашивать и довелъ до того, что тотъ, видя увѣренность императора, самъ усомнился въ своихъ показаніяхъ. Наполеонъ тотчасъ воспользовался его колебаніемъ, чтобы поддержать надежду въ Бертье, заверить его, что можно еще подождать, и затѣмъ отослалъ офицера обратно къ Мюрату, въ увѣренности, что онъ распространитъ въ авангардѣ мнѣніе, будто императоръ имѣетъ твердо обдуманый и установленный планъ.

Нельзя думать, чтобы Наполеонъ самъ вполне довѣрялъ своему оптимизму; главнымъ двигателемъ его поступковъ, очевидно, была нерѣшительность. Всѣ окружающіе удивлялись полному отсутствію въ немъ прежней живой, быстрой, сообразной требованію, рѣшимости; видѣли, что геній его раз-

учился прилаживаться къ обстоятельствамъ, какъ это бывало при его возвышеніи: тутъ онъ упирался, спорилъ, не желая мириться съ крушеніемъ своихъ плановъ. Не только военные замыслы, но и всѣ другія затѣи, при успѣхѣ пазываемыя геніальными, а при неудачѣ позорными и безчестными—не удавались ему, разлетались какъ дымъ. — Къ числу такихъ неудачныхъ затѣй, кромѣ помянутыхъ попытокъ возмутить крестьянъ и татаръ, надобно отпести и горькій промахъ съ поддѣльными бумажками, которыхъ было сфабриковано на 100.000.000 рублей. Сомнѣваться въ существованіи этихъ 100-рублевыхъ ассигнацій парижскаго происхожденія нельзя. Въ одномъ изъ писемъ Бертье есть жалоба на потерю послѣдней коляски, въ которой были «самыя тайныя бумаги»—въ этой коляскѣ найдена была улика мошенничества: доска для дѣланія сторублевыхъ русскихъ ассигнацій.

Всевозможныя предосторожности были приняты передъ войной, чтобы парижскіе художники, которымъ поручено было гравированіе досокъ, не догадались для какого позорнаго дѣла они работаютъ. Поддѣлка производилась медленно, что сердило Наполеона, не разъ подтверждавшаго объ ускореніи дѣла. Кампанія уже началась, когда привезли 28 ящиковъ съ фальшивыми бумажками, и если онъ не успѣлъ пустить ихъ въ оборотъ, то только потому, что путь былъ безлюденъ, некому было платить, некого награждать.

Еще весною 1812 года герцогъ Бассано передалъ варшавскому бапкиру Френкелю на 20.000.000 фальшивыхъ денегъ съ порученіемъ пускать ихъ въ русскіе предѣлы, по мѣрѣ вступленія французовъ и въ помощь операціи былъ распущенъ слухъ, будто, при занятіи французами Вильны, было захвачено на многіе милліоны ассигнацій—но слухъ этотъ не помогъ дѣлу. Исправлявшій должность московскаго городского головы купецъ Находкинъ, получившій за свою податливость 100.000 рублей, Поздняковъ и Кольчугинъ и др., награжденные изъ того же источника, не рѣшились распространять эти деньги, а почтенный директоръ воспитательнаго дома Тутолминъ прямо отказался принять такую помощь: «ихъ была одна злобность», писалъ онъ въ донесеніи императрицѣ, «чтобы ссужать меня своими фальшивыми ассигнаціями, коихъ привезли съ собою весьма большое число и ими даже, по повелѣнію Наполеона, выдавали своимъ войскамъ жалованье». Гвардія неохотно принимала эти бумажки, хотя онѣ были хорошо поддѣланы и по ошибкѣ были даже принимаемы послѣ русскими банками.

Бездѣтельность Наполеона отражалась и на другихъ. Только 5/17 октября роздана была, по приказанію начальника штаба Бѣртъе, кожа войскамъ для починки обуви—слишкомъ поздно. Трофеи, болѣе легко раненые и выздоравливающіе направлены, тоже поздно, на Можайскъ; остальные, болѣе трудные,

свезены въ воспитательный домъ и къ нимъ приставили французскихъ докторовъ, въ надеждѣ, что вмѣстѣ лежащіе русскіе раненые будутъ ихъ защитой.

Наполеонъ стянулъ къ Москвѣ корпуса, стоявшіе за городомъ, и чаще прежняго сталъ дѣлать имъ смотры. Замѣтно укоротившіеся ряды батальоновъ не могли не рѣзать ему глазъ, и онъ приказалъ строить людей не въ три, а двѣ шеренги—была ли въ этомъ сознанныя необходимость или онъ хотѣлъ обмануть себя и другихъ протяженіемъ линій войскъ—трудно сказать.

Во время одного изъ такихъ смотровъ, на кремлевскомъ дворѣ, между свитою прошелъ слухъ, что, по направленію расположенія авангарда, слышны орудійные выстрѣлы. Никто не рѣшался сначала обратить на это вниманіе Наполеона; Дюрокъ осмѣлился, наконецъ, доложить и всѣ замѣтили, что императоръ совершенно измѣнился въ лицѣ. Однако, онъ быстро оправился и сталъ было продолжать смотръ, но въ это время прискакалъ адъютантъ Мюрата съ извѣстіемъ: «что первая линія короля, захваченная врасплохъ, опрокинута; лѣвый флангъ его, подъ прикрытіемъ лѣса, обойденъ, правый атакованъ, сообщеніе отрѣзано. Двѣнадцать пушекъ, двадцать зарядныхъ ящиковъ, множество повозокъ и багажа взято, два генерала убито и потеряно отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ; наконецъ, раненъ самъ король, который

вырвалъ у непріятеля остатки отряда, только благодаря многимъ жаркимъ атакамъ на многочисленныя непріятельскія войска, занявшія было у него въ тылу единственный путь отступленія. Мюратъ доносилъ, что «авангардъ болѣе не существуетъ, такъ какъ изнуренныхъ остатковъ его хватить еще развѣ на одинъ ударъ, на одну битву съ непріятелемъ, сдѣлавшимся болѣе смѣлымъ, чѣмъ когда-либо».

Это было 6/18 октября. Война возобновлялась, по понятіямъ французовъ—только что начиналась, по словамъ Кутузова.

При извѣстіи объ этомъ нападеніи въ Наполеонѣ сказала вся прежняя энергія: тысячи приказаній всевозможнаго характера, отъ самыхъ важныхъ до самыхъ мелочныхъ, сразу вылились изъ его головы. Къ вечеру этого дня вся армія уже пришла въ движеніе. До свѣта 7/19 октября императоръ самъ выступилъ изъ Москвы, громко объявивши, что «двигается на Калугу, и горе тому, кто вздумаетъ преградить ему дорогу».

Онъ выѣхалъ изъ Москвы по старой Калужской дорогѣ, въ намѣреніи добратся до границъ Польши черезъ Калугу, Медынь, Ельню и Смоленскъ. Одинъ изъ окружавшихъ его, Раппъ, замѣтилъ, что «уже поздно и что зима захватитъ ихъ на дорогѣ, но императоръ возразилъ, что нужно было дать солдатамъ время отдохнуть и поправиться, а больнымъ изъ Можайска, Москвы и Колоцкаго монастыря выбратся къ Смоленску; указывая затѣмъ

на чистое голубое небо, онъ спросилъ: «развѣ они не узнаютъ его счастливой звѣзды въ этомъ солнцѣ, въ чудной погодѣ, которая продолжала держаться?» — «Нехорошее выраженіе его лица, говоритъ одинъ изъ очевидцевъ, прямо противорѣчило этимъ словамъ надежды и папускной увѣренности».

И тутъ, какъ всегда, даже ближнимъ его трудно было разобратъся въ правдѣ или неправдѣ его словъ. Въ виду ясныхъ донесеній, нельзя предположить, напр., чтобы незнакомство съ истиннымъ положеніемъ дѣла было причиной полного извращенія значенія авангарднаго дѣла Мюрата. Это была извѣстная битва при Тарутинѣ, съ которой фактически начался погромъ французской арміи, участвовавшей въ этомъ дѣлѣ въ числѣ 50.000 человекъ, совершенно обращенной въ бѣгство, потерявшей до 4.000 убитыми и ранеными, 38 орудій, 1 штандартъ и весь обозъ *).—Однако, Наполеонъ описываетъ дѣло,

*) Битва навѣрное кончилась бы плѣненіемъ всего отряда Мюрата, если бы Кутузовъ, не одобрявшій этого сраженія, не отказалъ Беннгсену въ поддержкѣ. Кутузовъ полагалъ, что подобно какъ можно долѣе оставить Наполеона и его войска въ Москвѣ и по окрестностямъ въ покоѣ, чтобы вѣрнѣе удержать ихъ до морозовъ, и былъ справедливъ въ этомъ; но разъ, что онъ уже дозволилъ движеніе на забывшаго всякую осторожность непріятеля, то непростительно было не оказать, просимой, въ самый разгаръ битвы, помощи. Данною имъ возможностью, хоть и съ потерями, отойти французы всецѣло обязаны Кутузову и его ближайшимъ совѣтникамъ Толю и Кайсарову.—Разсказываютъ еще, что генераль О. Д. едва держался этотъ день въ сѣдлѣ, разсказываютъ... многое другое.

въ бюллетенѣ, такъ: «У непріятеля появляется множество казаковъ, которые беспокоятъ нашу конницу. Авангардъ кавалеріи, расположенный передъ Винковымъ, атакованъ былъ врасплохъ толпою этихъ казаковъ, которые явились въ лагерь прежде нежели наши успѣли сѣсть на лошадей, захватили обозъ генерала Себастьяни, состоявшій изъ ста повозокъ, и взяли около сотни въ плѣнъ. Неаполитанскій король сѣлъ на лошадь съ кирасирами и карабинерами, примѣтивъ непріятельскую колонну легкой пѣхоты, состоявшую изъ четырехъ батальоновъ, посланную для подкрѣпленія казаковъ, ударилъ на нее, разбилъ и изрубилъ. Генераль Дези, адъютантъ короля, храбрый офицеръ, былъ убитъ въ этой стычкѣ, приносящей честь карабинерамъ».

Лишь только Наполеонъ убѣдился, черезъ новое посольство въ русскій лагерь, что Кутузовъ не предпринялъ никакого движенія и стоитъ на старомъ мѣстѣ, онъ выступилъ къ Калугѣ, въ обходъ русскихъ войскъ, избѣгая сраженія. Надо полагать, что онъ говорилъ о намѣреніи разбить Кутузова и съ боя открыть путь своимъ войскамъ на зимнія квартиры только для поднятія упавшаго духа солдатъ и офицеровъ и отвлеченія глазъ Европы. Онъ долженъ былъ понимать, что его войска могли драться и защищать громадную награбленную добычу, но побѣждать уже не могли *).

*) Нельзя безъ улыбки читать у Тьера одобреніе плана Наполеона если такой нелѣпый планъ могъ существовать—

Отступавшая французская армія растянулась на громадномъ пространствѣ. Въ этой колоннѣ почти въ полтораста тысячъ человѣкъ, при пятидесяти тысячахъ лошадей—сто тысячъ шедшихъ впереди, въ равцахъ, съ оружіемъ, при пятистахъ пятидесяти пушкахъ и двухъ тысячахъ артиллерійскихъ повозокъ, еще напоминали тѣхъ воиновъ, которые покорили Европу—остальное походило на татарскую орду, возвращающуюся съ удачнаго набѣга. На протяженіи трехъ, четырехъ безконечныхъ линій движенія стояла полная толкотня и смѣшеніе колясокъ и зарядныхъ ящиковъ, богатыхъ каретъ и всевозможныхъ телѣгъ. Здѣсь трофеи знаменъ, русскихъ, турецкихъ и персидскихъ, съ громаднымъ крестомъ Ивана Великаго; тамъ русскіе бородатые крестьяне, тащащіе французскую добычу, которой они тоже составляютъ часть; другіе тянутъ руками телѣжки, наполненныя всѣмъ, что только удалось увезти—глупцы конечно не дойдутъ до перваго привала, но передъ ихъ жадностью 2—3 тысячи верстъ ничего не значатъ. Элегантныя кареты ве-

провести съ арміей зиму въ Калугѣ, въ климатъ болѣе умеренномъ, сохраняя сообщеніе съ Смоленскомъ и въ тылу съ Москвою.

На основаніи этого соображенія, Наполеонъ сохранилъ бы обладаніе Кремлемъ (?), поручивъ защиту его маршалу Мортье съ четырьмя тысячами спѣшенной конницы (?), изъ которыхъ были бы составлены батальоны пѣхоты, оставивъ тамъ самыя тяжелыя военныя принадлежности, раненыхъ, больныхъ, отсталыхъ, и такимъ образомъ снабдивъ опытнаго маршала 10-титысячнымъ гарнизономъ и продовольствіемъ на 6 мѣсяцевъ.

зутся маленькими лошадьми, запряженными веревками; въ нихъ награбленное добро и французскія женщины, проживавшія прежде въ Москвѣ и теперь убѣгавшія изъ боязни мести москвичей. Видно также немало русскихъ женщинъ, частью по принужденію, частью по своей волѣ слѣдующихъ за арміей.— «Можно было подумать, говорятъ очевидцы, что это какой-то караванъ кочующаго народа, подобіе одной изъ древнихъ армій, возвращающейся послѣ грабежа, съ рабынями и всякимъ добромъ».

Несмотря на ширину дороги и крики копвоя, Наполеонъ едва успѣваетъ протискаться черезъ эту безконечную толпу—на него начинаютъ уже мало обращать вниманія.

Въ молчаніи пробрался онъ впередъ и направился по старой Калужской дорогѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ онъ ѣхалъ въ этомъ направленіи, потомъ, въ середниѣ дня, на высотѣ Красной Пахры, вдругъ свернулъ съ арміей направо и черезъ поля, въ три перехода, дошелъ до новой дороги въ Калугу, прикрывши свое движеніе корпусами Нея и остатками кавалеріи Мюрата. Инсьюмо Бертье къ Кутузову, помѣченное днемъ выхода изъ Москвы и трактовавшее о вопросахъ чело-вѣколюбія, было военною хитростью, имѣвшею именно цѣлью усыпить бдительность русскихъ и дать возможность выиграть день - другой спокойнаго отступленія.

Хитрость едва не удалась; случилось, однако,

что русскій партизанъ Фигнеръ высмотрѣлъ отступавшую армію и увѣдомилъ о выходѣ ея изъ Москвы довольно безопасно стоявшаго въ Леташевкѣ Кутузова, тотчасъ двинувшагося параллельно съ нею, къ Калугѣ же.

Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Наполеонъ меньше заботился о сохраненіи награбленнаго добра и шелъ скорѣе — онъ предупредилъ бы русскихъ; но, двигаясь не спѣша, какъ позволяли обстоятельства, онъ сдѣлалъ непоправимую ошибку, опоздалъ....

«Никогда, говоритъ Fezensac, французская армія не таскала за собой столько повозокъ. Всякая рота запаслась телѣгой для провизіи и когда не могла увезти всю, которую имѣла, то лишнее сжигала, па что полковые командиры не обращали вниманія».

«Всѣ и гвардія въ особенности, рассказываетъ René Bourgeois, были *нагружены* золотомъ, серебромъ и массою драгоценныхъ вещей, набитыхъ всюду, въ ущербъ провизіи, такъ что, уже не въ далекомъ разстояніи отъ Москвы, армія стала нуждаться въ предметахъ первой необходимости. У рѣдкаго офицера не было мѣховъ, но у большинства солдатъ не было другой одежды кромѣ мундира и шинели, а обувь — въ самомъ печальномъ видѣ. У рѣдкаго офицера не было также въ каретѣ или повозкѣ, ему принадлежавшей, подруги сердца, французской или русской».

Французская армія медленно подходила къ Малоярославцу и авангардъ ея уже занялъ этотъ городъ,

такъ что главное препятствіе казалось счастливо обойденнымъ. Наполеонъ завтракалъ въ полѣ съ Мюратомъ, Бертье и генераломъ Ларибуазьеромъ, когда со стороны авангарда послышались пушечные выстрѣлы: подъ Малоярославцемъ началось сраженіе. Императоръ, сѣвъ на лошадь, поскакалъ по тому направленію. Адъютанту вице-короля, донесшему о вступленіи въ бой всѣхъ наличныхъ силъ, императоръ отвѣтилъ: «поѣзжайте назадъ къ вице-королю и скажите, чтобы, разъ начавши, выпилъ чашу до дна—я приказалъ Даву поддержать его!»

Битва была жаркая. Малоярославецъ переходилъ изъ рукъ въ руки 11 разъ. Городъ былъ совсѣмъ уничтоженъ; направленіе улицъ видно было только по массѣ труповъ, которыми онѣ были устланы. Отъ домовъ остались груды развалинъ, изъ подъ которыхъ торчали полуобуглившіеся трупы. Когда самъ императоръ пріѣхалъ на мѣсто битвы, ему указали на редуты, возводимые отбитыми русскими, на ново-занятой позиціи. Общее мнѣніе у французовъ было то, что Кутузовъ не отступитъ и придется принять генеральное сраженіе, для котораго не было ни энергіи въ войскѣ, ни снарядовъ въ артиллеріи.

«Подъ Малоярославцемъ, говоритъ Fezensac, выгода боя осталась на сторонѣ французовъ, но Кутузовъ занялъ позицію сзади и укрѣпилъ ее редутами. Одинъ изъ его отрядовъ началъ уже обходить нашъ правый флангъ по Мединской дорогѣ. Надобно

было или дать большую битву, или прямо отступить».

Положеніе было очень серьезное и минута рѣшительная. Совѣщаніе по этому поводу происходило въ деревнѣ Городнѣ, на пути къ Малоярославцу. Маршалъ Бессіеръ и другіе генералы были того мнѣнія, что надобно отступить—не то, чтобы они сомнѣвались въ побѣдѣ, но боялись потерь, съ нею сопряженныхъ, и деморализаціи, полнаго разстройства арміи. Кавалерійскія и артиллерійскія лошади были обезсилены работою и безкормицей—какъ замѣнить тѣхъ, что будутъ потеряны? Какъ везти артиллерию, аммуницію, массу раненыхъ, которыхъ, конечно, будетъ не мало. Въ этомъ положеніи походъ на Калугу представлялся очень рискованнымъ и осторожность совѣтовала отступить къ Смоленску черезъ Можайскъ. Сначала Бессіеръ, за нимъ и другіе совѣтовали *отступить*. Наполеонъ долго не рѣшался, но, наконецъ, проведя цѣлый день въ осмотрѣ и изученіи мѣстности, такъ же, какъ въ выслушиваніи мнѣній и совѣтовъ своихъ генераловъ, рѣшился отойти назадъ къ Можайску и затѣмъ отступить по старой разоренной дорогѣ.

Нельзя опять не обратить вниманія на то, какъ мало извѣщенія Наполеона о своихъ дѣйствіяхъ, даваемые Франціи и Европѣ, согласовались съ истинною, и какъ кое-гдѣ разбросанныя крупныя правды прикрывались правдоподобными, но совершенно невѣрными подробностями. Въ XII бюл-

летенѣ сказано было о многознаменательной Мало-ярославецкой битвѣ и послѣдовавшемъ затѣмъ рѣшеніи отступить, по старому выжженному, голодному, зараженному пути, такъ: «Подъ Мало-ярославцемъ русскіе имѣли двѣ трети арміи въ дѣлѣ, но напрасно: городъ былъ взятъ и непріятель отступилъ такъ безпорядочно, что побросалъ 20 пушекъ въ рѣку... Императоръ поѣхалъ въ Мало-ярославецъ, осмотрѣлъ непріятельскія позиціи и приказалъ наступать, но непріятель отошелъ ночью—тогда и императоръ поворотилъ на Верею къ Смоленску, т.-е на старую дорогу... Погода превосходная, дороги прекрасныя. Итальянская гвардія отличилась. Генераль баронъ Дельзонсъ, отличный офицеръ, убитъ 3-мя пулями. Старая русская пѣхота истреблена. Люди знающіе говорятъ, что только первые ряды русскихъ состоятъ изъ солдатъ, другіе же изъ рекрутовъ и милиціонеровъ, которыхъ удержали подъ знаменами, несмотря на слово, имъ данное» и т. д.

Теперь Наполеонъ шелъ уже шибко, постоянно выговаривая Даву за медленность и задержки арріергарда. Какова была эта медленность, видно изъ донесенія атамана казаковъ Платова, отъ самого Можайска шедшаго позади Даву и доноси-
вшаго, что «непріатели бѣгутъ такъ, какъ никакая армія никогда ретироваться не могла—покидаютъ по дорогѣ раненыхъ, больныхъ и тяжести».

Миновавши Можайскъ, французская армія про-

шла мимо Бородинскаго поля, на которомъ было оставлено больше 30,000 тѣлъ. При приближеніи войска, стаи воронъ со страшнымъ крикомъ поднялись съ полурасклеваннхъ и истерзанныхъ труповъ, несмотря на довольно сильный холодъ, издававшихъ невыносимый запахъ. Наполеонъ не повернулъ головы, не сказалъ ни слова, только ускорилъ шагъ—онъ шелъ пѣшкомъ.

Разсказываютъ, что когда императорская колонна приближалась къ Гжатску, она вездѣ по дорогѣ встрѣчала трупы только что убитыхъ русскихъ, у которыхъ головы были разможжены одинаковымъ ударомъ, въ упоръ, съ разметаннымъ кругомъ мозгомъ и кровью — знали, что двѣ тысячи русскихъ плѣнниковъ шли впереди, подъ конвоемъ, и поняли, что это были ихъ отсталые, для упрощенія дѣла пристрѣленные. Нѣкоторые изъ свиты пришли въ негодованіе, другіе молчали, третьи даже оправдывали эти хладнокровныя убійства. Около императора никто не высказывалъ своихъ чувствъ, только Коленкуръ разразился: «Это просто невозможная жестокость! Вотъ она цивилизація, которую мы принесли въ Россію! Вѣдь непріятель отплатитъ намъ за эти варварства: у него на рукахъ масса нашихъ раненыхъ и плѣнныхъ и онъ имѣетъ всѣ средства отомстить намъ за нихъ». Наполеонъ угрюмо молчалъ, но со слѣдующаго дня эти убійства прекратились—безъ сомнѣнія, онъ распорядился прекратить ихъ.

По поводу этихъ плѣнныхъ, всѣ очевидцы главной квартиры повторяютъ то же самое: «колонна русскихъ плѣнныхъ шла передъ нами, подѣ карауломъ солдатъ Рейнскаго союза, говоритъ Faip, имъ кидали обрывки лошадиного мяса и карательнымъ было приказано убивать тѣхъ, что изнемогали и не могли идти дальше. По дорогѣ валялись ихъ трупы съ разбитыми головами».

«Баденскимъ гренадерамъ», рассказываетъ Rooss, «которые провожали обозъ Наполеона, былъ данъ приказъ: тѣхъ русскихъ плѣнныхъ, которые изнемогали и дальше идти не могли, сейчасъ же пристрѣливать. Двое изъ этихъ гренадеръ говорили мнѣ, что самъ Наполеонъ далъ этотъ приказъ».

«Перо мое, пишетъ М. de-V., отказывается передавать наше обращеніе съ русскими плѣнными, во время отступленія, жестокость и варварство, которыя напрасно старались извинить закономъ необходимости и необыкновенностью положенія французской арміи».

Лабауте сообщаетъ имъ видѣнное: «дорогой не имѣли чѣмъ кормить три тысячи русскихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ Москвѣ, которыхъ загоняли какъ скотъ, ни подѣ какимъ предлогомъ не позволяя выходить изъ тѣснаго пространства, имъ пазначеннаго. Безъ огня, замерзающіе, они бросались на ледъ и снѣгъ и, чтобы хоть сколько-нибудь утолить голодъ, нежелавшіе умирать ѣли своихъ только что умершихъ товарищей».

Надобно прибавить, что эти плѣнные не были взяты съ оружіемъ въ рукахъ, а представляли сбродъ изъ разныхъ сословій, попавшихся на московскихъ улицахъ.

Дворянинъ, офицеръ Перовскій, тамъ же задержанный вопреки военнымъ правиламъ, такъ рассказываетъ объ этихъ убійствахъ: «вдругъ, за нѣсколько шаговъ позади насъ, раздался ружейный выстрѣлъ, на который я сначала не обратилъ вниманія.... Унтеръ-офицеръ донесъ офицеру, что пристрѣлилъ одного изъ плѣнныхъ. Я не вѣрилъ ушамъ своимъ и просилъ офицера объяснить мнѣ слышанное: «Я имѣю письменное повелѣніе, сказалъ онъ съ вѣжливостью, пристрѣливать плѣнныхъ, которые отъ усталости или по какой другой причинѣ отстанутъ отъ хвоста колонны болѣе 50 шаговъ. Конвойнымъ приказано объ этомъ разъ навсегда»... Въ продолженіе дня пристрѣлено было человѣкъ 6 или 7, въ числѣ которыхъ одинъ изъ штатскихъ чиновниковъ. Иногда слышали мы до 15 выстрѣловъ въ день. Мнѣ случилось видѣть разъ стараго солдата, упавшаго въ дорогѣ отъ усталости; французъ, оставшійся, чтобы пристрѣлить его, три раза прикладывалъ дуло своего ружья къ головѣ русскаго, три раза спускалъ курокъ—ружье осѣкалось! Наконецъ, онъ ушелъ и прислалъ другого, у котораго ружье было исправнѣе. Плѣнные, предчувствуя свою участь, завидя вдали по дорогѣ церковь, старались дотянуться до нея, останавливались по нѣсколько человѣкъ рядомъ, на паперти, у дверей,

молились и ихъ разстрѣливали». Авторъ этого послѣдняго разсказа, въ послѣдствіи графъ, испыталъ бы безъ сомнѣнія ту же участь, если бы отрядъ партизановъ, подъ командой Чернышева, не освободилъ его...

19/31 октября Наполеонъ подошелъ къ Вязьмѣ. Первый разъ, со времени выхода изъ Москвы, онъ ѣхалъ въ каретѣ и былъ одѣтъ въ собольей шапкѣ, зеленой шубѣ, обшитой соболями, съ золотыми бранденбургами, и мѣховыхъ сапогахъ. Такъ одѣвался онъ потомъ во все время отступленія, и когда настали большіе холода, непозволявшіе держаться въ сѣдлѣ, или ѣхалъ въ каретѣ, или шелъ пѣшкомъ. Пѣхота старой гвардіи попрежнему располагалась бивуакомъ въ карре, около его главной квартиры, устраивавшейся преимущественно въ кое-гдѣ уцѣлѣвшихъ домахъ.

Войска, имѣя повелѣніе все выжигать, выламывали въ домахъ окна, двери, кидали въ нихъ горящіе головни, патроны съ порохомъ, даже патронные ящики, тѣшась взрывами ихъ. Въ городахъ и селахъ нельзя было дышать отъ дыма пожаровъ и гнившихъ труповъ... Даву, не находя способовъ для сохраненія людей въ такихъ условіяхъ, писалъ Наполеону, «что слѣдуетъ одному арріергарду предоставить сожженіе оставляемыхъ селеній».... Ежедневныя потери арміи въ людяхъ и лошадяхъ дѣлались отъ этого истребленія всякаго жилья по дорогѣ еще бѣльшими.

Очень несчастливо для французовъ было дѣло

подъ Вязьмой: Милорадовичъ взялъ много плѣнныхъ, артиллеріи и обоза. Между тѣмъ Наполеонъ извѣщалъ Францію только «о потерѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, захваченныхъ казаками, инженеровъ-географовъ, снимавшихъ планы, а также раненыхъ офицеровъ, шедшихъ безъ опаски, предпочитавшихъ рисковать вмѣсто того, чтобы идти какъ слѣдуетъ при обозѣ»....

«6 ноябрю /25 октября погода совершенно измѣнилась и голубизна неба безслѣдно пропала, рассказываетъ Сегюръ. Французская армія давно уже двигалась окруженная холодными парами, все болѣе и болѣе сгущавшимися, и въ этотъ день разразившимися снѣжными хлопьями — казалось, холодное небо соединилось съ мерзлою землею. Все перемѣшалось и сдѣлалось неузнаваемымъ: всѣ предметы измѣнили свой обликъ; шли не зная гдѣ, не замѣчая куда, всюду встрѣчая препятствія. Пока солдатъ старался двигаться противъ морознаго вихря, снѣгъ, гонимый бурей, скоплялся во всѣхъ выбоинахъ, скрывая ихъ глубину; солдаты падали, зарывались и кто послабѣе — оставался тамъ. Занявши слѣдовавшіе напрасно отворачивались: вихрь хлесталъ по глазамъ, падающимъ и съ земли захваченнымъ снѣгомъ, останавливая, не давая идти дальше».

«Мокрое платье мерзнетъ и эта ледяная оболочка охватываетъ тѣло, сковываетъ всѣ члены. Сильный рѣзкій вѣтеръ захватываетъ дыханіе, которое, выходя изъ рта, превращается въ безобразныя

сосульки на бородѣ и одеждѣ. Дрожа всѣми членами, люди двигаются еще до тѣхъ поръ, пока снѣгъ, собравшись подъ подошвами, не затруднитъ окончательно ходьбу; тогда, споткнувшись о кусокъ ли дерева, трупъ ли товарища, они падаютъ, стонутъ, жалуются, пока снѣгъ не покроетъ ихъ, оставивши на поверхности только маленькій, едва замѣтный глазу бугорокъ—могилу. Вся дорога усѣяна этими крошечными возвышенностями, точно кладбище..... Кругомъ одинъ снѣгъ; взглядъ теряется въ этомъ печальномъ однообразіи; воображеніе просто поражено: это какой-то саванъ, которымъ природа окружаетъ бѣдную французскую армію! Единственные предметы, рѣзко выдѣляющіеся—ели, съ ихъ похоропною зеленою, неподвижныя, гигантскія, съ черными вѣтвями, навѣвающія грусть и тоску».

«Въ общемъ, безотраднѣйшій видъ арміи, умирающей, коченѣющей, въ окоченѣлой, мертвой природѣ.»

«Все, даже и оружіе, еще страшное въ Малоярославцѣ, но съ тѣхъ поръ только жалкое, мѣшаетъ несчастнымъ; оно кажется невыносимо тяжелымъ для ихъ окоченѣлыхъ рукъ; при постоянныхъ паденіяхъ оно вываливается и ломается или зарывается въ снѣгъ. Солдаты поднимаются на ноги уже безъ оружія, не потому, чтобы умышленно хотѣли бросить его, а потому, что оно просто вырвано у нихъ голодомъ и холодомъ. Не мало рукъ отмораживается на ружьяхъ, на которыхъ пальцы не двигаются, коченѣютъ».

«Приходитъ шестнадцатичасовая ночь! На все и

всюду покрывающемъ снѣгѣ негдѣ приткнуться, остановиться, сѣсть и отдохнуть, негдѣ даже вырыть какихъ-нибудь корней для утоленія голода, достать дровъ для костра! Однако, усталость, темнота и настойчивыя приказанія останавливаютъ тѣхъ, кому нравственные и физическія силы позволяютъ еще повиноваться. Стараются по возможности устроиться, но буря знать ничего не хочетъ и разметаетъ бивуачныя приготовленія. Ель, покрытая инеемъ, не загорается, снѣгъ падаетъ сверху, снѣгъ таетъ снизу и съ трудомъ раздутый огонь не разъ тухнетъ. Наконецъ, пламя разгорается, офицеры и солдаты начинаютъ готовить свой печальный ужинъ изъ кусковъ тощаго мяса убитыхъ или павшихъ лошадей, можетъ быть съ нѣсколькими ложками овсяной муки, разведенной въ растаявшемъ снѣгѣ. На другой день цѣлые круги окоченѣлыхъ солдатъ указываютъ мѣста бивуаковъ, а по окрестности валяются тысячи издохшихъ лошадей!...»

Въ тотъ самый день, какъ надъ арміей разразилось бѣдствіе установившейся зимы, штабъ главной квартиры былъ остановленъ на дорогѣ графомъ Дарю, по секрету сообщившимъ что-то императору. Оказалось, что эстафета, первая, за цѣлую недѣлю, добравшаяся до арміи, увѣдомляла о заговорѣ Малю. На дорогѣ въ виду всѣхъ Наполеонъ довольно хладнокровно отнесся къ этому событію, но послѣ на бивуакѣ выказалъ большое раздраженіе.

Еще болѣе онъ былъ раздраженъ въ Смоленскѣ,

гдѣ армія, послѣ всѣхъ надеждъ на отдыхъ, не нашла въ достаточномъ количествѣ ни квартиръ, ни провіанта. Просто бѣшенство овладѣло императоромъ. «Никогда еще, говоритъ слуга его Констанъ, я не видалъ его въ такой степени забвенія самого себя. Онъ велѣлъ позвать интенданта; изъ сосѣдней комнаты я слышалъ ужасный крикъ его. Наполеонъ приказалъ разстрѣлять этого чиновника и, только послѣ долгаго ползанія въ ногахъ, тому удалось вымолить прощеніе».

Бѣдствіе отъ недостатка провіанта еще увеличилось тѣмъ, что никто не былъ предупрежденъ о возвращеніи арміи, и неприготовленные чиновники въ Смоленскѣ и др. мѣстахъ совсѣмъ растерялись передъ толпами остервенѣлыхъ бѣглецовъ, полѣзшихъ прямо на штурмъ всего запасеннаго и все разграбившихъ безъ большой пользы для себя, къ гибели за ними слѣдовавшихъ.

Армія не только не отдохнула въ Смоленскѣ, какъ надѣялась, но пошла дальше еще болѣе разстроенная. Безъ сомнѣнія, императоръ надѣялся придать своему безпорядочному бѣгству видъ стройнаго и почетнаго отступленія, такъ какъ, между прочимъ, приказалъ взорвать стѣны Смоленска, подъ тѣмъ предлогомъ, какъ онъ выражался, «чтобы онѣ не задержали его въ другой разъ» — точно будто и вправду можно было думать о новомъ нашествіи, когда не знали какъ вырваться, какъ развязаться со старымъ!

Раньше было сказано, что Наполеонъ ѣхалъ въ

каретѣ, хорошо закрытой, наполненной мѣхами, одѣтый въ соболью шубу, шапку и теплые сапоги, такъ что, конечно, не чувствовалъ никакого холода. Запершись съ Мюратомъ въ экипажѣ, онъ меньше рисковалъ подвергаться оскорбленіямъ со стороны озлившихся людей и самъ не пмѣлъ постоянно передъ глазами картинъ отчаянія и голода своихъ солдатъ, требовавшихъ хлѣба и хлѣба. Послѣ Смоленска онъ много шелъ пѣшкомъ и въ продолженіе пути, конечно, могъ хорошо убѣдиться—въ какомъ ужасномъ положеніи была его армія, испытывавшая въ это время невыразимыя бѣдствія.

Въ Днѣпрѣ, а также въ Семлевскомъ озерѣ императоръ приказалъ утопить большую часть злополучныхъ трофеевъ, а также множество орудій и всякаго оружія. Однако, крестъ Ивана Великаго онъ, несмотря ни на что, хотѣлъ таки довести до Парижа и протащилъ его, кажется, до Вильны.

Выше было уже помѣщено описаніе бѣдствій, постигшихъ отступавшую великую армію, но подробности описаній очевидцевъ такъ характерны, интересны и поучительны, что я приведу еще нѣсколько выдержекъ.

На каждомъ шагу встрѣчались brave офицеры, покрытые лохмотьями, опиравшіеся на сосновые палки; волосы и бороды въ ледяныхъ сосулькахъ. Поминутно слышались ихъ мольбы о помощи: «Товарищи, кричалъ одинъ раздирающимъ голосомъ: помогите мнѣ встать на ноги, дайте мнѣ руку,

хотѣлось бы не отставать отъ васъ!» Всѣ проходили мимо, даже не глядя на просившаго. «Именемъ человечества, помогите, дайте мнѣ подняться!..» Но товарищи не только не трогались этой прособой, а, еще считая такого слабаго прямо погибшимъ, набрасывались на него и снимали всю одежду... Несчастіе сгладило всѣ положенія и всѣхъ перемѣшало; напрасно нѣкоторые офицеры выставляли свое право приказывать, командовать—никто не обращалъ вниманія на этихъ командировъ; голодавшій полковникъ принужденъ былъ выпрашивать кусокъ сухаря у простого солдата, у котораго они водились; имѣвшій маленькій запасъ провизіи, хоть бы простой деньщикъ, былъ окруженъ толпой куртизановъ, откладывавшихъ въ сторону свои чины и отличія, льстившихъ и ухаживавшихъ за счастливецемъ. Начальники, привыкшіе повелѣвать, не сумѣвшіе найтись въ нуждѣ, были самые несчастные люди—ихъ прямо избѣгали, чтобы не оказывать имъ услугъ.

«Друзья мои, помогите! дайте мнѣ подняться—я инженерный капитанъ,—жалостливо взывалъ одинъ офицеръ.—Проходившій мимо гренадеръ остановился.—Какъ! ты инженерный капитанъ?—Да, любезный другъ, да!—Ну, такъ черти же свои планы!»

Дорога была покрыта солдатами, просто неимѣвшими человѣческаго облика, которыхъ непріятель даже отказывался брать въ плѣнъ. Многіе отъ голода и холода обратились въ идіотство, жарили и пожирали трупы товарищей или грызли свои

собственные руки; нѣкоторые были такъ слабы, что не могли принести полѣна дровъ или подкатить камень, и сажлись на замерзшія тѣла своихъ товарищей, устремивши тупой неподвижный взглядъ въ горящіе уголья; скоро уголья потухали, а живые скелеты, не въ силахъ будучи подняться, падали около тѣлъ, на которыхъ сидѣли.—Многіе, чтобы отогрѣться, клали свои голыя поги въ середину костра.....

Всѣ корпуса перемѣшались; изъ ихъ остатковъ устроилось множество маленькихъ отрядовъ, вѣрнѣе группъ, въ восемь, десять человѣкъ, которые шли вмѣстѣ, дружно, имѣя все общее. Каждая такая группа имѣла русскую лошаденку—согна, какъ они называли ее—для багажа, принадлежностей кухни, провизіи; у всякаго члена группы былъ еще на себѣ мѣшокъ, для запасовъ же. Всѣ эти кучки жили совершенно особою жизнью и отгоняли всѣхъ, къ нимъ не принадлежавшихъ. Члены семьи шли тѣсно сплотившись и всячески старались не раздѣляться въ толпѣ: бѣда тому, кто отставалъ отъ товарищей—онъ нигдѣ не находилъ никого, кто бы принялъ въ немъ какое-либо участіе или оказалъ какую-либо помощь: вездѣ съ нимъ обращались дурно, толкали, преслѣдовали его; безъ милосердія отгоняли отъ огней и мѣстъ, гдѣ можно было пріютиться; переставали травить его только тогда, когда онъ догонялъ опять своихъ.

«Мы составляли, говоритъ Лабаите, шайку разбойниковъ, между которыми ни личность, ни имущество не были въ безопасности. Необходимость заставила

насъ сдѣлаться ворами и мошенниками: не чувствуя ни малѣйшаго стыда, мы воровали другъ у друга все, что правилось; поджоги, убійства, истребленія во всѣхъ формахъ были вещами самыми обыденными, мы вполне освоились съ преступленіемъ; такъ же легко, какъ зажигали домъ для того, чтобы минуточку погрѣться около пожара, — безъ церемоніи отнимали у болѣе слабаго весь его запасъ, чтобы прокормиться самому».

Несмотря на такое несчастное состояніе арміи, Наполеонъ приказывалъ иногда разные маневры, съ какимъ результатомъ — это можно себѣ представить: части, которыя можно было еще заставить исполнить движеніе, пробродивши по занесеннымъ снѣгомъ дорогамъ, кончали тѣмъ, что возвращались назадъ, оставивъ во рвахъ артиллерію и багажъ...

Печальный и жалкій видъ имѣлъ, по словамъ одного очевидца, бивуакъ штаба. «Въ плохомъ сараѣ, едва покрытомъ, около небольшого огня, располагалось человѣкъ двадцать офицеровъ, вперемежку со столькими же слугами. Позади всѣ лошади, вкруговую, какъ защита противъ вѣтра. Дымъ до того густъ, что едва видны фигуры сидящихъ у самага огня и раздувающихъ пламя подъ котломъ, въ которомъ варится пища. Остальные, завернувшись въ плащи и шубы, лежатъ вповалку, чуть не одинъ на другомъ, для теплоты. Никто не двигается, лишь время отъ времени слышится ворчанье и брань на тѣхъ, кто бродитъ, наступая на людей, и ругань на ржащихъ лошадей или на искры костра, зажигающія шубы».

Наполеонъ, шедшій теперь по большей части пѣшкомъ, хорошо видѣлъ состояніе арміи, но онъ не находилъ нужнымъ сообщать Европѣ даже и части правды въ своихъ бюллетеняхъ. «Дороги сдѣлались очень скользки, говоритъ онъ въ XXVIII бюллетенѣ, и очень трудны для упряжныхъ лошадей—мы много ихъ потеряли изъ-за холода и усталости». Подъ Вязмою: «двѣнадцать тысячъ человѣкъ русской пѣхоты, подъ прикрытіемъ цѣлыхъ стай казаковъ, перерѣзали дорогу между герцогомъ Экмюльскимъ и вице-королемъ. Герцогъ Экмюльскій и вице-король пошли противъ нихъ, согнали съ дороги, загнали въ лѣсъ, взяли въ плѣнъ генерала со множествомъ плѣнныхъ и 6 орудій; съ тѣхъ поръ не видали больше русской пѣхоты, только спуютъ казаки».— Ни слова о множествѣ плѣнныхъ, объ орудіяхъ и обозѣ, захваченныхъ Милорадовичемъ въ этомъ несчастномъ для французской арміи дѣлѣ, также и о томъ, что въ это время великая армія уже потеряла около 40.000 человѣкъ плѣнными, около 25 генераловъ, до пяти сотъ орудій, до тридцати знаменъ и, кромѣ невѣроятнаго количества багажа, всѣ московскіе трофеи, которые не успѣли сжечь или уничтожить. Если ко всему этому прибавить также до 50.000 человѣкъ умершихъ отъ всякихъ бѣдъ, или убитыхъ въ разныхъ сраженіяхъ, со времени выхода изъ Москвы, то можно положить, что въ арміи оставалось не болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ и между ними—съ императорскою гвар-

діей включительно—было только около 10.000 способныхъ держать оружіе.

Кутузовъ строго приказалъ своимъ генераламъ не доводить непріятеля до отчаянія и въ особенности самому Наполеону и старой гвардіи, отъ которыхъ ожидалъ отчаяннаго сопротивленія, приказано было «строить золотые мосты» въ томъ предположеніи, что если они и уйдутъ отъ холода и голода, то во всякомъ случаѣ не перейдутъ Березины, гдѣ будутъ имѣть дѣло съ тремя арміями.

Только этимъ расчетомъ можно объяснить излишнюю осторожность, проявленную русскимъ главнокомандующимъ при всѣхъ случаяхъ, когда генералы его изъявляли намѣреніе ударить на обезсилѣвшаго непріятеля и сразу покончить съ нимъ и съ войной. Французская армія, вѣрнѣе, остатки ея, обязана своимъ спасеніемъ не престижу своему только, а и Кутузову съ Чичаговымъ — послѣднему болѣе чѣмъ кому-либо.

Вслѣдствіе упомянутыхъ соображеній Кутузова, императоръ съ его отборнымъ войскомъ не были безпокойны на пути въ Красное, но, на слѣдовавшихъ за нимъ маршаловъ Даву и Нея, сдѣлано было серьезное нападеніе.

Подъ Краснымъ, Наполеонъ, послѣ цѣлаго ряда нерѣшительныхъ и противорѣчивыхъ поступковъ, снова проявилъ былую находчивость и смѣлость: дерзкимъ маневромъ задержалъ русскихъ и далъ возможность спастись остаткамъ двухъ своихъ отрядовъ.

Пока онъ маневрировалъ тутъ съ гвардіей около дороги, мимо него продефилировала вся невообразимая масса бѣглецовъ, не могшая защищаться и ни на что негодная. Несмотря на спокойствіе, которое императоръ старался показывать, видно было, что эти нищіе, эти остатки когда-то непобѣдимаго войска, произвели на него глубокое впечатлѣніе. Всю эту ночь онъ не спалъ и жаловался, что «не въ состояніи выносить положенія своего войска, что видъ ихъ раздираетъ его душу».

Выше было помянуто о гибельныхъ для великой арміи дѣлахъ Даву и принца Евгенія въ эти дни, также какъ и объ достойномъ удивленія отступленіи маршала Нея, растерявшаго весь свой двѣнадцатитысячный отрядъ, но спасагося лично послѣ невѣроятнаго плутанія по снѣжнымъ равнинамъ и лѣсамъ. Рассказываютъ, что Наполеонъ обѣдалъ съ Бертье и Раппомъ, когда Гурго прискакалъ изъ Орши съ извѣстіемъ о томъ, что маршалъ Ней живъ! Императоръ вскочилъ, схватилъ его за обѣ руки и спросилъ: «да вѣрно ли это?» — Узнавши, что сомнѣваться нельзя было, онъ воскликнулъ: «у меня двѣсти милліоновъ въ дворцовыхъ погребахъ — я охотно отдалъ бы ихъ за этого человѣка!»

Опять возобновились ускоренное отступление, нападенія казаковъ и проч.

«Представьте себѣ, если только это возможно, говоритъ René Bourgeois, шестьдесятъ тысячъ нищихъ съ мѣшками на плечахъ, съ длинными палками въ

рукахъ, покрытыхъ рубищами, самыми грязными и самыми уродливо прилаженными, кишющими всякими насѣкомыми, и совершенно голодныхъ! Прибавьте осунувшіяся фізіономіи, блѣдныя, покрытыя бивуачною грязью, почернѣвшія отъ дыма, глаза тусклые и впавшіе, волосы въ безпорядкѣ, длинныя отвратительныя бороды—и все еще будете имѣть только слабое представленіе объ общей картинѣ арміи! Не было ни братьевъ, ни друзей, ни земляковъ, ни начальниковъ. «Спасайся кто можетъ»—было единственнымъ лозунгомъ. Мы вели другъ съ другомъ отчаянную войну и можно сказать, что и въ прямомъ и переносномъ смыслѣ сильный пожиралъ слабаго. Куда ни взглянешь, вездѣ сцены ужаса и варварства. Съ бѣшенствомъ бросались на того, кого подозрѣвали въ укрывательствѣ провизіи, вырывали ее у него, несмотря на сопротивленіе и ругательства. Постоянно слышно было какъ лошади давили и колеса дробили кости труповъ, вдавливая ихъ въ колеи».

При такихъ ужасахъ, нельзя не удивляться тому, что все-таки хоть небольшая часть великой арміи смогла добраться до границы и желанныхъ зимнихъ квартиръ и въ виду этого, не безынтересно прослѣдить распорядки ежедневной жизни бѣглецовъ.

«Когда мы останавливались,—разсказываетъ Bougogne,—чтобы перекусить, живо бросались къ лошадямъ или покинутымъ или такимъ, за которыми

не было надсмотра, рѣзали ихъ, собирали кровь въ кастрюлю, наскоро варили и ѣли. Когда случалось, что раздавался приказъ выступать или подходили русскіе и нужно было утекать, кастрюли уносили съ собою и ѣли изъ нихъ походя, горстями, зато же и пачкались въ крови».

«Тѣ, что гнушались ѣсть своихъ товарищей идохлыхъ лошадей, питались только зернами, попадавшимися въ лошадиномъ кормѣ. За мѣсто у огня платили по золотому».

«Дрались изъ-за самаго ничтожнаго предлога и самая ужасная брань разливалась въ воздухѣ. Гнуснѣйшія ругательства, самыя позорныя названія бросались въ лицо изъ-за пустяковъ. Обыкновенно всѣ ссоры кончались тѣмъ, что кидались другъ на друга съ кулаками и палками; общее бѣшенство было такъ велико, что готовы были разорвать другъ друга...»

«На остановкахъ, какъ сумасшедшіе бросались въ дома, сараи, навѣсы и всевозможныя постройки, которыя встрѣчались, и въ нѣсколько мгновеній наполняли ихъ такъ, что нельзя было ни войти ни выйти. Тѣ, что не могли войти, устраивались снаружи, по возможности около стѣнъ. Первая забота была достать дровъ и соломы для бивуака, для чего лазили на сосѣднія постройки, снимали крыши, стропила, чердаки, перегородки и кончали тѣмъ, что разваливали совсѣмъ постройку, несмотря на сопротивленіе, крики и угрозы тѣхъ, что были

внутри. Эти выдерживали настоящую осаду и, дѣлая время отъ времени вылазки на нападавшихъ, отгоняли ихъ, хотя ненадолго, потому что отступившіе замѣнялись еще болѣе сильными и настойчивыми. Приходилось уступать наконецъ силѣ и выходить, чтобы не быть погребенными подъ развалинами. Часто, когда невозможно было силою войти въ домъ, его зажигали снаружи, чтобы вытурить всѣхъ грѣвшихся внутри—это обыкновенно бывало, когда зданіе захватывалось генералами, выгонявшими раньше вошедшихъ. Послѣдніе тогда угрожали зажечь домъ и дѣйствительно приводили угрозу въ исполненіе. Несчастные офицеры съ проклятіями бросались къ выходамъ, падая и давя другъ друга, чтобы спастись»...

Теперь даже высшее начальство говорило, что Наполеонъ завелъ свою армію въ Москву, какъ Карлъ XII въ Украйну, что въ военномъ отношеніи кампанія испорчена нерѣшительностью въ большой битвѣ, а въ политическомъ—пожаромъ Москвы; и что въ свое время армія могла бы воротиться въ добромъ порядкѣ! Со времени вступленія въ Москву и русскій главнокомандующій и русская зима давали вѣдь хорошій срокъ: одинъ 40, другой 50 дней для отдыха и отступленія. Горюя о потерѣ времени въ Москвѣ и нерѣшительности, проявленной въ Малоярославцѣ, разсуждавшіе высчитывали свои бѣды: съ Москвы потеряли весь обозъ и багажъ, половину артиллеріи, тридцать знаменъ, до три-

дцати генераловъ, сорокъ тысячъ плѣнныхъ, шестьдесятъ тысячъ умершихъ, остается до 50.000 безоружныхъ бродягъ и тысячъ до десяти способныхъ защищаться! Съ другой стороны, была большая ошибка оставить все дѣло прикрытія отступленія арміи и всѣ ея магазины австрійцу, не поставивши въ Вильнѣ или Минскѣ авторитетнаго начальника, который могъ бы восполнять ошибки и недочеты въ дѣйствіяхъ австрійской арміи. Вся армія обвиняла Шварценберга въ измѣнѣ, хотя самъ Наполеонъ молчалъ, можетъ быть изъ политики, а можетъ быть потому, что не ожидалъ отъ этого союзника бѣльшаго усердія.

Наполеонъ старался остановить общее разложеніе и упадокъ духа: наединѣ онъ, какъ помянуто уже, крѣпко горевалъ о страданіяхъ солдатъ, но публично дѣлалъ видъ, что невозмутимъ, и отдалъ приказъ, «чтобы всякій занялъ свое мѣсто, иначе начальниковъ онъ будетъ разжаловывать, а солдатъ—разстрѣливать». Но эта угроза не произвела никакого дѣйствія на людей, которые, конечно, меньше боялись смерти, чѣмъ продолженія такой жизни.

Въ Оршѣ Наполеонъ сжегъ собственными руками свои вещи, чтобы они не доставались непріятелю. Тутъ пропали документы, собранные имъ для исторіи своей жизни, которою онъ хотѣлъ заняться, отправляясь въ эту кампанію. Онъ рассчитывалъ тогда побѣдоносно и угрожающе остановиться на Двинѣ и Березинѣ и за 6 мѣсяцевъ зимней скуки заняться

составленіемъ своихъ воспоминаній. Всѣ эти предположенія и надежды разлетѣлись теперь.

Явился слухъ о томъ, что Минскъ занятъ Чичаговымъ, и что, слѣдовательно, путь отступленія въ опасности, но императоръ не придавалъ этому большого значенія, потому что былъ увѣренъ въ обладаніи переправы черезъ Березину, въ Борисовѣ. Тамошній мостъ былъ защищенъ хорошою крѣпостью, занятою польскимъ полкомъ. Наполеонъ былъ такъ спокоенъ на этотъ счетъ, что, для облегченія арміи, еще въ Оршѣ приказалъ сжечь всѣ понтоны. Каково же было послѣ этого узнать, что дѣйствительно городъ Борисовъ, командующій переправой черезъ Березину, взятъ Чичаговымъ!

Интересно описаніе минутъ, слѣдовавшихъ за полученіемъ Наполеономъ извѣстія, о занятіи русскими переправы черезъ Березину, сдѣланное однимъ офицеромъ молодой гвардіи — вотъ оно дословно: «16/24 ноябрю мы шли большою дорогой, по направленію къ Борисову. До города было уже не очень далеко. Бонапартъ шелъ, какъ и всѣ мы, съ палкою, онъ былъ одѣтъ въ мѣховую шубу и шапку и шелъ по срединѣ дороги въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, слѣдомъ за княземъ Невшательскимъ (Бертье). Кругомъ было какъ-то то-скливо тихо и спокойно — когда мы увидѣли шедшаго къ намъ навстрѣчу офицера. Это былъ состоявшій при главномъ штабѣ полковникъ de F. Онъ остановился передъ княземъ и отпрапортовалъ

ему что-то—я разслышалъ только слова «Березина» и «русскіе». Всѣ остановились, также и Бонапартъ, который былъ шагахъ въ шести отъ начальника штаба и отъ полковника. Я придвинулся немного, чтобы разузнать въ чемъ дѣло. Слышу, Бонапартъ спрашиваетъ сердито: «что онъ тамъ толкуетъ? Что онъ толкуетъ? Что онъ толкуетъ?»—Князь приказалъ полковнику повторить донесеніе Бонапарту.—Какъ теперь слышу».

«— *de F.* Г-нъ маршалъ поручилъ мнѣ увѣдомить о томъ, что русская Молдавская армія пришла къ Березинѣ и завладѣла всѣми переправами».

«— *Бонапартъ*. Это не правда, это не правда, это не правда!»

«— *de F.* Что двѣ непріятельскія дивизіи завладѣли мостомъ и занимаютъ уже лѣвый берегъ; также, что рѣка замерзла не достаточно для перехода по льду».

«— *Бонапартъ* (съ гнѣвомъ). Вы лжете, вы лжете, это не правда!»

«— *de F.* (хладнокровно и тономъ повыше). Меня не посылали провѣрять положеніе непріятеля; г-нъ маршалъ послалъ меня съ этимъ донесеніемъ и я исполняю свой долгъ».

«Видя, что Бонапартъ сталъ шевелить своей палкой, я подумалъ, что онъ хочетъ ударить ею полковника; но въ эту минуту онъ, съ широко разставленными ногами, откинулся назадъ и, опираясь лѣвою рукой о палку, со скрежетомъ зубовъ,

кинулъ къ небу свирѣпый взглядъ и поднялъ кулакъ! Настоящій крикъ бѣшенства вырвался изъ его груди, онъ повторилъ свой жестъ угрозы и прибавилъ короткое и выразительное слово... само по себѣ составляющее богохульство. Увѣрю васъ, что въ жизнь мою я не видѣлъ болѣе ужаснаго выраженія лица и всей фигуры! Онъ, очевидно, совсѣмъ забылъ о стараніи, съ которымъ скрывалъ до сихъ поръ передъ нами свои ощущенія и старался казаться веселымъ, чему, конечно, никто не вѣрилъ. Мы такъ внимательно слѣдили за всѣми его движеніями и были до такой степени поражены видѣннымъ, что опомнились только, когда онъ приказалъ продолжать путь».

«Эту ночь Наполеонъ не спалъ, рассказываетъ Сегюръ. Дюрокъ и Дарю, считая его уснувшимъ, тихонько разговаривали объ отчаянномъ положеніи, въ которомъ очутились, не зная, что онъ все слышалъ; когда они произнесли слово «государственный плѣнникъ», онъ не вытерпѣлъ и подалъ голосъ: «такъ вы думаете, что они осмѣлятся?» Дарю, сначала удивленный, отвѣтилъ: «что если ему придется сдаться, онъ долженъ быть готовъ ко всему; что нельзя рассчитывать на великодушіе непріятеля, такъ какъ политика въ широкомъ смыслѣ слова не признаетъ обыденной морали и дѣйствуетъ самостоятельно».

«А Франція, спросилъ Наполеонъ, что скажетъ Франція?»

«О! что касается Франціи,—объ ней можно загады-

вать что угодно, но трудно сказать, что именно въ ней произойдетъ. — Самое лучшее, прибавилъ Дарю, и для насъ и для вашего величества было бы, если-бы хоть по воздуху, коли нельзя по землѣ, вы перенеслись какъ-нибудь во Францію, откуда спасли бы насъ вѣрнѣе, чѣмъ оставаясь здѣсь».

— «Значить я васъ стѣсняю? спросилъ Наполеонъ».

— «Да, ваше величество».

— «А вы не хотите быть государственнымъ плѣнникомъ?»

«Дарю отвѣтилъ въ томъ же духѣ, т. е. шутя, что «съ него довольно быть и военно-плѣннымъ».

«На это императоръ ничего не отвѣтилъ, а послѣ долгаго молчанія спросилъ: всѣ ли донесенія сожжены?»

— «Ваше величество не хотѣли вѣдь дѣлать этого?»

— «Ну такъ подите сейчасъ сожгите все — надобно сознаться, что мы въ неважныхъ обстоятельствахъ!...»

Маршалу С. - Сиру строго приказано было прогнать русскихъ за рѣку; онъ это и исполнилъ, тѣмъ не менѣе вопросъ о томъ, какъ ее перейти подъ непріятельскими пушками, не имѣя готовыхъ понтоновъ, оставался открытымъ и волновалъ въ арміи. всѣхъ, отъ мала до велика.

Надежда пройти между русскими арміями была потеряна: подъ ударами Кутузова и Витгенштейна,

толкавшихъ французовъ къ Березинѣ, приходилось немедленно переходить черезъ рѣку, несмотря на угрожающее положеніе Чичагова на другой сторонѣ ея. Съ 23 ноябрю Наполеонъ приготовился къ этому отчаянному шагу. Остатки кавалеріи, поставленной подъ начальство Латуръ-Мобура, еще быстро убавились и оставалось ужъ всего сто пятьдесятъ человѣкъ. Императоръ собралъ всѣхъ офицеровъ, еще сидѣвшихъ на лошадяхъ, и назвалъ этотъ отрядъ, приблизительно въ 500 человѣкъ, своимъ „Священнымъ эскадрономъ“; начальники дивизіи служили въ немъ капитанами; Груши и Себастьяни назначены были командирами его. Наполеонъ приказалъ еще, чтобы всѣ лишніе экипажи были сожжены и чтобы ни одинъ офицеръ не имѣлъ болѣе одного, чтобы была сожжена половина всѣхъ фургоновъ и повозокъ во всѣхъ корпусахъ и лошади изъ подъ нихъ были бы отданы въ гвардейскую кавалерію.

Вскорѣ отступавшія толпы наткнулись на армію маршала Виктора, ожидавшаго прихода Наполеона.

«Еще въ хорошемъ составѣ, мало пострадавшая, она привѣтствовала своего императора обычными восторженными возгласами, давно уже неслышанными между московскими бѣглецами, говоритъ Сегюръ; эти солдаты совсѣмъ не знали о бѣдствіяхъ главной арміи, такъ что когда, вмѣсто стройныхъ колоннъ покорителей Москвы, они увидѣли за Наполеономъ толпу скелетовъ, покрытыхъ лохмотьями, женскими кацавейками, обрывками старыхъ ковровъ

или грязнѣйшими остатками плащей, порожѣлыхъ, прожженныхъ, которыхъ ноги были обернуты въ обрывки всевозможныхъ рубищъ—они были поражены! Настоящіе солдаты съ ужасомъ глядѣли на несчастныхъ воиновъ, совсѣмъ осунувшихся, съ лицами какого-то землистаго цвѣта, обросшихъ бородами, безоружныхъ, толпившихся какъ стадо, съ опущенными головами и глазами. Что ихъ удивляло всего болѣе, такъ это обиліе генераловъ и полковниковъ, шедшихъ порознь, отдѣльно, безъ командованія, запрятыхъ только собою, своими особами или своимъ добромъ; они шли между нижними чинами, которые ихъ не замѣчали, которыми они уже не командовали, отъ которыхъ ничего болѣе не ожидали, такъ какъ всѣ связи были порваны, всѣ чины сравнены несчастіемъ. Солдаты Виктора и Удино не вѣрили своимъ глазамъ! Впечатлѣніе этого ужаснаго погрома съ первыхъ же дней поколебало дисциплину второго и девятого корпусовъ—у нихъ скоро тоже начался безпорядокъ, солдаты побросали ружья и взялись за дорожныя палки».

* * *

Великая армія подошла къ переправѣ, которая была рѣшена въ Студянкѣ. Нужно было обмануть русскихъ, такъ какъ силою, очевидно, ничего нельзя было сдѣлать. Для этого, 24-го, триста человѣкъ солдатъ и нѣсколько сотъ бѣглецовъ были посланы ниже по рѣкѣ, въ Ухолду, съ приказаніемъ собирать тамъ матеріалы для постройки моста, ста-

раясь какъ можно больше шумѣть. Туда же послали по самому видному, для русскихъ, мѣсту все, что оставалось кирасиръ. Кромѣ того—и въ этомъ состояла главная хитрость—начальникъ штаба призывалъ къ себѣ мѣстныхъ евреевъ и съ большою тайнственностью сталъ спрашивать ихъ насчетъ бродовъ и дорогъ, ведущихъ отъ нихъ въ Минскъ. Потомъ, будто бы очень довольный результатомъ допроса и показывая увѣренность въ томъ, что лучшаго исхода нѣтъ, онъ оставилъ нѣкоторыхъ изъ этихъ плутовъ какъ проводниковъ, а остальныхъ выпроводилъ за аванпосты. Чтобы быть однако увѣреннымъ въ томъ, что они разболтаютъ все это, генералъ заставилъ ихъ поклясться въ томъ, что они выйдутъ къ французамъ навстрѣчу, ниже по р. Березинѣ, для извѣщенія о непріятельскихъ движеніяхъ.

Въ то же время, какъ старались такимъ образомъ отманить Чичагова, въ Студянкѣ приготовили все нужное къ переправѣ. Присутствіе непріятельской дивизіи на той сторонѣ рѣки отнимало, однако, надежду на то, что русскіе дадутся въ обманъ. Каждую минуту ждали, что вотъ—вотъ русская артиллерія разразится по рабочимъ, трудившимся надъ постройкою моста. Если бы даже непріятель сдѣлалъ это только съ разсвѣтомъ, работы навѣрное не были бы еще далеко продвинуты къ тому времени, а противоположный берегъ, низкій, болотистый, былъ совершенно удобенъ для того, чтобы помѣшать переходу силою.

«Наполеонъ понималъ все и, выйдя въ десять часовъ вечера изъ Борисова, приготовился въ безнадежному удару. Онъ остановился со своими остальными шестью тысячами гвардейцевъ въ Старо-Борисовѣ, въ домѣ, принадлежащемъ Радзивилу. Эту ночь онъ не ложился спать, а поминутно выходилъ, прислушивался и навѣдывался въ мѣсто, гдѣ рѣшалась его судьба. Нетерпѣніе его было такъ велико, что онъ постоянно ожидалъ, что ночь кончается и начинается утро; много разъ окружающіе должны были разувѣрить его въ этомъ.

Онъ вышелъ ждать на берегъ рѣки въ маленькую избушку. «Ну что, Бертье, какъ мы выберемся?» говоритъ онъ своему начальнику штаба, который постоянно держался около него; въ минуты покоя, когда Наполеонъ сидѣлъ въ горенкѣ избушки, видѣли слезы, которыя показывались на его глазахъ и катились по щекамъ, болѣе обыкновеннаго блѣднымъ.

Король Неаполитанскій откровенно выразилъ свое сомнѣніе въ возможности переправы и, именемъ арміи, упрашивалъ позаботиться главнымъ образомъ о своемъ личномъ спасеніи. «Есть молодцы поляки, которые предлагаютъ сопровождать императора: они поднимутся съ нимъ вверхъ по берегу Березины и черезъ пять дней доставятъ въ Вильну». Наполеонъ опустилъ голову въ знакъ несогласія, но ничего не сказалъ.

Едва были поставлены первые устои моста, мар-

шалъ Ней и король Неаполитанскій прибѣжали запыхавшись къ императору, крича, что непріятель покинулъ свою грозную позицію на томъ берегу! Наполеонъ внѣ себя, не смѣя вѣрить, самъ бѣгомъ бросился на рѣку — то была правда! Въ восторгѣ, запыхавшійся, онъ вскричалъ: «значить, я обманулъ адмирала!» И дѣйствительно, русскіе были въ полномъ смыслѣ слова обмануты. Ихъ начальники даже не потрудились обратить вниманіе на работы, производившіяся у Студянки въ продолженіе цѣлыхъ 48 часовъ. Самая неосторожность, неосмотрительность французовъ только еще болѣе убѣждали адмирала Чичагова въ томъ, что его хотятъ обойти ниже, куда онъ и стянулъ весь корпусъ Чаплица, стоявшій прямо противъ устраиваемаго моста при Студянкѣ и, конечно, видѣвшій и слышавшій производимыя работы».

Адмиралъ Чичаговъ былъ типъ ловкаго царедворца, выдвигнушагося случайно, личною дружбой и милостью, надменный, дерзкій, все и всегда знавшій лучше другихъ. Не даромъ Крыловъ написалъ на него басню о щукѣ, взявшейся ловить мышей, — подосланные французами евреи и демонстрація въ Ухолдѣ вполне убѣдили его въ томъ, что переправа замышляется ниже Студянки, отъ которой, несмотря на донесенія о производимыхъ тамъ работахъ, онъ отозвалъ отрядъ, весь до послѣдняго человека!

Поистинѣ, Наполеонъ, несмотря на всю вѣру

въ свою счастливую звѣзду, не могъ разсчитывать на такую наивность, и французы правы, когда говорятъ, что историкъ будетъ предстоять рѣшить серьезную задачу: какъ могло случиться, что армія, разстроенная, обезсиленная, со всѣхъ сторонъ сжатая непріателемъ, несравненно многочисленнѣйшимъ, которому буквально стоило только протянуть руку, чтобы схватить свою добычу—находить путь передъ собою совершенно свободнымъ. Русскіе отошли — препятствій нѣтъ, французская армія можетъ свободно отходить по нетронутому, по невыжженному пути, межъ сохранившихся деревень. Что бы ни было тутъ со стороны русскихъ: недосмотръ, неумѣніе или нерадѣніе, во всякомъ случаѣ французы могли благодарить небо за то, что между ихъ непріателями нашлись такіе глупцы.

Сегюръ картинно описываетъ и свои впечатлѣнія, и чувства Наполеона за эти часы: «со вчерашняго дня каждый изъ ударовъ нашихъ саперовъ, раздававшихся по окрестнымъ лѣсамъ, долженъ былъ привлекать вниманіе непріателя. Мы ждали, что при первыхъ проблескахъ утра увидимъ его батальоны и артиллерію выстроенными передъ утлымъ сооруженіемъ нашего генерала Эбле, которому нужно было еще восемь часовъ работы, чтобы кончить мостъ — безъ сомнѣнія, думали мы, непріатель ждетъ свѣта, чтобы быть въ состояніи лучше направлять свои выстрѣлы. Утро настало и мы увидели покинутые бивуачные огни, совершенно пу-

стынный берегъ и вдали, на возвышенностяхъ, тридцать орудій... уходящихъ! Одного, единственнаго ядра было довольно, чтобы уничтожить всю нашу надежду на спасеніе! Но ихъ артиллерія отходила на нашихъ глазахъ все дальше и дальше, пока наша въ то же время становилась на позицію».

«Далеко виднѣлся хвостъ длинной колонны русскихъ, уходившихъ къ Борисову—хоть бы они оглянулись назадъ! Пѣхотный полкъ при двѣнадцати орудіяхъ стоялъ еще передъ нами, но вразбродѣ, видимо не намѣреваясь мѣшать намъ, да по опушкѣ лѣса еще виденъ былъ отрядъ казаковъ—это былъ арріергардъ дивизіи Чаплица, силою въ 6,000 человекъ—удалявшася, чтобы очистить намъ путь».

«Французы просто не смѣли вѣрить своимъ глазамъ. Наконецъ, въ припадкѣ радости они закричали, захопали въ ладоши! Раппъ и Удино вбѣгаютъ къ императору: «ваше величество, непріятель снялъ лагерь и очистилъ позицію».—«Невозможно!» отвѣтилъ императоръ, но Ней и Мюратъ въ свою очередь прибѣгаютъ и подтверждаютъ это извѣстіе. Наполеонъ бросается изъ пѣкы, смотритъ и видитъ послѣднія точки колонны Чаплица, удаляющася, скрывающася въ лѣсу».

Къ часу дня казаки совершенно очистили берегъ и мостъ для пѣхоты былъ готовъ. Дивизія Леграна быстро перешла его со своею артиллеріей, при крикахъ «да здравствуетъ императоръ!» на глазахъ у Наполеона, все время торопившаго работы

и теперь даже помогавшаго переходу артиллеріи, ободрявшаго солдатъ словомъ и примѣромъ. Когда первыя войска завладѣли наконецъ тѣмъ берегомъ,— онъ не утерпѣлъ, чтобы не вскричать: «и здѣсь опять она, моя звѣзда!»

Чичаговъ, къ первой ошибкѣ, сдѣланной имъ, прибавилъ еще другую, которую не сдѣлалъ бы умный фельдфебель и которую невозможно простить ему: Зембинъ, на другой сторонѣ рѣки, построенъ на большомъ болотѣ—по этому болоту идетъ виленская дорога; полотно дороги состоитъ изъ двадцати двухъ деревянныхъ мостовъ, которые русскій генералъ могъ и долженъ былъ, передъ своимъ уходомъ, зажечь; въ этихъ видахъ подъ нихъ даже были подложены горючіе матеріалы, но никто не потрудился зажечь ихъ!

Если бы Чичаговъ не былъ такъ самонадѣянъ, чтобы считать всѣ свои рѣшенія безошибочными, то, уходя въ Ухолду, долженъ бы былъ обезпечить на всякій случай невозможность перехода и въ Студянкѣ, если ужъ не оставленіемъ тамъ наблюдательнаго отряда, то хоть приказаніемъ испортить виленскую дорогу; французская армія была бы безвозвратно потеряна и всѣ ея труды перехода черезъ Березину, со всѣми жертвами, пропали бы даромъ, такъ какъ глубокія не замерзающія болота, окружающія Зембинъ, остановили бы ее. Русскій генералъ, съ истинно рыцарскимъ великодушіемъ, далъ спокойно построить мостъ черезъ рѣку, оста-

вилъ въ полное безпрепятственное владѣніе всѣ мосты по болотамъ и самъ отошелъ со всѣми силами, со всею артиллеріей!

Суета, толкотня, безпорядокъ, драки и убійства, происходившіе при переходѣ черезъ Березину, по словамъ всѣхъ очевидцевъ, не поддаются описанію. Все бѣшено бросилось къ мостамъ: никто не помнилъ болѣе себя, свирѣпость обуяла всѣхъ. Прочищали себѣ дорогу саблями и всякимъ оружіемъ и валили все, что встрѣчали на пути. Слово «императоръ», мѣсяцъ тому назадъ пользовавшееся еще такимъ блескомъ и почетомъ, не производило болѣе никакого впечатлѣнія: Коленкуръ великій конюшенный, пиhaемый, толкаемый, чуть не сброшенный съ лошади, съ величайшимъ трудомъ, провелъ императорскихъ лошадей и экипажи.

«Къ вечеру русская артиллерія, придвинувшейся арміи Витгейнштейна, стала на позицію и открыла огонь по массѣ народа, покрывавшей берегъ и мосты. Трудно, невозможно передать сцены ужаса, настоящего разбоя, которыя разыгрались подъ ядрами русскихъ батарей. Испуганная толпа была до такой степени сжата, сбита вмѣстѣ, что каждый снарядъ производилъ страшное опустошеніе. Къ отчаяннымъ крикамъ, раздававшимся со всѣхъ сторонъ, къ стонамъ людей, ржанію лошадей, падавшихъ, задавленныхъ, прибавились непрерывный свистъ ядеръ, взрывы снарядовъ, удары по повозкамъ, каретамъ и ящикамъ, которые разбивались, разлетались, ос-

колками увеличивая число жертвъ. Это было избіеніе, истинная рѣзня, въ которыхъ все, что не падало подъ ударами русскихъ, было убиваемо своими же товарищами по несчастію».

«Ночь положила, наконецъ, предѣлъ этимъ бѣдствіямъ. Нѣкоторымъ частямъ 9-го корпуса удалось перейти рѣку, но большая часть была истреблена. Цѣлая дивизія генерала Портюно положила оружіе: она заблудилась, наткнулась на русскихъ и была окружена. Марбо утверждаетъ, но это мало вѣроятно, что при генералѣ былъ проводникъ изъ Борисова, старавшійся дать понять, насколько могъ выразительно, что лагерь впереди былъ русскій, но, за неимѣніемъ переводчика, его не поняли», въ результатѣ чего была потеря для французовъ 7—8.000 человекъ. Не доказано и тяжелое обвиненіе Наполеона, объявившаго въ приказѣ, что, «по слухамъ, начальникъ дивизіи потерялъ ее потому, что шелъ отдѣльно»...

«Къ восьми часамъ утра слѣдующаго дня мостъ, назначенный для повозокъ и лошадей, разорвался и обозъ съ артиллеріею двинулись къ другому мосту, чтобы завладѣть имъ. Тогда началась битва въ полномъ смыслѣ слова между пѣшими и конными; много погибло въ этой рѣзнѣ и еще больше въ головѣ моста, гдѣ трупы людей и лошадей въ такой степени завалили проѣздъ, что приходилось перебираться буквально черезъ горы мертвыхъ».

«Послѣднею перешла дивизія Жерара, оружіемъ

расчистившая себѣ путь; перебравшись черезъ гору труповъ, затруднявшихъ дорогу, они едва успѣли добраться до другого берега, какъ русскіе бросились за ними—въ это время французы зажгли мостъ, пожертвовавши всѣми оставшимися на лѣвомъ берегу, чтобы не дать перейти и русскимъ».

Тогда не успѣвшіе перебраться просто одурѣли съ отчаянія. Многіе еще старались проскочить по пылавшему мосту и, чтобы не сгорѣть, бросались въ воду, гдѣ тонули. Наконецъ русскіе спустились къ мѣсту битвы, французскія войска отошли отъ рѣки, пальба прекратилась и, за невѣроятнымъ шумомъ, послѣдовало гробовое молчаніе.

Тысячи огней освѣтили высоты, занятыя русскими войсками, а внизу подъ этими возвышенностями на самомъ берегу десятки тысячъ несчастнаго люда умирали или готовились къ смерти, не имѣя ни огней, ни крова — только по стонамъ можно было догадаться въ темнотѣ, что вся эта масса народа еще была тутъ, все еще дышала.

«Много говорили, пишетъ Марбо, о Березинскихъ бѣдствіяхъ, но никто еще не сказалъ, что большая часть ихъ могла бы быть избѣгнута, если бы главный штабъ, лучше понимая свои обязанности, воспользовался ночью съ 27 на 28, чтобы перевести черезъ мосты обозъ и всѣ эти тысячи, которые на другой день запрудили проходы. Этою ночью мосты были совершенно пусты, никто не переходилъ, а во ста шагахъ при лунномъ свѣтѣ можно было видѣть

болѣе 50.000 человѣкъ всякаго сброда, отдѣлившагося отъ своихъ полковъ, которыхъ называли «жарильщиками». Люди эти, спокойно сидя передъ огромными кострами, жарили себѣ конину, повидимому не думая о томъ, что завтра переходъ черезъ рѣку будетъ стоять жизней многимъ изъ нихъ, тогда какъ теперь, сейчасъ, они могли бы перейти не торопясь и приготовить свой ужинъ на той сторонѣ. И то сказать: не было ни одного офицера со стороны императора или адъютанта отъ главнаго штаба арміи или, наконецъ, отъ кого-нибудь изъ маршаловъ, чтобы предупредить несчастныхъ, а если нужно, то и протолкать ихъ силою къ мостамъ».

«Если бы взяли изъ корпуса Удино или изъ гвардіи нѣсколько батальоновъ, еще соблюдавшихъ порядокъ, то легко заставили бы всю эту массу перейти черезъ мостъ. Напрасно, проходя мимо главнаго штаба и штаба маршала Удино, говорилъ я, что мосты пустуютъ и что слѣдовало бы заставить всѣхъ безоружныхъ переходить, пока непріятель держится спокойно—мнѣ отвѣчали неопредѣленно, уклончиво, ссылаясь на товарищей?...»

* * *

Можно считать, что на Березинѣ прикончилась судьба великой арміи, когда-то заставлявшей трепетать Европу—въ военномъ отношеніи она перестала существовать и остаткамъ ея не было другого исхода, какъ бѣжать и бѣжать.

Столько говорилось потомъ на всѣ лады, будто одинъ морозъ истребилъ французскую армію, что необходимо сказать: нѣтъ, не одинъ морозъ. Второй и девятый корпусъ сохранились въ полномъ порядкѣ, вытерпѣвши приблизительно тѣ же морозы, что и главная армія. Главная причина погрома былъ голодъ, потомъ быстрые непрерывные переходы и бивуаки безъ сна и отдыха, наконецъ и холодъ, когда онъ былъ очень силенъ. Не нужно забывать также стойкость и выносливость русскихъ войскъ. Напр. Наполеонъ и вся французская армія были поражены тѣмъ, что въ «Великой битвѣ» при массѣ убитыхъ русскихъ не было ихъ плѣнныхъ! Что касается лошадей, то онѣ переносили холодъ очень хорошо, когда ихъ кормили, такъ что и онѣ перенесли главнымъ образомъ отъ голода и усталости.

Какъ уже сказано, нельзя винить одного Кутузова въ томъ, что Наполеону удалось уйти изъ Россіи и еще два года заливать Европу кровью. Русскій главнокомандующій судилъ о положеніи императора французовъ вполне здраво и съ этой стороны весьма интересны его бесѣды съ однимъ плѣннымъ, занимавшимъ высокій постъ въ администраціи французской арміи. Кутузовъ говорилъ ему, «что онъ хорошо изучилъ характеръ Наполеона и былъ увѣренъ, что, разъ перейдя черезъ Нѣманъ, онъ захочетъ покорять и покорять. Ему уступили достаточно пространства, чтобы утомить и разбросать армію, дать побѣдить ее тактикой и го-

лодомъ и окончательно погубить въ суровые морозы. По какому ослѣпленію онъ одинъ не видѣлъ западни, которую всѣ замѣчали?»

Фельдмаршалъ удивлялся сравнительной «легкости, съ которой удались всѣ хитрости, употребленныя для того, чтобы удержать Наполеона въ Москвѣ и утвердить въ его смѣшной претензіи заключить въ ней почетный миръ, когда у него не было больше силы воевать...»

«Наполеонъ потерялъ рассудокъ, вся кампанія доказываетъ это; жаль, что онъ не вздумалъ идти еще за Москву—мы предоставили бы ему для покоренія еще 5.000 верстъ».

«Фельдмаршалъ признавался, что трудно было представить себѣ что-либо болѣе опасное для Россіи, чѣмъ первоначальный планъ Наполеона: остановиться въ Смоленскѣ, прикрыть Польшу и весною снова начать войну... Но онъ былъ увѣренъ, что планъ этотъ исходилъ не отъ самого Наполеона, слишкомъ привыкшаго къ короткимъ кампаніямъ, чтобы можно было ожидать отъ него рѣшимости посвятить цѣлые два года на покореніе одного государства, что нужно было слишкомъ мало знать его, чтобы считать способнымъ на терпѣливое совершеніе подвига, требующаго времени, предосторожностей и долгихъ мелочныхъ заботъ...»

«Фельдмаршалъ, когда я его оставилъ, говоритъ этотъ французскій офицеръ, высказывалъ увѣренность въ томъ, что Бонапартъ неизбежно долженъ былъ погибнуть на переправѣ черезъ Березину...»

Хотя все это разсужденія «après coup», но въ нихъ много правды и если результатъ былъ не тотъ, который ожидался, то кромѣ нерѣшительности старика Кутузова, пропустившаго Наполеона при Вязьмѣ и Красномъ, виновать—нужно сказать это еще разъ—Чичаговъ, проглядѣвшій непріятеля на Березинѣ.

* * *

Отступленіе за Березиной, представляло бѣдствіе еще горшее, чѣмъ предыдущее: это было одно долгое безоглядное бѣгство, безъ всякихъ военныхъ построений. Отступавшіе солдаты въ полномъ смыслѣ слова остервенѣли. Муравьевъ, Феньшау, Чичаговъ и многіе другіе самымъ положительнымъ образомъ утверждаютъ, что сами видѣли, какъ французы питались мертвыми товарищами: часто встрѣчали ихъ въ сараяхъ сидящими около огня, на тѣлахъ умершихъ, изъ которыхъ они вырѣзывали лучшія части, жарили и ѣли. Когда одинъ изъ русскихъ офицеровъ изъявилъ людоедамъ свой ужасъ и омерзеніе—одинъ изъ нихъ отвѣтилъ совершенно равнодушно: «конечно, *это* не особенно пріятно, но все-таки *это* лучше опротивѣвшей конины».

Въ Минскѣ, въ госпиталѣ, выздоравливающіе французы играли въ карты, за неимѣніемъ столовъ, на умершихъ и окоченѣвшихъ товарищахъ, а вокругъ стѣнъ, для украшенія комнаты, поставлены были тоже умершіе, которымъ для забавы расписали рожи кирпичомъ и углемъ и надѣли шутовскіе костюмы.

Дрова были такою рѣдкостью, что, напр., для вице-короля Евгенія не находилось ихъ; рассказываютъ, что одинъ разъ, чтобы раздобыть нѣсколько полѣнъ, пришлось напомнить баварцамъ, что принцъ Евгеній женатъ на дочери ихъ короля и слѣдовательно имѣетъ право приказывать имъ!

Главная бѣда теперь, какъ и прежде, состояла въ томъ, что въ городахъ и во всѣхъ этапахъ по дорогѣ не знали ни объ истинномъ положеніи арміи, ни объ ея приближеніи, такъ какъ и то и другое скрывалось до послѣдней минуты. Это было причиной того, что бѣглецы вездѣ заставляли дорожныя власти врасплохъ, неприготовленными. Наприм., въ Вильнѣ было припасено муки на сто тысячъ человѣкъ, на сорокъ дней, не считая зерна въ магазинахъ; говядины—на сто тысячъ человѣкъ, на тридцать шесть дней, въ стадахъ; пива и водки въ еще большей пропорціи; тридцать тысячъ паръ сапоговъ; двадцать семь тысячъ ружей и громадное количество одежды, амуниціи, сѣделъ, упряжи и всякаго снаряженія. Не получивши своевременно никакихъ распоряженій, власти не посмѣли тотчасъ же раздать все это, промедлили и всѣ запасы перешли въ руки слѣдовавшихъ за французами по пятамъ русскихъ!

Вильна, какъ прежде Смоленскъ, была обѣтованною землею въ мысляхъ солдатъ; въ ней думали они и насытиться, наконецъ, и отдохнуть, но ожиданія не оправдались, пришлось немедленно бѣжать

дальше. Самый городъ представлялъ заразную клоаку: тысячи умершихъ не вывозились за городъ для погребенія, а просто выбрасывались на дворы домовъ, гдѣ больные были расположены, такъ что составлялись цѣлыя кучи мертвыхъ тѣлъ, и больные, чтобы недалеко ходить, на этихъ же тѣлахъ расположили свои нужныя мѣста.

Большая часть домовъ города была обращена въ такіе госпитали и всѣ они были биткомъ набиты ранеными и больными. Лишь только французы отошли за Вильну, какъ домовладѣльцы, евреи, выбравши отъ больныхъ всѣ деньги, пораздѣвали и повыкидывали ихъ, совершенно голыхъ, на улицу—русскія власти и самъ императоръ Александръ должны были принять дѣятельныя и строгія мѣры для водворенія раненыхъ въ домахъ и облегченія ихъ участи.

Въ нѣсколькихъ верстахъ за Вильною есть крутая гора, бывшая покрытою въ то время гололедицей; она надѣлала французскимъ экипажамъ столько же хлопотъ, сколько Березина людямъ: напрасно лошади выбивались изъ послѣднихъ силъ, чтобы подняться на нее—не удалось спасти почти ни одной частной кареты, ни одного орудія. У подножія этой горы такъ и остановились вся гвардейская артиллерія, обозъ императора и казна арміи.

Выше было уже сказано о разгромѣ обоза подъ этой горой: проходя мимо, солдаты разбивали кареты и брали оттуда дорогія платья, мѣха, серебряныя и золотыя

деньги. Тутъ можно было видѣть людей, покрытыхъ золотомъ и умиравшихъ отъ голода, и любоваться раскиданными по снѣгу всевозможными предметами роскоши и комфорта. Грабежъ продолжался до тѣхъ поръ, пока не налетѣли казаки и не захватили всѣ богатства.

Одинъ изъ офицеровъ рассказываетъ о выступленіи изъ Вильны и объ этомъ послѣднемъ разгромѣ, который, по словамъ очевидцевъ, могъ бы быть избѣгнутъ, такъ какъ невдалекѣ былъ объѣздъ этой горы: «мы молча вышли, оставивъ улицы сплошь покрытыми солдатами, пьяными, заснувшими и мертвыми. Дворы, галлерей, лѣстницы зданій были переполнены ими и ни одинъ не захотѣлъ не только встать и послѣдовать за нами, но и пошевелиться на призывъ начальниковъ».

«Мы подошли къ подножію горы, совершенно невозможной для подъема по крутизнѣ и гололедицѣ; кругомъ валялись экипажи Наполеона и обозъ, оставшійся въ Вильнѣ, и казна арміи».

«Спасеніе императорской казны рѣшили поручить конвою; такъ какъ денегъ было около пяти милліоновъ и не все въ золотѣ, а большею частью въ серебряныхъ эку, то пришлось раздавать ихъ всѣмъ безъ разбора—многіе, сознавая полную невозможность услѣдить за ними, присвоили себѣ то, что имъ было поручено. Знамена, взятая у непріятеля, уже не интересовавшія людей, были позорно брошены у горы вмѣстѣ съ знаменитымъ крестомъ Ивана Ве-

ликаго—трофеемъ, который мы непременно хотѣли увезти! Русскіе, называемые варварами, показали намъ послѣ благородный примѣръ умѣренности, рѣдко проявляемой послѣ побѣды».

«Вновь подоспѣвшіе къ этому мѣсту увеличили число грабителей и, право, было поучительно смотрѣть на этихъ людей, умиравшихъ съ голода и въ то же время обвѣшанныхъ всякими богатствами въ такомъ количествѣ, что имъ трудно было двигаться. Вездѣ видны были вскрытые чемоданы, разбитые ящики; великолѣпныя шитыя золотомъ придворныя одежды и богатая мѣха были надѣты личностями самаго отталкивающаго вида; за золотой предлагали по 60 франковъ серебра и десять пятифранковиковъ шли за стаканъ водки. Одинъ гренадеръ въ моемъ присутствіи предлагалъ всѣмъ боченокъ серебряной монеты, куплепный, наконецъ, однимъ изъ высшихъ офицеровъ, положившимъ его въ свои сани».

«Всѣ солдаты, обратившись въ старьевщиковъ, продавали награбленное тѣмъ, которые въ свою очередь обокрали казну. Только и разговора было, что о слиткахъ и драгоценностяхъ; серебра было у всѣхъ множество, но ружей ни у кого. Можно ли удивляться послѣ этого, что одно появленіе казаковъ вселяло въ бѣглецовъ такой ужасъ. Они не замедлили явиться и здѣсь». Очевидецъ говоритъ, что на этотъ разъ страсть къ наживѣ сравняла храбрыхъ и трусовъ, враговъ и непріятелей, и что казаки грабили тутъ вмѣстѣ съ французами!

Въ этихъ мѣстахъ захватили бѣглецовъ самые жестокіе морозы, даже въ гвардіи разрушившіе дисциплину, такъ что, когда барабанъ созывалъ къ выступленію, это храброе испытанное войско, эта послѣдняя надежда начальниковъ, сплошь и рядомъ отказывалось покинуть огни и становиться въ ряды. Упреками, просьбами, угрозами удавалось уговорить и собрать нѣкоторыхъ, зато другіе не двигались— такъ какъ оказывались замерзшими; самые костры не въ состояніи бывали предохранить отъ замерзанія.

Даже для такого высокого начальства, какъ Мюрать, гренадеры отказывались идти за дровами или за снѣгомъ для воды, изъ боязни «замерзнуть на ходу», какъ они выражались!

Одинъ разъ, когда четвертый корпусъ рѣшительно отказался выступить, начальнику главного штаба, герцогу Невшательскому, только послѣ усиленныхъ увѣщеваній удалось тронуть съ мѣста.... всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ, составлявшихъ корпусъ великой арміи!

Что касается арріергарда, то онъ вовсе не существовалъ.

Результатомъ кампаніи было полное истребленіе почти полумилліонной арміи и громаднаго военнаго матеріала. Вся артиллерія, состоявшая изъ 1200 орудій съ ящиками, была взята непріателемъ, такъ же какъ многія тысячи повозокъ и офицерскихъ экипажей, всевозможные запасы и магазины. По офіціальнымъ свѣдѣніямъ, сожжено въ губерніяхъ Москов-

ской, Витебской и Могилевской 253,000 тѣлъ. Въ Вильнѣ и окрестностяхъ на двѣ версты—53,000. Въ плѣнъ взято болѣе 100,000.

Въ лѣтописяхъ исторіи со времени Камбиза до нашего времени не найдется подобнаго погрома такихъ страшныхъ полчищъ.

Возвращаясь лично къ Наполеону, нужно сказать, что, съ Березины, у него была одна мысль: поскорѣе уѣхать во Францію, собрать новую армію и если не удержатъ за собою своихъ союзниковъ, то хотъ помѣшати имъ вступить немедленно въ союзъ противъ него. Проектъ оставленія арміи и отъѣзда въ Парижъ содержался въ большой тайнѣ, хотя нѣкоторые приближенные знали и въ большинствѣ одобряли его, потому что только въ быстрой организаціи новой полумилліонной арміи видѣли спасеніе.

За послѣднее время пребыванія императора при арміи, онъ тоже началъ сравнительно бѣдствовать: подъ главную квартиру занимали грязныя вонючія избы, при чемъ еще приходилось употреблять насиліе, выгонять безъ церемоніи всѣхъ, туда ранѣе забиравшихся. Хлѣбъ, что пекли въ это время для Наполеона, былъ черный, ржаной, дурно смолотый и едва поднявшійся; кромѣ того онъ отдавалъ затхлостью, такъ что его съ трудомъ можно было ѣсть.

Напримѣръ, въ мѣстечкѣ Занивкахъ главная квартира помѣстилась въ маленькой пзушкѣ о двухъ комнатахъ: заднюю занялъ Наполеонъ, а въ первой

расположилась свита, улегшаяся спать вповалку такъ тѣсно, что слуга императора, какъ онъ послѣ рассказывалъ, долженъ былъ, несмотря на все стараніе и искусство, ходить по рукамъ и ногамъ...

Въ Сморгони императоръ въ послѣдній разъ занялъ помѣщеніе главной квартиры, сдѣлалъ послѣднія распоряженія и написалъ послѣдній ХХІХ бюллетень, въ которомъ, какъ и прежде, крупницы правды пересыпалъ полною неправдой, сведя результатъ погрома къ случайности, быстро и скоро поправимой. «Болѣе 30.000 лошадей, говоритъ онъ, пало въ нѣсколько дней. Наша кавалерія очутилась пѣшимъ войскомъ, артиллерія и транспорты—безъ запряжекъ. Пришлось уничтожить и покинуть добрую часть орудій съ принадлежностями... Непріятель, видѣвшій по дорогѣ слѣды бѣдствія, постигшаго французскую армію, постарался воспользоваться ею: онъ окружилъ всѣ колонны казаками, которые, какъ арабы въ пустынѣ, отхватывали отдѣлявшіеся поѣзда и повозки. Эта ничтожная (*méprisable*) кавалерія, которая сильна только шумомъ и не способна помѣряться съ ротою стрѣлковъ, сдѣлалась страшна при данныхъ обстоятельствахъ. Однако, непріятели заставляли раскаиваться послѣ каждой серьезной попытки его противъ насъ»...

«Лошади и все нужное, утверждалось далѣе, начинаютъ прибывать. Генералъ Бурсье имѣетъ въ разныхъ депо свыше 20.000 лошадей. Артиллерія уже восполнила свои потери»...

Всѣ предосторожности были приняты, чтобы до самаго отъѣзда ничего не знали о намѣреніи Наполеона. Однако, предчувствіе этой бѣды охватило его свиту—всѣмъ хотѣлось слѣдовать за нимъ, поскорѣе уѣхать изъ ада.....

«Вечеромъ были созваны начальники арміи. Явились маршалы. По мѣрѣ того, какъ они входили, рассказываетъ Сегюръ, Наполеонъ отводилъ каждаго въ сторону и посвящалъ въ свой проектъ, для чего не жалѣлъ ни доводовъ, ни выраженія довѣрія и ласки».

«Завидя Даву, онъ пошелъ къ нему навстрѣчу и освѣдомился—не сердится ли онъ. Почему его не видно болѣе? На отвѣтъ маршала, что, кажется, онъ заслужилъ его неудовольствіе, Наполеонъ любезно принялъ всѣ объясненія и подробно рассказалъ о своемъ намѣреніи уѣхать и указалъ на самое направление пути. Онъ былъ добръ и ласковъ со всѣми. За столомъ онъ воздалъ хвалу всѣмъ за доблестное поведеніе въ продолженіе кампаніи, а относительно себя выразился, что «ему, конечно, легче было бы не ошибаться, если бы онъ былъ Бурбонъ».

«По окончаніи обѣда Наполеонъ приказалъ принцу Евгенію прочитать вслухъ XXIX бюллетень и громко, объявилъ о томъ, о чемъ говорилъ передъ этимъ конфиденціально: «нынче ночью онъ выѣдетъ съ Дюрокомъ, Коленкуркомъ и Лобо въ Парижъ, гдѣ его присутствіе необходимо какъ для Франціи,

такъ и для остатковъ арміи. Только оттуда онъ въ состояніи сдерживать австрійцевъ и пруссаковъ, которые, конечно, поостерегутся объявить ему войну, когда узнаютъ, что онъ стоитъ снова во главѣ всей націи и милліоннаго войска!...»

Онъ объявилъ, что передаетъ командованіе арміею королю Неаполитанскому. «Надѣюсь, прибавилъ онъ, что вы будете повиноваться ему, какъ бы мнѣ самому, и что между вами будетъ согласіе».

Конечно, никто не протестовалъ. Маршалъ Бертъе, не пробуя отговаривать Наполеона, заявилъ только о необходимости включенія своей особы въ число отъѣзжающихъ и — получилъ сильнѣйшій нагоняй: Наполеонъ осыпалъ его упреками за эту претензію, напомнилъ всѣ свои милости и благодѣянія и въ заключеніе предложилъ или одуматься и согласиться, или немедленно ѣхать въ свои помѣстья и тамъ ждать рѣшенія участи, за ослушаніе волѣ императора.

Въ десять часовъ вечера онъ пожалъ всѣмъ руки, расцѣловался и вышелъ на подѣздъ средь двухъ рядовъ свиты, раздавая, направо и налево, печальныя вынужденныя улыбки.

Наполеонъ и Коленкуръ сѣли въ возокъ, на козлахъ котораго помѣстились мамелюкъ Рустанъ и польскій офицеръ — за кучера. Дюрокъ и Лобовыѣхали слѣдомъ, въ открытыхъ саняхъ.

Какъ только узнали въ арміи объ отъѣздѣ императора, такъ никто не сталъ болѣе сдерживаться. До тѣхъ поръ группы вооруженныхъ солдатъ еще дер-

жались около знаменъ—тутъ и они разсѣялись, прятавъ орлы въ ранцы и сумки. Наполеонъ одинъ былъ въ состояніи сколько-нибудь поддерживать остатки дисциплины—съ его исчезновеніемъ Мюратъ и всѣ власти потерялись, упичтожились.

«Часъ спустя послѣ отъѣзда императора, говоритъ очевидецъ, одинъ изъ старшихъ офицеровъ обратился къ другому со словами: ну что, разбойникъ-то уѣхалъ?»

«Уѣхалъ, отвѣтилъ тотъ: удралъ такую же штуку, какъ въ Египтѣ!»

Два короля, одинъ князь, восемь маршаловъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, генералы пѣшкомъ, вразбродъ, и нѣсколько сотъ человѣкъ старой гвардіи, еще несшихъ оружіе—вотъ все, что осталось отъ великой арміи.

Наполеонъ, едва не захваченный по дорогѣ казаками русскаго партизана Сеславина, съ замѣчательнымъ счастьемъ выскользнулъ изъ бѣды и въ Варшавѣ, уже нѣсколько оправившійся, такъ объяснилъ несчастный исходъ кампаніи: «Я выѣхалъ изъ Парижа съ намѣреніемъ дойти войной только до старыхъ границъ Польши; обстоятельства увлекли меня! можетъ быть я сдѣлалъ ошибку, пойдя на Москву, можетъ быть напрасно остался въ ней слишкомъ долго, но вѣдь отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ, и потомство разсудитъ меня! Мои французы, прибавилъ Наполеонъ, ничего не стоятъ на морозѣ—холодъ дѣлаетъ ихъ рохлями»...

«При отступленіи у меня не было кавалеріи и, сознаюсь, когда казаки нападали на мои колонны, я бывалъ въ затрудненіи. Мнѣ нельзя было собрать всю армію, это затруднило бы отступленіе, нельзя было также и очень разрозниваться, потому что казаки перерѣзали бы насъ. Надобно было идти впередъ, отступать, забивать прорѣхи, обманывать непріятеля. Признаюсь, нужна была вся моя опытность, чтобы выбраться...»

Онъ выбрался, но съ этой кампаніи началась агонія его власти...

К О Н Е Ц Ъ.

